21-78

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1988

ОТКРЫТИЕ НЕОСОЗНАННОГО

АНЕСТЕЗИЯ НРАВСТВЕННОСТИ

АРХИТЕКТУРА

ПОД ДИКТАТОМ ВЕДОМСТВ

...НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (3186)

13 — 20 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Анна Ивановна и Дмитрий Константинович Моторные. (См. в номере материал «Вернуть крестьянину долги».)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистический — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 25.07.88. Подписано к печати 09.08.88. А 10384. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2707.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ДМИТРИЙ
КРЕСТ

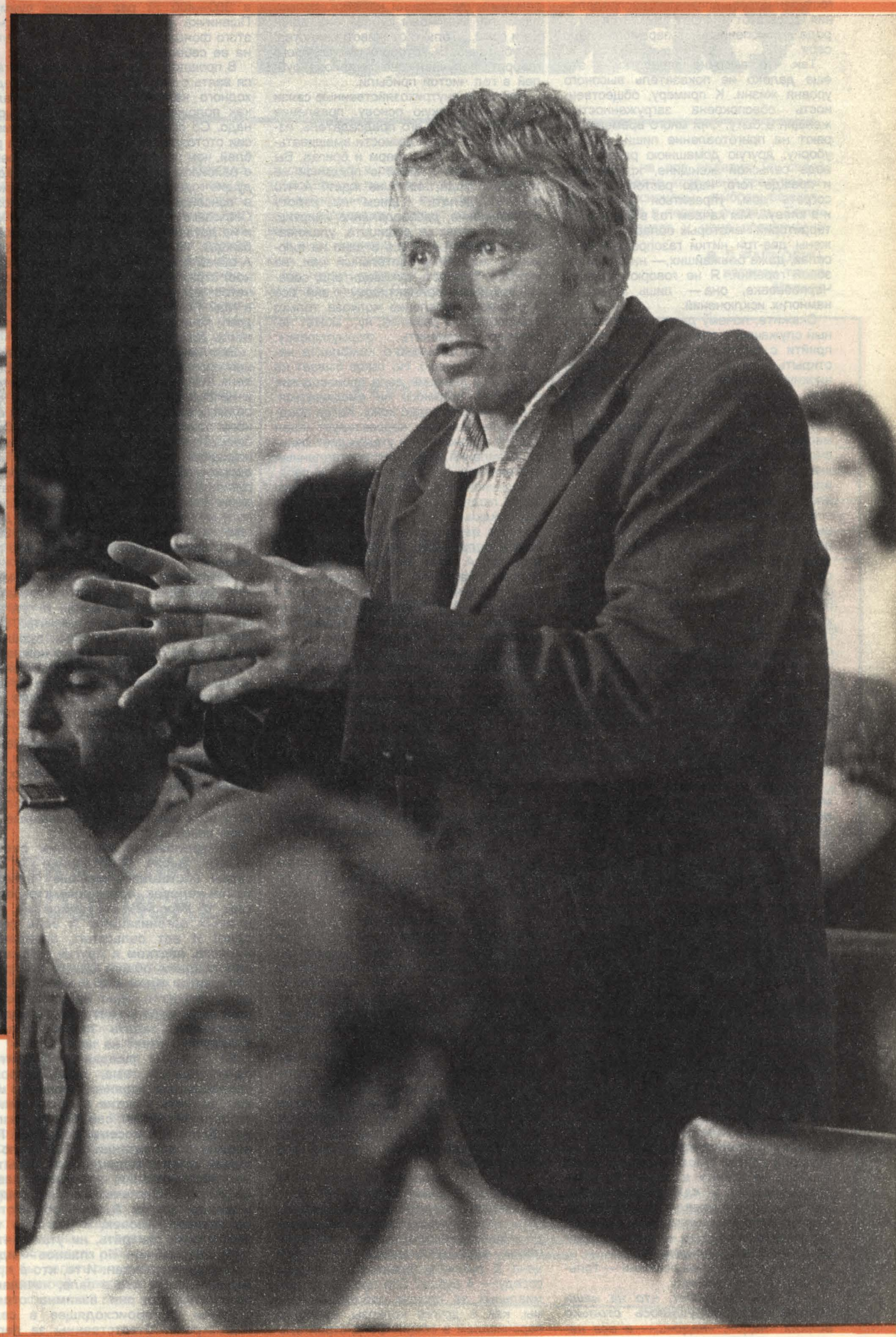
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

аже на самой партконференции обстановка открытости улучшалась с каждым днем,— говорит Дмитрий Константинович.— И если бы я выступал не в первый день ее работы, а, скажем, на второй или третий, я бы уже говорил иначе. Моя главная мысль: пришло время, когда общество должно отдавать долги крестьянину. Это, может быть, последний срок. За счет обесценивания труда, и в первую очередь крестьянского, проводилась индустриализация, в голод 1933 года горожане имели хлебные карточки, а крестьяне были брошены на произвол судьбы, вымира-

МОТОРНЫЙ: «ВЕРНУТЬ ...ТЬЯНИНУ ДОЛГИ»

ДЕЛЕГАТ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА ИМЕНИ КИРОВА ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТИ Д. К. МОТОРНЫЙ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА» СТАНИСЛАВА КАЛИНИЧЕВА

ли... Кампания «раскулачивания» уничтожала самую трудолюбивую, самую инициативную часть крестьянства; в годы войны сельские профессии в отличие от многих промышленных не имели брони от призыва на фронт, село и тут понесло наибольшие потери... В послевоенные годы труд в поле и на фермах был, по сути, крепостным и почти бесплатным... В наше время эта несправедливость приняла иные формы, не столь грубые, правда. Если общество не восполнит хотя бы часть своего долга перед крестьянством, оно может окончательно загубить источник своего пропитания.

— Но сегодня механизатор получает не меньше промышленного рабочего, а в вашем колхозе имени Кирова доярка зарабатывает больше, чем секретарь парткома.

— Наши деньги не гарантируют благ. Автомобиль, путевку в дом отдыха, квартиру, хорошую мебель и многое другое — до стройматериалов включительно — мы главным образом не покупаем, а достаем, получаем из рук многоступенчатого аппарата распределения. Весь этот аппарат находится в городе и обеспечивает в первую очередь себя.

Так что высокие заработки — это еще далеко не показатель высокого уровня жизни. К примеру, общественность обеспокоена загруженностью женщин в быту. Они много времени теряют на приготовление пищи, стирку, уборку, другую домашнюю работу. Но ведь сельской женщине, кроме того и прежде того, надо растопить печь, согреть дом, управиться в огороде и в хлеву... Мы качаем газ в Европу, по территории некоторых областей проложены две-три нитки газопровода, а в селах, даже ближайших,— ни одной газовой горелки. Я не говорю о нашей Чернобаевке, она — лишь одно из немногих исключений.

Скажите, почему даже самый скромный служащий в городе считает нормой прийти с работы в теплую квартиру, открыть кран и умыться теплой водой, чиркнуть спичкой и «растопить» плиту... Для крестьянина эти элементарные удобства пока что недосягаемы! А ведь без них многие другие блага просто меркнут! Я считаю, что одна из первоочередных задач государства, всего нашего общества — газифицировать село или установить приемлемую цену на электроэнергию.

Как-то я получил письмо от колхозницы из Голопристанского района. Она обращается ко мне как к депутату Верховного Совета УССР, члену ЦК КПСС, со своей обидой и просьбой. На ферму она добирается в резиновых сапогах, потому что грязь по колено; ребенок ходит в школу за 4 километра; дома главная забота — где достать уголь, да еще такой, чтобы он горел... В свинарнике устраивают панели с электроподогревом, причем никаких ограничений тут нет, а вот чтобы согреть детей колхозницы, установить в ее доме стационарную электроплиту — сто барьеров! Да и за ту же электроэнергию надо платить в несколько раз дороже, чем за обогрев животных.

— А вы не считаете, что разница между городскими и сельскими условиями жизни определена некими объективными причинами?

— Конечно, не в каждом селе (как, впрочем, и не в каждом городе!) можно открыть хороший театр, вуз, музей... Но иметь ванну, туалет, холодную и горячую воду, газовую или электрическую плиту в каждом сельском доме необходимо! Думаю, что никакая зарплата не компенсирует отсутствие этих благ.

Я говорил об этом на партконференции и в своих других выступлениях: общество должно на какое-то время попридержать реализацию других программ, а максимум средств и усилий сосредоточить на благоустройстве села. В частности, канализацию сделать столь же обязательной, как и в городе, необходимо удвоить и утроить темпы прокладки сельских дорог за счет государства...

— Дмитрий Константинович, вы говорили: только в прошлом году на Украине триста тысяч человек ушли из села на работу в город! А когда придет время и каждая городская семья получит отдельную квартиру, в селе с его нынешним благоустройством может вообще не остаться людей. Проблема глобальная...

— Но уходить от ее решения — только усугублять проблему.

— А вас не пугает, что на наши головы враз обрушилось столько всяких «надо», «надо»...— и все неотложные, все архиважные?

— Не пугает. Партия назвала ключевые задачи, решая которые мы станем лечить многие застарелые недуги. Главнейшая из них — демонтаж командной системы управления, демократизация общества. Тут наша уверенность в успехе подкрепляется собственным опытом. Двадцать лет назад мы в колхозе начали внедрять хозрасчет и самоуправление на производственных участках — с тех пор не берем у государства ни копейки, только даем ему миллионы рублей ежегодно. Да и сами... Только от животноводства, об убыточности которого сейчас много говорят, получаем два миллиона рублей в год чистой прибыли.

Поставив внутрихозяйственные связи на экономическую основу, правление колхоза и я, как его председатель, избавились от необходимости вмешиваться в текущие дела ферм и бригад. Вы заметили, что у меня в приемной не толкутся люди, никто не ждет? А что им тут делать? Прием на работу и увольнение, распределение квартир, путевок, дележка дефицита, улаживание конфликтов — все отдано на фермы, в кормозаготовительный цех, на участки. Там есть руководители, советы трудовых коллективов — они все и решают. Правление колхоза только утверждает их решения, ну... может несколько изменить формулировку, а в случае серьезного конфликта назначить комиссию. Но такое бывает не часто. А в текущие дела производства я вообще стараюсь не вмешиваться. И на планерки редко хожу. Когда председатель колхоза корректирует план работы агронома или утверждает рацион кормления животных, составленный зоотехником, он обкрадывает и себя, и подчиненного. Только полностью доверяя людям, с них и требовать можно без скидки.

— Не верилось! С властью, даже самой маленькой, так просто не расстаются. А тут — Моторный, дважды Герой... Неужели не соблазняется кого-то поучить, а кого-то наградить?

Потом мы с Дмитрием Константиновичем много ездили по хозяйству, смотрели Чернобаевку, где все — Дворец культуры и спорта, АТС, парк аттракционов, мелькомбинат, цех общепита и гостиница, собственный ремзавод и многое-многое другое — построено без единого рубля госкредита, за свои кровные. С Моторным здоровались десятки людей, он говорил с ними, шутил, справлялся об их детях, но ни разу и никому — на ферме ли, в кормоцехе или в поле — не сделал замечаний или указаний по работе. Когда я сказал об этом, он пожал плечами:

— А зачем? Они тут больше меня заинтересованы в порядке: и по совести — им все права отданы, и материально — ведь на полном хозрасчете...

— Когда Моторный по утрам просматривает обширную почту, то на целом ряде бумаг ставит вместо резолюции только буквы «ДК»: то ли свои инициалы, то ли сокращенно «для контроля»? Оказалось все гораздо проще: «для корзины». А часто бумаги эти — из уважаемых органов...

Однако от многих благоглупостей административно-командной системы, от многих нелепостей антиэкономичного подхода к экономике таким росчерком «ДК» не избавишься, в корзину их не выбросишь. О них с застарелой горечью говорил мой собеседник:

— На партконференции очень четко и однозначно было сказано, что пора разговоров кончилась, надо действовать, не ожидая новых команд «сверху». Почему нашему колхозу за килограмм мяса установлена закупочная цена 2 рубля, а плохо работающему соседу — 4 рубля? Сто процентов премиальных за плохую работу? Почему мы, как и другие колхозы, ежегодно перечисляем в общий фонд строительства дорог шестидневный заработок всего коллектива, а совхозы — ничего? Разве совхозные автомобили летают по воздуху?

Ежегодно мы отчисляем 6 процентов от валового дохода в фонд социального обеспечения колхозников. Значительно больше, чем расходуем на эти цели. Но тут претензий нет. А почему еще 3 процента берут с нас в фонд плохо обеспеченных семей? Из каких расчетов, если из этого фонда к нам возвращаются в 300—400 (!) раз меньшие суммы? Пшеничка еще растет, а уже в счет этого фонда 300 тысяч рублей ложатся на ее себестоимость.

В прошлом году райфинотдел пытался взять с нас 870 тысяч рублей подоходного налога. А когда подсчитали, как положено, оказалось... 270 тысяч надо. Со скандалом, с вызовом комиссии отстояли мы свои полмиллиона рублей, чем пробили колоссальную брешь в районном бюджете. Ведь все предыдущие годы район формировал бюджет в основном за счет нашего колхоза. Совхозы тут низкорентабельные, а кто и на дотации: вот райисполком и освобождал их от платежей в бюджет... А обязательное (читай — принудительное) страхование? Из каких таких расчетов мы платим 450 тысяч рублей в год? Потом спрашиваем с умным видом: почему столь высока себестоимость сельхозпродукции?

Вся наша административно-командная система управления была направлена... Впрочем, система пока остается, и направленность ее все та же — усреднить всех и вся, подвести всех к одному одинаково низкому уровню. Особенный вред тут наносит все еще сохраняющийся принцип планирования «от достигнутого». Одному, скажем, планируется 25 центнеров с гектара собрать, а он берет по 26 и ходит в героях, получает премиальные надбавки, а другому планируют 40, но берет он 39... Этого накажут рублем, и не только рублем.

Колхозники горько шутят: хочешь жить безбедно — раз в пять лет скатывайся на последнее место... И тут, веруя, что у нас нет зон, закрытых для критики, надо сделать упрек высшему руководству страны. Сколько можно говорить?! Уже на всех уровнях однозначно признано, что планирование от достигнутого — зло, тормоз, один из источников силы бюрократии. Не пора ли союзным Совмину, Госплану и власть употребить? Плановые задания, установленные не по прихоти чиновников, а исходя из объективных условий региона, учитывающие наличие людских и материальных ресурсов, привели бы в действие все скрываемые до поры резервы.

В Чернобаевке населения около десяти тысяч. Колхозники и их семьи составляют меньше четырех тысяч человек, остальные кто работает в Херсоне, кто здесь же, но в иных организациях. А ведь село одно! И вот сельсовет, правление колхоза, партком и другие организации создали общий орган, который собирается один раз в месяц. Заседают всегда в одно время в большом зале, куда может войти каждый желающий, задать любой вопрос и получить ответ на него.

На каждое заседание готовится одна главная тема, люди широко оповещаются заранее, каждый может принять участие в обсуждении, а после него идет свободный разговор. Было уже восемь заседаний. Говорили о воспитании детей (село — общий дом), о медицинском и бытовом обслуживании, о торговле, наведении общественного порядка и многом другом. В зале собираются до пятисот человек, и разговор такой, что ни схитрить, ни утаить что-либо невозможно. Но главное — идет воспитание граждан. И те, кто в президиуме, и те, кто в зале, начинают понимать, что они взаимно ответственны за происходящее в селе и в стране. Ответственны за перестройку.

ПРОШУ СЛОВА!

Слишком многих заботит сегодня то, о чем пойдет речь: ситуация с подпиской на газеты и журналы на 1989 год. Официально введенный дефицит («лимит») на печатное слово кажется мне явлением чрезвычайно опасным.

Дело в том, что в общественном сознании пресса выступает как один из важнейших гарантов необратимости перемен, как своего рода символ этих перемен. Но пресса может выполнять свои функции, только будучи общедоступной. Сегодня же у многих и многих желающих изъято право на приобретение, может быть, самого важного «товара» — информации.

Я предвижу два рода возражений. Первый сводится к тому, что стране не хватает бумаги и полиграфических мощностей. Это дело серьезное, и я не стану давать наивных рекомендаций по немедленному выправлению того безобразия, что накапливалось десятилетиями. Убежден, что решение задачи существует, и пусть те, кто отвечает за бумагу и полиграфию, отвечают за них.

Но главное даже не в этом. Хочется узнать, кто доказал, что в 1989 году подписка «съест» больше бумаги, чем в 1988-м? Вполне вероятно, что тиражи иных журналов вырастут. Но откуда известно, что тиражи других не могут упасть? Лимиты вынуждают читателя волей-неволей вытаскивать провалившийся журнал из трясины.

Ну, а если читатель уйдет, не подписавшись? Если не поддастся он логике уравниловки и сбережет свои рубли (и государственную бумагу)? Тогда-то все хорошо? По-моему, ужасно. Ибо того, чего человек ждал, он не получил (в который раз он уже остался без бананов, билетов, лекарств, джинсов, сахара и еще бог весть чего).

Здесь пора предоставить слово второму оппоненту. Не «квазиэкономисту», а «квазисоциологу», который бодренько объяснит нам, что: а) журналы надо читать, а не владеть ими, б) у нас есть разветвленная сеть библиотек, в) журналы можно брать у знакомых (интересно, а как быть с газетами? Впрочем, у нас есть опыт передачи из рук в руки «Московских новостей») и т. д. и т. п. Напомним, что состояние наших публичных библиотек удручающее (к слову, библиотек, особенно районных и ведомственных, тоже коснулся лимит на подписку), что в очередях за иными бестселлерами люди стоят месяцами, что даже в «Ленинке» «захватить» иной журнал — проблема. Напомним и о том, что для многих и многих людей чтение свежих журналов сразу по выходе — профессиональная необходимость. Я имею в виду не только критиков, социологов, публицистов, редакторов и прочих «кабинетных гуманитариев» — им немного легче, чем другим. Я имею в виду многие тысячи преподавателей гуманитарных и социально-экономических дисциплин в вузах. Я имею в виду еще более крупные группы: учителей старших классов, лекторов-пропагандистов. Потери от утраты информации — страшная вещь, а в условиях, когда ин-

«ЛИМИТ» НА ПОДПИСКУ

формация в принципе доступна, не менее страшная, чем в те годы, когда все находилось «под секретом».

Где нет места информации, господствуют слухи. Кстати, и о «лимите» на подписку мы узнавали больше из разговоров, чем из средств массовой информации. Но это не последние слухи, рождаемые проблемой подписки. Остановлюсь лишь на двух легко просматриваемых «концепциях», что не могут в нынешней ситуации не проявиться.

Первая уже обнаружилась. Ни для кого не секрет, что в стране есть достаточно влиятельные силы, выражающие недовольство политикой гласности. Достаточно напомнить, что работу прессы ставили под сомнение даже некоторые делегаты XIX партийной конференции. Разумеется, выступления такого рода получали и получают должную оценку. Однако превращение подписки из свободной в лимитированную легко может быть воспринято как победа так называемых «сил торможения», как один из способов сворачивания гласности! Экономическое головотяпство легко «идеологизируется» и «политизируется», вера в новое мышление подвергается серьезному (и, на мой взгляд, бессмысленному) испытанию.

Второй легко предполагаемый вариант (не отменяющий, но поддерживающий первый): в условиях несвободного доступа к журналам и газетам естественно появление слухов о материалах, якобы в них напечатанных. Слухи эти опровергать очень трудно: всегда найдется информант, знакомый которого «своими глазами» читал то-то и то-то. Если же ткнуть этого информанта в соответствующее издание носом, то и тут от «вымыслов чудесных» не укроешься. Хуже станет не только читателям, но и журналистам (последнее тривиально, одного без другого не бывает, коли у читателей и журналистов живы ум и совесть). Ситуация «лимита» и связанные с ней перестраховка и сплетни усугубляют наши трудности.

«Но почему же нам всем станет хуже? — в голос кричат уже оба моих оппонента.— Ведь подписка остается в пределах прежних тиражей!! Сколько было, столько и осталось!» «А потому,— отвечу я,— что дефицит развращает». И, увы, журналы не тем отличаются от сахара, что вокруг них, дескать, не создашь искусственного ажиотажа. Еще как создашь. Коли мне известно, что журнал такой-то достать трудно, то я нос в кровь разобью и землю проем, а подпишусь. По три дня отмечались люди в московских очередях, дабы «выбрать» подписку до основания за первое августа. Предвижу, что будет твориться в учреждениях, когда пойдут жеребьевки, а с ними обиды, намеки, подозрения. Особенно там, где пресса необходима всем и всем разом (например, в редакциях). Я работаю в журнале, где хорошая библиотека (получаем большинство журналов — без этого попросту работать не смогли бы) и очень хороший коллектив. И то время от времени возникают неловкие ситуации — какого-то издания, нужного тебе для справки, проверки, уточнения немедленно, нет на месте. Его взял почитать коллега. Насколько же хуже будет нам в будущем году, когда мы не сможем вложить свои деньги в орудия производства, без коих мы как без рук. А ведь мы-то остаемся в привилегированном положении (столица, журнальная библиотека, знакомства!). Подумаешь об учителе словесности из районного города, и отвратительно на душе становится. Так-то мы хотим повысить культуру, отнимая ее едва ли не важнейший на данном этапе источник.

Хотел бы оказаться дурным пророком, но, на мой взгляд, то, с чем столкнулись подписчики 1 августа, стоит того, с чем они же столкнулись 13 марта. Моральные последствия непродуманной политики могут обойтись дороже, чем «принципы» Нины Андреевой и «три недели застоя». Не слишком веря в чудеса, а значит, и в то, что бюрократы, придумавшие систему ограничений, прислушаются к мнению, отличному от их собственного, считаю необходимым его все же высказать. Ни я, ни журнал «Огонек», ни любой другой журнал не можем сделать так, чтобы с завтрашнего дня все вернулось к вчерашнему (в данном случае это синоним «нормального») состоянию. Нет у нас такой власти. Но мы можем и должны разъяснить читателям — гражданам нашей страны, что же с нами и с ними происходит.

Андрей НЕМЗЕР,
кандидат филологических наук, заведующий отделом критики журнала «Литературное обозрение»

«ОТКАЗАЛИ В ПОДПИСКЕ»

Первого августа в почтовом отделении № 109457 в Кузьминках перед открытием сотни (!) людей, молодых и пожилых, атаковали окошечко «подписки». Стояли несколько часов. И все они были лишены любимых журналов! Посмотрите на походку пожилых, как она изменилась, за три года прибавилось здоровья, окреп дух, они — поверили!

У нас плохо с бумагой. Так пусть сдают макулатуру не на «Трех мушкетеров», а на безлимитную прессу (газеты, толстые и тонкие журналы). Считайте, пожалуйста, это моим рационализаторским предложением. Да и сдавать макулатуру надо не на приемных пунктах, пора выделить специализированные машины, которые будут регулярно объезжать районы Москвы. Это могли бы делать энтузиасты и (что самое главное!) бескорыстно. Уверена, что до конца 1988 года, если включиться сейчас же в работу, соберем достаточно! Еще не поздно! Пусть это прозвучит нескромно, но я могу предложить свою кандидатуру. Только дайте грузовик!

И еще: неужели кто-то захочет погасить наш «Огонек»? Не верю!

Не теряю надежды 1 января 1989 г. получать журнал. Я пенсионерка и подписываюсь на все издания на своей прежней работе, хотя меня предупредили, что пенсионеры «выбрасываются» из-за лимита в первую очередь. Таким образом, шансов у меня практически никаких...

В. Д. РАЙКОВИЧ,
ветеран труда
Москва

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: 27/8 223 —го—час.—мин. Бл. № 85 Принял:
ПЕРЕДАЧА: —го—час.—мин. № связи Передал:
Адрес:

ВО ЛЬВОВЕ НЕ ПРИНИМАЮТ ПОДПИСКУ. МИНИМАЛЬНЫЙ ЛИМИТ НА «ОГОНЕК» В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ИСЧЕРПАН.

СВЕШНИКОВ (ЛЬВОВ)

«ОГОНЕК», ОТВЕТЬ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПОДПИСКОЙ? ЧЬИ ПРОИСКИ? ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ? ЕЩЕ ОДИН БЕССМЫСЛЕННЫЙ ЗАПРЕТ. КТО ЕГО АВТОРЫ?

НИКОЛАЕВ (НОВОСИБИРСК)

В НАШЕМ ГОРОДЕ НЕТ ПОДПИСКИ НА «ОГОНЕК», «ЗНАМЯ», «НОВЫЙ МИР».

ДЕМЬЯНОВА (ЛОБНЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ПОЧЕМУ НЕ ПОДПИСЫВАЮТ НА ВАШ ЖУРНАЛ? ПОДПИШИТЕ МЕНЯ ПО АДРЕСУ: 142670, ЛИКИНО-ДУЛЕВО, МОСКОВСКОЙ, ОРЕХОВО-ЗУЕВСКОГО, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ, 50Б, кв. 110.

РАЗИН М. М.

КТО И ПОЧЕМУ ДАЛ ОГРАНИЧЕНИЕ НА ПОДПИСКУ ВАШЕГО ЖУРНАЛА? ОТВЕТ СООБЩИТЕ: КУЙБЫШЕВ ОБЛАСТНОЙ, ПР. ЛЕНИНА, д. 1-629.

СУХАНОВ П. Н.

УТРОМ ПЕРВОГО ДНЯ ПОДПИСКИ НЕВОЗМОЖНО ПОДПИСАТЬСЯ НИ НА ОДНО ИЗ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА «ОГОНЕК», КОТОРЫЙ ДЛЯ НАС ВЕТЕР ПЕРЕМЕН.

РАССЕРЖЕННЫЕ РИЖАНЕ

ПРОСТОЯЛА В ОЧЕРЕДИ НА ПОДПИСКУ СУТКИ. НИЧЕГО НЕ ПОДПИСАЛА — ЛИМИТ. ПОХОЖЕ ВАС С БАКЛАНОВЫМ ПОБЕДИЛИ, А НАС СНОВА УНИЗИЛИ. НАМ НУЖНЫ ВАШИ ЖУРНАЛЫ БОЛЬШЕ САХАРА И ВОДКИ. ПОМОГИТЕ. ЛИМИТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТМЕНЕНЫ.

ТАТЬЯНА ВИЛЬГОРСКАЯ (ЛЕНИНГРАД)

ПЕРВОГО АВГУСТА СПУСТЯ ЧАС ПОСЛЕ НАЧАЛА ПОДПИСКИ ПОЧТОВЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ КИЕВА УЖЕ НЕ ПОДПИСЫВАЛИ НА «ОГОНЕК». ОПЯТЬ ЛИМИТ, ОПЯТЬ БЛАТ, АЖИОТАЖ. НАРОД ВОЗМУЩАЕТСЯ. ВЫПИСЫВАЮ «ОГОНЕК» С 1951 ГОДА, 37 ЛЕТ. ВСЕ ЖУРНАЛЫ СОХРАНЯЮ. НЕ ХОЧУ ЛИШИТЬСЯ НА 38-Й. КОГДА КОНЧИТСЯ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ? ПОМОГИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ.

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ СЕРГЕЕВ (КИЕВ)

НА 250 ТВОРЧЕСКИХ СОТРУДНИКОВ ПРИМОРСКОГО КОМИТЕТА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ ВЫДЕЛЕНО ДЛЯ ПОДПИСКИ 2 ЭКЗ. «ОГОНЬКА». ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ. ПО ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЪЯСНИТЕ СИТУАЦИЮ. ПРОСИМ ПОМОЧЬ.

ЖУРНАЛИСТЫ ЛОБОДА, БОГАТИКОВА, ЖУРМАН (ВЛАДИВОСТОК)

ОТ РЕДАКЦИИ. Сотни телеграмм приходят в «Огонек» в эти дни. Тема одна: не смогли подписаться на журнал. Мы приветствуем всех, пожелавших стать нашими подписчиками, однако, к сожалению, не имеем возможности ответить каждому читателю в отдельности. Сообщаем, что все письма и телеграммы будут отправлены в Главное управление почтовой связи и распространения печати Минсвязи СССР.

КАК БОЕПРИПАСЫ В БОЮ

Этот номер можно начать лишь со слов благодарности многочисленным подписчикам «Огонька», борющимся за право и в дальнейшем получать полюбившийся журнал. Мы ответственны перед ними и поэтому открываем номер несколькими из многих сотен писем, телеграмм и статей, которыми дорожим чрезвычайно как свидетельствами своей необходимости людям.

Возросший авторитет прессы не может не радовать, и поэтому толпы отчаявшихся подписаться на необходимые им газеты и журналы (а лимитировано уже более сорока изданий) выглядят удручающе, особенно на фоне только что принятой XIX Всесоюзной конференцией КПСС резолюции о гласности.

А тем временем тиражируются бумаги, сообщающие, что бумаги в стране недостаточно. К сообщениям о бумажном дефиците нас приучили, будто к роковой неизбежности; я помню времена, когда икра была в открытой продаже — но чтобы бумаги было вдоволь... Недодавать бумагу для прессы все равно, что недоговаривать. А развернутый партией процесс демократизации, гласности недомолвок не терпит. Жаждущие информации люди исхитряются на неимоверные варианты, но нужны ли они? В одном из наших посольств я видел, как свежий номер «Огонька» тиражируют на копировальной машине в нескольких десятках экземпляров, констатируя ограниченность подписных фондов и разоряя таким копированием фонды канцелярские...

Мы трудно приближаемся к нормализующейся жизни, той самой, критерии которой кристаллизовались в решениях и дискуссиях недавней партконференции, той самой, во имя которой совершался Октябрь.

Бумажный дефицит, ударяющий прежде всего по наиболее читаемым журналам, газетам и книгам, заслуживает обсуждения и анализа, так как задевает народные интересы. Правда не может быть дефицитной — ни как понятие, ни как газета. Надо хорошенько продумать и понять, почему пресса, могучее орудие перестройки, спотыкается на пути к читателю. В письмах нас спрашивают и о том, каким образом при невозможности удовлетворить спрос на существующие издания анонсируются новые; дефицит планируется надолго? В сотнях писем повторяются эти «почему?» и не разрешают читатели уходить от ответа. Вокруг проблем гласности дискуссии очень остры — время такое; газеты и журналы — как боеприпасы в бою. Сегодня репутация любого из нас в огромной степени зависит от умения постигать жизнь и говорить правду о ней. Читатели много пишут об этом.

Несколько слов более предметных: они нужны. Тем более что в условиях дефицита прессы растут слухи, оживает сто раз высмеянное и призабытое «агентство ОТС» (одна тетка сказала). В частности, хочу вас уверить, что усердно распространяемый слух (некая актриса даже изрекла его, как явившееся ей откровение) о неточностях в публикуемых «Огоньком» материалах — из разряда воинственных преувеличений. У нас достаточно недругов, в том числе довольно влиятельных и несдержанных; нам бы ни за что не простили серьезных фактических промахов. Из восьмисот опубликованных за год писем, к примеру, промашки случились всего в двух — одна недавно. Связан промах с тем, что в отливке бюста В. В. Гришина, положенного ему по закону как дважды Герою, все шло в установленном порядке. Автор письма в «Огонек» доверился слухам о том, что сам В. В. Гришин контролировал процесс отливки. На самом же деле контроль осуществляли другие люди, и мы приносим свои извинения В. В. Гришину за такую ошибку. Виновный сотрудник строго наказан, в редакции проведено собрание по обсуждению случившегося.

Ошибаемся мы, к счастью, очень редко. И ошибки наиболее часты там, где доверяемся читательскому «мне говорили», «я слыхал». Так вышло в случае со статьей о замечательном композиторе И. О. Дунаевском. В подборке писем нынешнего номера мы исправляем допущенную ошибку.

Количество наших «проколов» меньше, чем в большинстве массовых изданий страны, но их не должно быть вовсе. Мы боремся за полную безошибочность, очень болезненно переживаем любую неточность. Достоверность — важнейшая часть репутации журнала, мы стремимся к ней, ожидая того же от других. Признавать собственные ошибки непросто; писатель Ю. В. Бондарев, например, бросивший с трибуны минувшей партконференции несколько грубейших бездоказательных обвинений, так и не извинился ни за одно. А там были вещи посерьезнее спора о том, как отливался бюст В. В. Гришина...

Мы боремся за светлое будущее; свет истины беспощаден и необходим нам, как справедливость. Дефицит прессы несправедлив. Но, увы, киоски «Союзпечати», заваленные печатной продукцией, которую не раскупают, и возмущенные читатели, желающие купить и прочесть то, что им надо,— картина печально логичная. Все похоже на прилавок гастронома с тусклыми банками «Завтрака туриста» из рыбьих голов, а покупатели жаждут хороших колбас да свежей курятины. И книжный прилавок, где стоят одни книги, а покупатели требуют других...

Надобно уважать друг друга.

Трудности с бумагой временные, но привычные. Хорошо понимая, что в один день их не одолеешь, нельзя не обеспокоиться традиционной уже негибкостью тиражной политики, тормозящей воздействие прессы, бесспорно растущий авторитет которой — свидетельство возродившегося народного доверия к нашим средствам массовой информации. Явление это можно бы и получше использовать на благо перестройки.

Впрочем, вопросы материальной и духовной жизни неразделимы давно уже. Надо решать их, помня, что нынешняя жизнь цельна, а перестройка спрашивает с каждого из нас во всех сферах по максимуму. Надо стремиться к соизмеримости с ней.

Спасибо вам за доверие, дорогие читатели! Дело у нас общее — давайте крепить свое единство, взаимной требовательностью выверяя друг друга и совершенствуя жизнь.

Виталий КОРОТИЧ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

■

Вот уже 24 года вместе с писателем и журналистом Миле Павлиным из Югославии я разыскиваю советских людей, которые воевали против фашистских захватчиков вместе с партизанами Югославии. Миле Павлин, копаясь в архивах, добывал довоенные адреса моих соотечественников, а я с помощью паспортных отделов милиции, военкоматов, радио искал их по всему Союзу. Нам удалось разыскать свыше трехсот «без вести пропавших», подавляющее большинство которых оказались настоящими героями. Но мало кто из них охотно отвечал на мои письма и делился воспоминаниями. Почему, спросите? Дело в том, что большинство советских граждан, участвовавших в освободительной войне в Югославии, вернувшись на Родину, были подвергнуты репрессиям, боевые ордена и медали, партизанские документы и фотографии были изъяты. А те, кого миновала лавина репрессий, кто избежал бериевских лагерей, жили тише воды, о себе не рассказывали. К сожалению, и сейчас многие из них не пользуются заслуженной славой, правами и льготами участников войны. В судьбах многих из них переплелось трагическое и героическое. Фашисты вывезли их, тогда мальчишек и девчонок, в гитлеровскую Германию. Они прошли все круги ада лагерей. Когда удалось бежать, вступили в горах Югославии в партизаны. Многие из них за храбрость были награждены медалями и орденами Югославии. В СФРЮ они и сейчас пользуются почетом и глубоким уважением. А в своей стране их даже не хотят признавать участниками войны. Разве это справедливо? Куда бы я ни обращался, всюду бездушие и бюрократическая стена. Миле Павлин рассказал о них в югославской печати, а я у нас — в «Красной звезде», «Правде Украины», «Крымской правде» и т. д. Но результатов никаких. Кто же поможет им?

Л. А. КАПЛИН,
инвалид I группы
Сочи

■

Была объявлена информация о посещении рядом руководителей выставки художника Ильи Глазунова. И добавление о том, что за последнее время художник написал немало хороших (или интересных, не упомню) работ.

А зачем вообще сообщать о том, что кто-то из руководителей посетил выставку или концерт? Это ведь из старого времени повадка, когда каждое такое посещение могло что-то обозначать, куда-то качнуть весы признания или неприятия. Сегодня, мне представляется, руководители всех рангов могут стать просто зрителями, как все. Со своими пристрастиями — пожалуйста! Но к посещению вернисажей и спектаклей пусть относятся без служебной обязательности, по любви и интересу.

Другой вопрос — кому по долгу службы положено общение с искусством. А то ведь страшное дело, читаю в «Литературной газете» в письме Г. Рождественского: министр культуры В. Г. Захаров ни разу не был на концертах его оркестра.

Надо начать перемену отношения к искусству сверху. Ведь массовая непричастность «аппарата» к культуре бросается в глаза, простите за резкость. Приведу примеры. Весной у нас в Ленинграде был совершенно уникальный благотворительный концерт в Большом зале филармонии. Его устраивало Ленинградское отделение Фонда культуры для сбора средств на музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. В фойе была выставка картин начала века из частной коллекции, в афише стояли имена самых больших актеров столицы и наших театров, в перечне читаемых авторов — Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Пастернак, Маяковский, Ходасевич, Бродский. Билеты с трудом достались лишь входные, а в зал вплывала публика, которая не слышала стихов, пережидала музыку, у картин высказывалась громко и неодобрительно. Эта привычка свое мнение считать руководящим еще так жива!

И последний резкий пример: то, как слушали делегаты XIX Всесоюзной конференции редактора журнала «Знамя» писателя Г. Бакланова, свидетельствует о преобладании в зале людей, мало читающих. Разве это не так?

Вот о чем мне захотелось написать после телевизионной информации о посещении выставки одного художника руководством.

Г. ЗЯБЛОВА,
член Союза журналистов СССР

■

Думаю, что вовремя XIX партконференция подтвердила очень важное, на мой взгляд, положение, что ни одна партийная организация, ни один работник не должны оставаться вне контроля. Я считаю, пришло время приоткрыть завесу тайны и в деятельности КГБ, иначе как общество сможет его контролировать, ничего о нем не зная. Во многих странах, насколько мне известно из нашей прессы, службы безопасности регулярно отчитываются о своей деятельности перед парламентскими комиссиями. В США, известно, комиссия конгресса так пошерстила ЦРУ и ФБР за незаконную деятельность, что те даже нанесли контрудар, поймав, в свою очередь, некоторых конгрессменов на противозаконных деяниях.

Может быть, руководство КГБ приподнимет завесу тайны, а Верховный Совет СССР ему поможет в этом? И вместо детской игры в многоточие мы получим реальную картину, какая и есть на самом деле. Тем более, как прочитал я в «Аргументах и фактах», сами сотрудники КГБ, обсуждая Тезисы к партконференции, говорили, что давно пора рассказать о многих аспектах их деятельности, которые, разумеется, не связаны с государственной тайной. Так в чем же дело?

В. НИКИТИН,
учитель, 30 лет
пос. Спасская Губа Карельской АССР

ХОЧУ ДЕЛАТЬ ДОБРО. НЕ ПОЛОЖЕНО... ●
ПОГОНЫ ЗА ИГРУ ●
КТО ЗАПРЕТИЛ СНИМАТЬ В МЕТРО? ●

■

— Я сорок лет в войсках, а ничего подобного не видел! И где это автор нашел такую часть? — комментировал повесть Ю. Полякова «Сто дней до приказа» подполковник в отставке, ныне вольнонаемный служащий. «Я в войсках чуть больше года, а насмотрелся...» — подумалось мне, рядовому срочной службы.

...В ночь с 23 на 24 февраля прошлого года нас вызвали по тревоге. Пять суток находились в состоянии повышенной боевой готовности, пять дней в городе было неспокойно — газеты, телевидение сообщали: «Разыскивается опасный преступник... Преступник вооружен... Его приметы...».

Мы хорошо знали его приметы. Еще бы — молодой солдат из нашей части, застреливший нескольких сослуживцев.

Когда уже проводили убитых в последний путь, преступник был наконец задержан. Следствие не закончено до сих пор, но давно установлено: главной причиной страшного преступления явились неуставные взаимоотношения.

Мой год службы позади. И служу я в отличном, дружном коллективе — наша рота единственная в части, где новобранцы не подшивают «дедам» подворотнички, не стирают их «хэбэ», не изображают «дембельский поезд» и не заправляют чужих кроватей. И все же...

Недавно пришло молодое пополнение. И теперь они будут по утрам драться из-за швабр, пока я буду досыпать, набивать уголки на одеялах, пока я буду умываться, равнять снег по нитке, пока я буду курить. Потому что, если этого не будут делать они, буду опять делать я.

А я устал. Устал от офицерского хамства, устал выполнять по десять друг друга исключающих приказов одновременно, устал успокаивать друга, у которого на «гражданке» жена с ребенком мыкается без жилья, почти без денег, которая никак не может получить положенного ей небольшого денежного пособия, поскольку наша финчасть и местный военкомат восьмой месяц согласовывают форму справки о том, что отец ребенка проходит срочную службу в армии.

Как часто первогодок думает наедине с собой: «Уж я-то не буду гонять «молодых»! Я тоже так когда-то думал. Но сегодня мне все равно — только бы дотянуть до «дембеля», не сорваться на ком-нибудь.

Две великие державы договорились разоружаться. Ясная мысль пробудила мои подзатвердевшие за год мозги, и я, оформляя стенгазету, под рукопожатием Союза и Штатов написал: «Всеобщее и полное разоружение — кратчайший путь к искоренению неуставных взаимоотношений».

А. МАКАРОВ,
рядовой
Ленинград

■

В № 27 «Огонька» помещен ретровернисаж Д. Дебабова «Взглянем и вспомним». Самая большая из фотографий — Мавзолей В. И. Ленина, на переднем плане большая группа военных.

Можете себе представить, что я почувствовала, когда в этой группе увидела своего отца? Я не могу этого описать словами. Среди военных, стоящих перед Мавзолеем, третий справа — мой отец, Лев Николаевич Мейер (Захаров). Не знаю, какого года снимок (наверняка ранее 1930 года), но предполагаю, что в это время отец работал начальником Особого отдела Московского военного округа. Он работал в ВЧК с 1918 года, с этого же года — член партии. В страшном 1937 году он в звании корпусного комиссара был помощником начальника управления Наркомата обороны. Его арестовали 9 июня 1937 года в Севастополе, где он был ответственным за отправку кораблей в Испанию, выполнял особое задание правительства. 11 августа 1937 года его судила «тройка». Приговор — десять лет без права переписки. В ту же ночь он был расстрелян.

19 лет мы были семьей врага народа. В феврале 1956 года отец был реабилитирован.

Под фотографией написано: «...они еще вместе: и будущие палачи, и жертвы». Вы даже представить себе не можете, насколько это правильно.

Извините меня за многословие, но и поймите, что значит для меня и брата увидеть на фотографии отца. Прошло полвека, подумать только! А я до сих пор помню лица тех, кто делал у нас обыск. Наконец-то сказана правда о том страшном времени.

Н. Л. ОБОЛЕНСКАЯ
Москва

■

Узнав, что у нас в стране появился Детский фонд, я решил перечислить свой месячный заработок на его счет. Но мой перевод не отправили. Дело в том, что я нахожусь в колонии и лишен, как выяснилось, этого права. Но почему? Ведь принять от меня деньги или не принять могут только учредители Детского фонда, а не здешняя администрация. У меня вполне обеспеченные родители, сестра, разбалованные племянники, и я бы хотел помогать тем, кто в этом нуждается. Сейчас мне 26 лет, я совершил преступление, за что отбываю наказание, и неужели на мне нужно ставить крест? Мало того, что меня осудило государство, от меня отвернулись родные и друзья: их письма ко мне словно к неодушевленному предмету. Я понял, что нельзя так жить. Хочу делать добро: я не имею никакого права помогать этим детям в духовном плане, но материально помогать я могу.

С. ДОРОНИН,
осужденный
Краснодарский край

■

В 1959 году мне довелось услышать от известного хоккеиста Е. Бабича историю создания блиставшей в 40—50-х годах хоккейной команды ВВС и о ее могущественном меценате Василии Сталине, обеспечивавшем хоккеистов присвоением им офицерских званий. За прошедшие с той поры годы присвоение званий спортсменам клубов, подведомственных Министерству обороны и МВД СССР, приняло еще более распространенный характер. Очередное свидетельство чему очерки «Прецедент» и «Да, были матчи боевые!» в «Огоньке» № 21 за 1988 г.

Подавляющее большинство граждан, в том числе и любители спорта, недоумевают: исходя из каких принципов эти ведомства, созданные для обороноспособности страны и правопорядка, привлекают в свои клубы спортсменов, не имеющих специального военного образования и военной подготовки, и присваивают им офицерские звания? Ни для кого не секрет, что таким путем удается «привязать» одаренных спортсменов из спортивных клубов профсоюзных ведомств. Но это лишь часть проблемы.

Стоит ли удивляться, что О. Блохин так легко расстался со званием майора? Офицер, дослужившийся на футбольном поле до майора, ни разу не надел форму! Иногда, стремясь любой ценой заполучить нужного спортсмена, ему присваивают офицерское звание, невзирая на низкие моральные качества. Классический пример недавнего прошлого — появление в 1987 году в составе футболистов ЦСКА младшего лейтенанта В. Брошина, отчисленного в 1985 году из ленинградского «Зенита» за систематическое пьянство...

А что, если подобные методы в спорте позаимствуют и другие ведомства? Ну, например, Академия наук. Почему бы ей не задуматься о создании Центрального спортивного клуба науки (ЦСКН), в который привлечь спортивных асов, ублажив их учеными степенями и званиями? Престижно, денежно, да и пенсия опять же...

Л. С. Шапиро,
ветеран Вооруженных Сил,
участник войны
Ленинград

■

Вопросы, затронутые в статье А. Радова «Творцы и бюрократы» (№№ 18, 24), волнуют меня потому, что из 42 моих изобретений внедрено восемь, из них для внедрения шести пришлось приложить немало усилий, и лишь два внедрены без моего участия. Последнее вызывает наибольшее удивление у коллег: внедрение изобретений без инициативы самого изобретателя иначе как чудом не назовешь. Одно из этих «чудес» принесло мне доход в размере восьмидесяти трех рублей, что за вычетом ранее выплаченного пятидесятирублевого вознаграждения составило 33 руб. 00 коп. Для получения этого гонорара мне надо было выслать авторское свидетельство на Дальний Восток, затем в него внесли отметку о выплате 33 рублей и отослали назад. Стоит ли говорить, что этот эпизод прославил меня в нашем вузе надолго, впрочем, не только меня? А число желающих заняться изобретательством в нашем институте не прибавилось, скорее наоборот.

Уже без тени насмешки хочу сказать, что изобретательские мытарства, о которых приходится читать в прессе, вызывают у читателей не только сочувствие, но и вырабатывают у них иммунитет к техническому творчеству.

Делегатом на XIX партконференцию был избран наш директор И. И. Ворович. Мне удалось воспользоваться этим обстоятельством и внести в его наказ пункт, суть которого сводится к следующему: «Установить, что право государства на владение изобретением следует ограничить достаточно коротким контрольным сроком, например, тремя годами. Если по истечении этого срока государство не реализовало изобретения, то изобретение безвозмездно переходит в собственность его автора (авторов)».

Соответственно авторы должны получить право на коммерческую реализацию изобретений, вплоть до продажи лицензий за рубеж. Это, безусловно, полезно государству. Кроме того, вырученную «инвалюту» изобретатели прежде всего потратят не на закупку кадиллаков и строительство шикарных вилл. Уверен, что на заработанные деньги они приобретут современные приборы и оборудование, персональные ЭВМ, то есть создадут себе базу для дальнейшего творчества. Если мне будут предоставлены соответствующие возможности, я поступлю только так.

Борис Григорьевич ПЬЯНКОВ,
старший научный сотрудник НИИ механики и прикладной математики Ростовского госуниверситета

■

Это было давно: боже вас упаси открыть фотоаппарат и попытаться фотографировать на Красной площади. Там стоял официальный фотограф и мог вас снять, а снимки переслать почтой.

А сегодня новый запрет. Оказывается, в метро нельзя снимать. В редакцию журнала «Советское фото» поступил официальный ответ: метрополитен входит в перечень объектов, не подлежащих фотографированию, так как он является не только транспортным средством...

А река Волга ведь тоже является «не только транспортным средством»? А Чернобыльская АЭС? А ракета «Восток», которая стояла на ВДНХ? А Останкинская телебашня? Куда же мне переслать те «секретные» фото, которые я сделал в метро до запрещающего постановления?

М. КОПЫЧЕНКО
Запорожье

P. S. «Правда» опубликовала снимок А. Медведникова «Парижское метро». Значит, пленку у Медведникова никто не засветил. Так не пора ли снять этот запрет или объяснить, что же секретного в нашем метро?

■

Авторитетный писатель Валентин Распутин в размышлениях «Знать себя патриотом» («Правда», 24 июня) настойчиво призывает людей гордиться «принадлежностью к своему народу». Армян — тем, что они армяне, евреев — тем, что они евреи, бурят — тем, что они буряты. «Позвольте уж и русскому пристроиться к этой шеренге»,— добавляет он.

Ну, а мне, интересно, чем гордиться? Если отец у меня, допустим, чуваш, а мать, к примеру, украинка. Или моему другу, у которого мать русская, а отец татарин? (А таких в Татарии полмиллиона.) Должны ли мы гордиться вдвойне — за оба своих народа — и ходить еще более гордыми, чем просто русские или просто татары? Или, наоборот, нам нельзя собой гордиться, потому что мы, получается, нечистокровные?

Дальше — еще интересней. «Гордость за свое происхождение в любом народе правомерна уже одним происхождением, которое проходит невидимый нам, но строгий отбор».

Так прямо и сказано: отбор. И потом — что такое гордость? Чем вообще человек вправе гордиться? Наверное, все-таки тем, что он сам сделал, чего добился. Гордиться тем, что тебе дано от бога,— это все равно, что здоровому гордиться тем, что он здоровый, да еще нагло призывать больных гордиться тем, что они больные.

«Авторитетно слово писателя, с глубоким доверием внимают ему люди, ищущие решения накопившихся проблем», — пишет «Правда» во вступлении к размышлениям Распутина. Прекрасно, когда писатель выступает в роли духовного наставника народа, показывает верную дорогу во время революционных преобразований в обществе. Так по какой же дороге собирается вести нас Валентин Распутин?

Г. КАЗАКОВ,
20 лет
Казань

■

После XIX партийной конференции активно обсуждается вопрос о возведении памятника жертвам сталинских репрессий.

Каким же быть мемориалу? Коммунисты и беспартийные детской городской клинической больницы № 2 имени И. В. Русакова г. Москвы считают, что в этом благородном деле следует использовать опыт наших польских друзей, которые в память о жертвах фашизма создали в Варшаве Мемориальный центр детской медицины.

Если собрать добровольные пожертвования 20 миллионов коммунистов, скажем, в размере месячного дополнительного партийного взноса, то этих средств будет вполне достаточно для строительства и оборудования Всесоюзного мемориального центра детской медицины в Москве. На территории центра и следует установить памятник погибшим в годы репрессий.

Уверены, что в этом благородном деле примут участие и беспартийные. Это позволило бы высокие нравственные мотивы соединить с огромной конкретной практической пользой для детей нашей страны. Думаем, что такой мемориал может быть создан к XXVIII съезду партии, если заняться этим сейчас, безотлагательно.

О. СТАРЫГИН,
секретарь парторганизации больницы имени Русакова, делегат XIX партконференции

■

Прочитал заметку В. Цветова «В Японию за магнитофоном» (№ 23). Все, что написано,— правда, но отнюдь не вся правда. Я много раз бывал за границей. Не как турист, не как командированный из СССР, а в качестве приглашенного эксперта Всемирной организации здравоохранения. ВОЗ платит мне 103 доллара в сутки. Но известны ли вам правила Минздрава СССР, по которым можно останавливаться в отеле не дороже 66 франков в сутки (около 33 долларов), а на себя потратить лишь 46 франков (23 доллара)? А остальные я должен вернуть в бухгалтерию Минздрава. Зачем? Надо полагать, для поездок чиновников, которым платят из кармана министерства, а вернее — из моего кармана, эксперта, приглашенного ВОЗ для консультаций. Чтобы не быть голословным, прилагаю случайно сохранившуюся квитанцию такого возврата, когда за неделю я заработал бедному министерству более тысячи франков.

И еще вот о чем. Дочери нужен калькулятор (студентка физфака), да и вельветовые штаны лучше купить за 20 франков, а не за 100 рублей, как у нас, где уже и зарплата в 400 — не деньги. Вот и думаешь, съесть отбивную или купить то, что ни за какую цену у себя не достанешь. Идешь в дешевый магазин. Благо на лбу не написано «доктор», «профессор»...

Смею думать, что чести советского ученого нигде не уронил: не пью! Да к слову и пить не на что, хотя бутылка дешевого вина стоит 5 франков, а билет в кино — 10. А вот насчет культуры — в статье напрасно. Что до меня, могу быть экскурсоводом по музею искусств в Женеве и музею Метрополитен в Нью-Йорке, потому что бесплатно...

Так-то, товарищи, магнитофон, который у нас не купишь даже с профессорской зарплатой, и брюки дочери стоят того, чтобы поголодать, ведь тебя поддерживает сознание, что 1000 франков ты возвращаешь родному министерству. Так только ли за себя краснеть надо или за наши уважаемые порядки, которые унижают советского человека за границей?

А. Н. АЛЕКСЕЕВ,
профессор
Москва

■

В связи с публикацией в «Огоньке» № 30 статьи Н. Шафера «Парадокс Дунаевского» считаю своим долгом заявить следующее. Вот уже много лет ходят слухи о якобы самоубийстве И. О. Дунаевского, моего отца. В многочисленных статьях, воспоминаниях о композиторе его друзей, современников, соратников по искусству, в книгах и письмах приводились ссылки на истинные причины его смерти. Эта истина заключается в том, что композитор И. О. Дунаевский умер от сильнейшего спазма сердца после резкого ухудшения здоровья в результате физического и душевного переутомления. Этот факт зафиксирован соответствующим документом на основе патолого-анатомического исследования больного. Живы еще и люди, которые находились рядом с композитором в этот момент. Утверждение в общем-то хорошей статьи о якобы самоубийстве И. О. Дунаевского искажает весь смысл его жизни, его нравственный облик, наносит непоправимый ущерб его памяти.

Прилагаю заверенную копию свидетельства о смерти композитора.

Е. И. ДУНАЕВСКИЙ

Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ПОБ
В ДУ

Доктор экономических наук, профессор МГУ Г. Х. Попов по приглашению ЦК КПСС участвовал в заседаниях XIX Всесоюзной партконференции в качестве гостя. Его заметки — итог размышлений над социально-экономическими проблемами, поставленными конференцией и требующими безотлагательного решения.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Конференция была посвящена двум взаимосвязанным реформам — экономики и политики. Причем главное место заняло обсуждение реформы политической системы. Реформа же экономики обсуждалась меньше, чаще — в критическом плане: анализировались бюрократические извращения в реализации решений 1987 года, недостатки самих этих решений. А позитивных предложений было негусто.

Такое соотношение в постановке проблем политики и экономики обеспокоило Л. И. Абалкина. Возражавший ему Г. А. Арбатов отметил, что соотношение правильное. Кто из них прав?

Мы выросли и живем в системе, где политика всегда была первой и главной силой. В стране, где политическая надстройка была создана до экономического базиса. Где политическая система стала главным инструментом создания экономического базиса. Где политическая система командовала базисом и стала Административной Системой. Где отрыв власти от базиса постепенно рождал бюрократизм и волюнтаризм, тенденции к культам личности...

Опять политику на первое место? Не получится ли, что мы снова отделим надстройку, увлекшись ее обновлением, пусть и в демократическом духе? Разве не ясно, что опирающаяся на старый административно организованный экономический базис политическая реформа не выйдет за пределы деклараций? Вновь ставим телегу впереди лошади? Неужели ничему не научились?

Политики решения искали в изменении технической базы — то курсом на химизацию, то курсом на мелиорацию, то курсом на научно-техническое перевооружение. Из этих курсов, самих по себе верных, ничего не выходило, поскольку ресурсы вкладывались и использовались в неэффективной системе. Колхоз, например, сконструированный как односторонний насос для выкачивания средств из села, не мог стать инструментом подъема села, и попытки организовать обратное движение ресурсов через этот насос приводили только к их разбрызгиванию.

Мы, экономисты, вначале кивали на политиков как на виновников наших хозяйственных бед. А сам по себе наш экономический строй считали единственно возможным видом социалистической экономики. Но смена целого ряда политических администраций, крах серии научно-технических программ выхода из трудностей привели нас, экономистов, к идее, что причины проблем лежат где-то глубже и — не исключено — именно в экономическом базисе.

Эта идея, укрепляясь, и привела в конце концов к предложениям о радикальной экономической реформе. Мы сказали: дело не в руководителях, не в учреждениях, не в структурах органов, не в типе администрирования. Дело в типе экономики, которая построена так, что ее двигателем, сердцевиной является неэкономический административный мотор. Поэтому выход — в реформе базиса. Не изменим этот базис — любые перемены в политике окажутся мишурой. Мы буквально выстрадали идею перестройки экономической системы как главного условия всех прочих перемен.

И вот теперь нам надо как будто от этой идеи отойти. Едва сделав первые шаги, а точнее, только заявив о предстоящей радикальной экономической реформе, мы вдруг опять возвращаемся к сфере политики. Не является ли это бегством от трудностей главной, базисной перестройки? Не является ли это рецидивом прошлого, когда то ликвидацией министерств и созданием совнархозов, то ликвидацией совнархозов и созданием министерств и другими аналогичными переменами подменяли радикальную экономическую реформу?

Логичнее ведь как? Сначала провести изменения в экономическом базисе. Сломать экономические структуры типа общественных фондов потребления (бесплатных и обильных прежде всего для высших звеньев аппарата), типа Агропрома, типа директивного планирования, являющихся экономической основой бюрократизма и механизма торможения. Развить новую экономику. Накормить народ. Одеть. Приучить к самостоятельности в экономике. И уже затем — обязательно, но затем — осуществить демократические изменения в надстройке, политической системе. В этом случае эти изменения будут прочными и логичными, не выродятся в шумиху и формальности. Накормленному и одетому человеку можно дать все демократические права — он и при десяти кандидатах на одно место будет голосовать за социализм.

Кстати, так развивался и капитализм. В ходе победы в буржуазных революциях буржуазия провозглашала все свободы, а на деле закручивала гайки — и в политике, и в идеологии. И только с развитием реального капиталистического экономического базиса развертывались механизмы широкой буржуазной демократии.

А как идти на политические реформы в условиях дефицита? Как народ, часами стоящий в очередях, использует свои расширяющиеся политические права? Как идти по пути политических реформ, если бюрократия держит в руках все экономические рычаги и в состоянии задавить любой подряд, любой кооператив?

Что может дать широкая демократия в такой ситуации? Взрыв анархии и поход «низов» на аппарат? Или, напротив, аппарат «выхолостит» эту демократию и останется «на коне», овладев и при новых механизмах искусством манипулирования всей политической и внутрипартийной жизнью.

Ведь у нас был опыт колхозной демократии. Колхоз был, говоря современным языком, на остаточном хозрасчете. И колхозники едва ли не дрались на выборах за «своего» председателя, протестуя против привезенного из района. А затем интерес к выборам правления и председателя пропал. Почему? А потому, что ввели гарантированную сверху оплату труда — упразднили остаточный хозрасчет. Раз вы сверху сами основную часть моей зарплаты гарантировали независимо от итогов работы колхоза, то в вопросе о том, кто будет руководить колхозом, теперь по-

...ЕСЕДУЕМ ...УХЕ ГЛАСНОСТИ...

Гавриил ПОПОВ

следнее слово ваше же. Из газет и из жизни исчезли истории борьбы колхозников с уполномоченными в ходе выборов. Как видим, формы демократии могут «жить» только при определенных экономических основах, без таких основ они остаются только формами.

Теперь мы ввели выборы директоров. Как это происходит? Там, где есть более или менее реальный хозрасчет и тем более подряд, будь то бригада, цех, завод или кооператив, выбирают заинтересованно и активно. А там, где хозрасчет формальный, выборы или проходят при полной пассивности голосующих, или вырождаются в сведение личных счетов. И здесь опыт говорит о том же: формы демократии нельзя оторвать от экономических механизмов.

Словом, опасения за экономическую реформу, опасения, что увлечемся лишь политической перестройкой, были вполне обоснованны. В этом убедили меня речи делегатов, прежде всего местных руководителей. Для них вообще никаких сомнений и проблем в части соотношения экономики и политики, как выяснилось, не существует. Позавчера они браво говорили о политическом и партийном руководстве как главных и решающих рычагах, достаточных для решения всех бед экономики. Вчера так же бодро стали говорить о радикальной экономической реформе как единственном выходе из кризисной ситуации. А сегодня «от имени и по поручению всех коммунистов республики» (края, области) хорошо поставленными голосами утверждают, что только в политической реформе выход.

А между тем сегодня нам действительно надо на первое место выдвинуть политическую реформу. Несмотря на все опасности, о которых шла речь выше.

Политическая реформа вышла на авансцену не случайно. Ведь особых успехов в хозяйстве на базе нормативного варианта кардинальной реформы экономического механизма, который внедряется, мы пока не имеем. А первые попытки осуществить вторую, остаточную модель хозяйственного расчета сразу же сталкиваются с таким сопротивлением аппарата, которое не преодолеть без обращения в суд, без опоры на партийно-политический механизм. Новый вариант партийно-государственной системы, которая стала бы поддерживать радикальный вариант преобразований в экономике, нельзя сформировать без реформы этой системы в духе ее демократизации. Только при наличии демократии позиция органов партийно-политической системы и ее руководителей, ее депутатов будет отражением мнения народа, трудовых коллективов, вступивших на путь радикальных экономических преобразований.

Мы знаем, что политика — ведущее звено. Что экономические реформы без политических к победе не приводят. Однако никак не хотим отнести эту аксиому к нашим дням. Между тем в тысячах частных случаев экономики мы повседневно натыкаемся именно на партийно-государственный механизм.

Как быть, например, подрядной бригаде, сократившей всех лишних работников, когда от нее требуют, скажем, двух человек на уборку снега?

И когда райком партии перестанет нарушать Закон о предприятии, обременять заводы работами на овощных базах, на уборке улиц и т. п.? Тогда, когда система выборов в партийных организациях позволит реально выдвигать в лидеры тех, кто не о чистке снега будет думать, а о чистке административного аппарата, за десятилетия не научившегося нормально организовывать уборку снега.

Словом, полный настоящий хозрасчет и вообще сколько-нибудь результативные экономические реформы возможны в условиях развитой демократии — и в партии, и в государстве.

Наша перестройка вступила в критическую фазу. Мы не можем выйти на самый эффективный вариант в экономике, не проведя перестройку в политике.

Почему Ленин звал рабочих на политическую борьбу, боролся с «экономистами»? Потому, что было невозможно добиться экономического освобождения без победы в политической борьбе.

Человек неделим. Так не бывает, чтобы директор сидел два часа в райкоме и послушно выслушивал наставления, а потом, вернувшись в кабинет, проявлял чудеса активности и самостоятельности. Чтобы рабочий, аплодирующий по любому поводу, опускающий, не читая, пачку избирательных бюллетеней, самозабвенно работал в подрядной бригаде. Человек един, и если мы хотим видеть его активным, творческим на заводе, в НИИ, на колхозном поле, надо быть готовым встретить его такого же и на выборах в Совет, и при обсуждении яроблем АЭС в Крыму, и в дискуссиях по национальному вопросу. А встретить его таким можно только после радикальной реформы партийно-государственного механизма.

Любопытная историческая параллель. Я изучал опыт реформы 1861 года — отмены крепостного права в России. Не всегда помнят, что даже эта неполная, частичная, растянувшаяся на два десятилетия, проводимая силами чиновническо-бюрократического аппарата самодержавия реформа потребовала изменений не только в экономической, но и в политической сфере. Например, создания земств как органов самоуправления, суда присяжных и т. п. Почему? Да потому, что самый первый вопрос: куда жаловаться освобожденному крестьянину на помещика, нарушающего установленные реформой 1861 года правила? — требовал упразднения старого вотчинного суда, суда того же помещика, и создания принципиально нового судопроизводства.

Другая историческая параллель связана с анализом опыта экономических реформ в социалистических странах. Возьмем Венгрию. Сейчас кое-кто из противников перестройки не прочь высокомерно воскликнуть: вот чем кончились ваши реформы! Да, сейчас там есть трудности. Но не надо забывать, что почти 20 лет — жизнь целого поколения — Венгрия, в отличие от нас, прожила нормально,— без очередей, имея и продукты, и добротную одежду. И если сейчас там трудности, то они не оттого, что страна шла путем реформ, а оттого, что в чем-то стала задерживаться, колебаться, пробуксовывать.

Почему даже капитализм тяготеет к демократии? Да потому, что базисное его условие — свободно торгующий своей рабочей силой работник, свободный не только как труженик, но и как покупатель. Без этого условия — а оно требует как минимум всех формальных свобод — нет подлинной конкуренции.

Заслуга XIX партконференции в том, что она смело и решительно выдвинула на первый план политическую перестройку.

Демократия — благо не только для экономики. Это самостоятельная социальная ценность.

Мои же опасения насчет «охлаждения» к экономической реформе питаются прежде всего самим подходом к ней, который преобладал на конференции. В этом подходе сочетались решительная, открытая критика с непониманием, что этап политической реформы требует новой модели реформы экономической. Между тем, если верно, что экономическую реформу невозможно осуществлять без политической, то верно и обратное: всякая медлительность в экономической реформе погубит политическую, оставив ее без базиса.

МОДЕЛЬ ХОЗЯИНА

В дискуссии на конференции был обойден главный вопрос: можно ли развиваться дальше на основе решений 1987 года или необходима новая модель кардинальной экономической реформы?

В решениях 1987 года, как известно, были заложены две возможные модели хозяйственного расчета: нормативная и остаточная. Обе были представлены в документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и Законе о государственном предприятии. Правда, уже в этих материалах нормативная модель была изложена детально, а остаточная — как-то фрагментарно. А в пакете решений, принятых после Пленума в отношении центральных экономических ведомств, остаточная модель уже вообще не фигурировала.

Но характер критики и характер выдвигавшихся на конференции идей был таков, что с неизбежностью напрашивался вывод: нужна новая концепция радикальной экономической реформы, опирающаяся на исходные идеи XXVII съезда и июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и решительно обобщающая накопленный опыт.

Понятно, скажем, требование упорядочить госзаказ. Правильно, что его надо освободить от фикций типа объемов производства товаров народного потребления. Всем ясно, что сумму затрат такой госзаказ покрывает только в отчете. На деле многое из произведенного не куплено, а выплаченные деньги не отоварены. Но чиновника интересует не реальность, а отчет: за него ему платят.

И все же главное — в другом. Официально твердо ограниченный госзаказ — это уже свободный рынок для остальной, превышающей его продукции. И следствия тут будут гигантские. Но опять, кроме жалоб на госзаказ,— ни малейшей попытки посмотреть, какой же должна быть экономика, свободная от госзаказа, удушающего самостоятельность предприятий.

Об остаточном варианте говорилось, но опять-таки не все. Ведь наши колхозы были на остаточном хозрасчете десятки лет после коллективизации. Чем обернулась тогда эта остаточность? Только одним — колхозники лично расплачивались уменьшением выдачи на свой трудодень за ошибки начальников. Мне ясно, что с каждым годом, запутываясь в нерешенных проблемах, наш хозяйственный аппарат в конце концов пожертвует хранителем нормативной зарплаты — Госкомтрудом, примет курс на остаточный хозрасчет, чтобы переложить на трудовые коллективы плату за все трудности перестройки. А когда остаточный хозрасчет на деле может стать инструментом перелома? При каком обязательном условии? Об этом речь не шла.

Шла, например, речь о том, что в создаваемые иными заводами ведомственные детские учреждения не принимают детей тех, кто на этом заводе не работает. Но весь айсберг проблемы не был очерчен. Ведь то же касается и жилья. Вот завод построил жилье и решил проблему жилья для своих рабочих. Но выяснилось, что в предстоящие пять лет завод этот, чтобы не отстать от НТР, должен внедрить роботы и уволить несколько тысяч рабочих. Новые рабочие места для них есть, но, скажем, в другом городе. Но куда деваться человеку, привязанному к этому городу бесплатной квартирой, прочнее, чем крепостным правом или невыдававшимся паспортом?

Сейчас люди, особенно прямо ответственные за торможение перестройки, взяли моду упрекать экономистов в недостатке «конструктивности» и в увлечении критикой. Поэтому беру «Правду» от 13 июня 1987 года. Совещание в ЦК КПСС перед принятием решения о реформе. Вот изложение моего выступления «Правдой»: «...принять лимитную величину государственного заказа. Предел, до которого он может доходить на предприятии. Он может быть 50—60 процентов, может достигать двух третей, но предприятие должно твердо знать, что одна треть будет его». Об этом же авторы упреков в «неконструктивизме» могут прочесть и в журнале «Наука и жизнь», 1987 год, № 11, благо тираж журнала несколько миллионов. Поэтому, когда сегодня я слышу: не предугадали опасности вздувания госзаказа до 100 процентов, то хочу спросить: кто именно не предугадал? Не мог или не хотел? Упреки в «неконструктивности» идут от тех, кто ничего существенного в нынешнем механизме менять не хочет. И все же я опять попробую предлагать новое.

Никакая победа сильных заводов над слабыми и последующая структурная перестройка экономики невозможны без платного жилья, без свободного права покупать-продавать жилье в любом городе как единственного логического завершения права менять работу. Но и в первой, и во второй моделях проблема жилья не только не решена, но даже и не поставлена.

Окончание на стр. 30.

НИКСОН И ПЕРЕСТРОЙКА, ИЛИ БИТОМУ НЕЙМЕТСЯ

ПАМФЛЕТ

Владимир НИКОЛАЕВ

За мистером Ричардом Никсоном я наблюдаю вот уже тридцать лет. Впервые увидел и услышал его в Америке еще в годы правления президента Эйзенхауэра, при котором Никсон был вице-президентом. После ухода Эйзенхауэра на покой захотел он стать президентом. Не вышло, намяли ему бока в ходе избирательной кампании. Не успокоился. Попытался стать если уж не президентом страны, то хотя бы губернатором штата Калифорния. И тут не получилось. Тогда он занялся адвокатской практикой в Нью-Йорке, а скорая на приговоры американская пресса объявила о его «моральной смерти». Но это пророчество оказалось преждевременным. Вскоре Никсон вновь занялся политикой и все-таки добрался до кресла президента США, которое ему затем с позором пришлось оставить, так как он был уличен в уголовных преступлениях (такое с американским президентом случилось впервые за всю историю страны!).

За сложными перипетиями карьеры Никсона мне довелось следить не только из Москвы, но и в Соединенных Штатах, в том числе наблюдать его в Белом доме, в личной резиденции в Лос-Анджелесе, в летней резиденции Кэмп-Дэвиде... Не раз я писал о нем. Есть что вспомнить. Но мои личные оценки и впечатления могут показаться необъективными, и поэтому пусть для начала свидетельствует сам Никсон. Вот несколько цитат из его воспоминаний:

«На нашу машину летел такой бесконечный поток плевков, что шоферу пришлось включить очиститель ветрового стекла».

«Как только мы достигли черты города, я услышал монотонный стук камней о нашу машину. Масса людей устремилась на середину улицы. Все они размахивали плакатами, выкрикивали проклятья, плевались, швыряли камни... Люди теперь кричали «Смерть Никсону!» гораздо чаще, чем «Никсон, убирайся домой!».

Так встречала американского вице-президента Венесуэла. О встрече со студентами в столице Перу Лиме Никсон вспоминает так: «За два квартала до университета уже был слышен неистовый рев толпы: «Долой Никсона! Смерть Никсону!». Еще, по его словам, запомнился ему и такой лозунг: «Никсон — наиболее наглый агент монополистических кругов». Непонятно, с какой целью приводит он эту оценку: как пример незаслуженного оскорбления или же как достойную рекомендацию?

Еще несколько слов самого Никсона, характеризующих его взгляды: «Договор о частичном запрещении ядерных испытаний положил начало наиболее опасному периоду холодной войны». Он не раз призывал правительство США к активному военному и экономическому шантажу на мировой арене, а западных лидеров — к созданию единого фронта против коммунизма.

В последний раз видел я Никсона незадолго до его изгнания из Белого дома. Тогда в ходе политической борьбы за власть между республиканцами и демократами Никсон и его администрация пошли на уголовщину и были схвачены, как говорится, с поличным. Началось длительное расследование, так называемое уотергейтское дело. Пытаясь замять скандал и подкупами заставить замолчать свидетелей, Никсон пошел на то, что занял для этой цели деньги у...мафии. Правда, этот факт всплыл уже после того, как он покинул Белый дом и к тому же был помилован его преемником — президентом Фордом. Если бы не этот «акт милосердия», Никсон мог бы угодить в тюрьму.

После такого позора он на какое-то время притаился, засел за мемуары и прибыльно издал их, а потом снова принялся за политику, вернее, за поучения в духе все того же пещерного антикоммунизма.

Здесь необходима одна оговорка. Когда я видел его в последний раз, ровно 15 лет назад, его имя связывали с разрядкой, с улучшением американо-советских отношений. Что за метаморфоза? Дело в том, что к тому времени от «холодной войны» устал не только весь мир, но и сами американцы. Никсон же, опытный политик, растеряв все свои козыри в ходе расследования уотергейтского скандала, попытался спасти себя и сделать последнюю свою возможную ставку — на мир. Но и это уже не могло ему помочь. Разрядка напряженности в середине 70-х годов стала фактом, а ему тем не менее уцелеть не удалось. Грехи Уотергейта перевесили...

Да, скорее всего он не был искренен, когда ратовал за разрядку в надежде удержаться у власти. Потеряв ее, он утратил к разрядке всякий интерес. Тому много примеров. Последний — только что вышедшая его книга «1999 год: победа без войны». В ней он обрушивается, как обычно, на идеи мира и разоружения, и в частности на перестройку в Советском Союзе. Он пытается убедить своих читателей в том, что наша страна является «агрессивной и экспансионистской» державой, что политика перестройки — это «продолжение войны другими средствами». Никсон пугает американцев реформами, проходящими у нас, если они «осуществятся,— считает он,— то в XXI веке мы окажемся перед лицом более процветающего и экономически более мощного Советского Союза. Тогда он будет еще более грозным противником, чем сегодня».

Когда Никсон пишет о том благоприятном впечатлении, которое перестройка вызывает на Западе, он приходит в ярость. «Все это нелепая блажь,— заявляет бывший президент.— Если мы примем взгляды Горбачева в том виде, в каком их подхватывают левые антиядерные силы, то психологически разоружимся». ...Оседлав своего любимого конька, Никсон утверждает, что наша страна «сохраняет верность долгосрочным целям — целям мирового господства». Словно потеряв слух и зрение, он бубнит: «Ничто не указывает на то, что при Горбачеве Советский Союз хоть немного отошел от своей агрессивной политики», «Со времени прихода Горбачева направленная против США риторика приобрела более мрачные тона. По сравнению с ней речь президента Рейгана — об «империи зла» — урок закона божьего для детей»...

Какая же заскорузлая ненависть по отношению к нам! Он негодует не только по поводу международных дел. Наша перестройка в целом вызывает у него прямо-таки истерические фонтаны красноречия против «происков красных». Он намеренно искажает наши цели и дела, фальсифицирует прошлое и настоящее, запугивает будущим. Ему до всего дело! Так, он договаривается до того, что М. С. Горбачев, мол, «лишь слегка грозит пальчиком» Сталину, но якобы поддерживает его политику, а, критикуя «лишь эксцессы», «не порвал с ужасами прошлого».

Стремление передернуть, прибегнуть к провокационной лжи, не остановиться и перед явной клеветой — все это отравленное оружие давно числится в политическом арсенале Никсона. С его точки зрения, в борьбе с теми, кого он считает врагами, все средства хороши. Известен, например, такой факт. Когда Никсон был президентом США, Белый дом разработал тайный меморандум «Акции в отношении наших политических противников». В этом документе шла речь о необходимости составить «список врагов» администрации Никсона и о методах борьбы с ними. В меморандуме, в частности, говорилось: «Настоящий меморандум посвящен тому, каким образом мы можем наиболее эффективно использовать факт нашего пребывания в Белом доме для акций против лиц, которые занимают оппозицию по отношению к нашей администрации. Перефразируя то же самое в более резкой форме — как мы можем использовать имеющийся в нашем распоряжении федеральный аппарат, с тем чтобы придавить наших политических противников. Вкратце порядок действия будет следующим: ведущих сотрудников Белого дома следует запросить, кому, по их мнению, мы должны осложнить жизнь. Координатор операции должен затем определить, какого рода связи имеются у данных лиц с федеральным правительством и как мы сможем придавить их наилучшим образом (используя в этих целях федеральные субсидии, федеральные контакты, судебные иски, судебные расследования и т. п.). Координатор операции должен иметь полную поддержку со стороны руководства агентств или министерств при ведении дела того или иного лица».

На таких же принципах по привычке и основана последняя книга старого изолгавшегося политика.

Говорят, на ошибках учатся. Но эта поговорка не для Никсона. Ему больше подходит другая — горбатого могила исправит. Без малого двадцать пять лет назад я опубликовал в «Правде» фельетон о Никсоне под названием «Битому неймется». Сколько с тех пор воды утекло, а оно по-прежнему звучит актуально.

1878—1935

КАЗИМИР СЕВЕРИНОВИЧ МАЛЕВИЧ

В 1923—1926 годах Казимир Малевич руководил ленинградским Государственным институтом художественной культуры (ГИНХУК). Это был первый в мире научный центр, разрабатывавший новейшие пластические проблемы, возникшие после кубизма. Исследовательскими отделами руководили К. Малевич, В. Татлин, М. Матюшин, П. Мансуров, Н. Пунин. Через аспирантуру ГИНХУКа и практические занятия под руководством ведущих мастеров русского авангарда прошли многие выдающиеся ленинградские художники: Н. Суетин и И. Чашник, Ю. Васнецов и В. Курдов, А. Лепорская и В. Стерлигов, Борис, Мария и Ксения Эндер и многие другие. Деятельность ГИНХУКа определяла высокий художественный уровень искусства Ленинграда.

Но уже с середины двадцатых годов институт начинает испытывать всевозрастающее давление АХРРа — Ассоциации художников революционной России, стремившейся разгромить этот «рассадник» высокой пластической культуры. Летом 1926 года ГИНХУК открыл свою очередную отчетную выставку. 10 июня в «Ленинградской правде» появилась статья ахрровского критика Г. Серого «Монастырь на госнабжении». Статья переводила критику искусства в идеологическую плоскость и была настоящим политическим доносом: «Под вывеской государственного учреждения приютился монастырь с несколькими юродивыми обитателями, которые, может быть, и бессознательно, занимаются откровенной контрреволюционной проповедью, одурачивая наши советские ученые органы».

Начались комиссии и обследования, серьезные ученые делали заключения о плодотворности исследовательской деятельности ГИНХУКа, но все оказа-

К. С. МАЛЕВИЧ. СЕНОКОС. 1909.

ГОЛОВА КРЕСТЬЯНИНА. 1910.

лось безрезультатным: приближались тридцатые годы... На общем собрании сотрудников ГИНХУКа Малевич «выразил сожаление о том, что, может быть, не придется продолжать эти собрания, так как завтра благодаря статье Серого в «Ленинградской правде» будет комиссия, которая может положить конец и прекратить всякую культурную деятельность ГИНХУКа, могущую принести много пользы для изучения искусства и выяснения его природы».

Так и произошло. Институт был закрыт.

В последний раз работы Малевича демонстрировались в 1932 году на выставке «Художники РСФСР за 15 лет». На ней произошла знаменательная встреча двух лидеров ленинградского авангарда, Малевича и Филонова. Последний записал в своем дневнике слова Малевича: «Затем он стал жаловаться на свою судьбу и сказал, что просидел три месяца в тюрьме и подвергался допросу. Следователь спрашивал его: «О каком сезаннизме вы говорите? О каком кубизме проповедуете?» Ахрры хотели меня совершенно уничтожить. Они говорили: «Уничтожьте Малевича, и весь формализм пропадет». Да вот не уничтожили. Жив остался. Не так-то легко Малевича истребить».

В тридцатые годы Малевич и его школа были вычеркнуты из художественной жизни страны, из истории советского искусства. Глухое молчание на долгие десятилетия воцарилось вокруг его имени.

Так что же принес этот художник в русское искусство и мировой авангард XX века?

* * *

Москва начала XX века жила напряженной художественной жизнью. Москва смотрела на Париж, училась у него, но уже начинала противоборствовать Парижу, готовясь стать мировым художественным центром. Десятилетия, которые ушли во Франции на обновление искусства, уплотнились в России в несколько лет. В 1908 году во Франции возникает кубизм, а в 1913 году русское искусство, совершив за это пятилетие головокружительную эволюцию, оставляет кубизм позади, открывая новые горизонты, и становится в авангарде мирового художественного развития.

Уже в 1912 году Филонов выступил с критикой Пикассо и кубофутуризма, «пришедшего в тупик от своих механических и геометрических оснований». Это было сказано в период победного шествия нового движения по русским выставкам. Наиболее чуткие русские мыслители и художники увидели в кубизме и творчестве Пикассо не начало нового, а завершение старой энгровской линии. Н. Бердяев: «Пикассо — не новое творчество. Он — конец старого». М. Ле Дантю: «Глубокая ошибка считать Пикассо началом — он скорее завершение, и по его пути, пожалуй, нельзя (идти)». Н. Пунин: «Пикассо не может быть понят как день новой эры».

Французские кубисты остановились перед чертой беспредметности. Их теоретики Глез и Метценже писали в 1912 году: «Признаемся, однако, что некоторое напоминание существующих форм не должно быть изгнано окончательно, по крайней мере в настоящее время». Этот рубикон решительно перешло русское искусство в работах Кандинского, Ларионова, Филонова, Татлина, Матюшина, Малевича. Последствия этого шага будут долго сказываться в русском искусстве, особенно в двадцатые годы, хотя беспредметная живопись ненадолго захватит художников.

Развитие Малевича было стремительным и уплотненным. Его творчество представляло собой своего рода «испытательный полигон», на котором искусство живописи проверяло и оттачивало свои новые возможности. В короткое время художник проходит путь от импрессионизма к примитивизму и кубофутуризму и в 1914 году пишет первые беспредметные картины, назвав свое направление супрематизмом (от латинского Supremus — «высший»). 15 декабря 1915 года на Марсовом поле в Художественном бюро Н. Е. Добычиной открылась выставка, на которой Малевич впервые показал сорок девять супрематистских холстов.

«Ключи супрематизма, — писал он, — ведут меня к открытию еще не осознанного. Новая моя живопись не принадлежит земле исключительно. Земля брошена, как дом, изъеденный шашлями. И на самом деле в человеке, в его сознании лежит устремление к пространству, тяготение «отрыва от шара Земли».

Несмотря на открытия Галилея, Коперника и Джордано Бруно, вселенная для художников оставалась эмоционально и практически (то есть в творчестве) геоцентрической, их воображение и структуры, возникавшие в картинах, были на привязи «земного тяготения»; нерушимой очевидностью для них было наличие перспективы и горизонта, понятий «верха» и «низа».

Все это изменилось с появлением супрематизма. Малевич взглянул на Землю как бы из космоса, точнее, внутренняя, «духовная вселенная» подсказа-

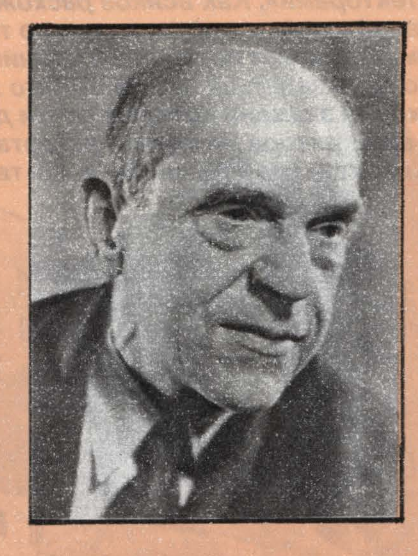
Продолжение на вкл. 3.

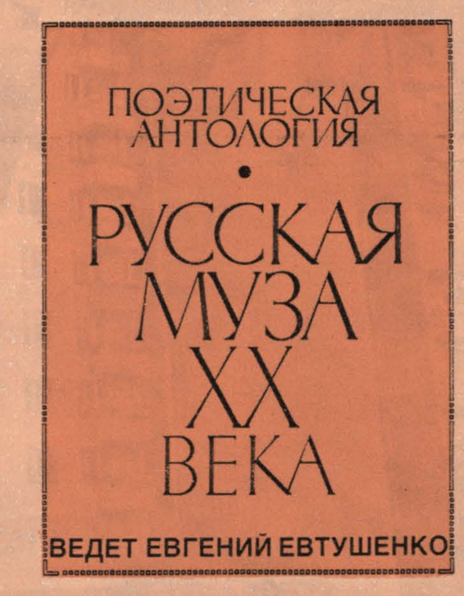
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА МАТЮШИНА. 1913.

СЕРГЕЙ МАРКОВ

(1906—1979)

Изгибистой, порожистой была жизнь писателя, воспевавшего отважных русских землепроходцев, шедших по изгибистым, порожистым рекам внутрь холодной серебряной тайны по имени Сибирь. Замеченный Горьким еще в 1928 году после рассказа «Голубая ящерица», Марков писал о первых русских на Курилах, на Аляске, и, пожалуй, именно он, как никто другой, был похож по своим устремлениям на героя стихотворения Л. Мартынова, ищущего Лукоморье. Широкую известность Марков получил после романа «Юконский ворон». Как поэт сформировался неторопливо, с мудрой силой постепенности, не растрачивавшейся на пустяки. Он и за решеткой посидел, и поскитался по земле русской, а еще и побродяжил немало по бестропьям пыльных архивов, по урочищам рукописей. Когда мне довелось увидеть Маркова, то я поразился тому, как похож он был на калику перехожего — казалось, плоти не было — только кожа, да кости, да лысый бугристый череп, да желваки, перекатывающиеся, да глаза, буравчиками в собеседника ввинчивающиеся. Поэтическое наследство Маркова — как бродяжья сума, полная сказками, сказаниями. Наследство оказалось таким же достойным, какой была жизнь.

КРОПОТКИН В ДМИТРОВЕ. ГОД 1919

Князь анархистов, древен и суров,
И лыс, и бородат, как Саваоф,
Седой зиждитель громоносных сил,
На облаках безвластия парил.

А город древен... На его холмах
Бывал, быть может, гордый Мономах,
Степных царевен легкие шатры
Алели у подножия горы.

На крепостной зубец облокотясь,
Стоял, гордясь, русоволосый князь,
И сизая горящая смола
На вражеские головы текла.

И город слышал половецкий вой,
Не дрогнув золотою головой,
Спокойным сердцем отражал напасть...
В каком столетье начиналась власть —
Власть разума над черною бедой,
Власть спелых нив над темною ордой?

. . . .

ЮРОД ИВАН

Над Угличем несутся облака,
В монастырях торжественное пенье,
Юрод Иван, посаженный в ЧК,
Испытывает кротостью терпенье.

Но вот в подвале раздается гуд.
Мелькают в люке головы и плечи,
Мадьяры красноштанные идут,
Ругаясь на неведомом наречье.

«Вставай, юрод!» — «Я кроток, сир и гол,
И сам господь послал мне эту долю».
«Скорей вставай, последний протокол
Гласит: «Юрода выпустить на волю».

Юрод в ответ: «Страдания суму
Я донесу. ...Крепка господня дума...»
Юрод умолк, и грезится ему
Горящая могила Аввакума.

«Но мы тебе не выпишем пайка,
В Поволжье голод, уходи отсюда».—

«Хочу страдать». Оставлена пока,
Уважена юродова причуда.

Над Угличем несутся облака,
В монастырях мерцанье белой моли,
Так поминали в древние века —
Горбушкой хлеба и щепоткой соли.

1926

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ ОТБИТОГО БРОНЕВИКА (1914—1917)

По-старому он зваться здесь не мог!
Убиты люди, сбиты пулеметы...
И он, как слон, подставил жаркий бок
Густой толпе ликующей пехоты.

Хоть надпись на исчерченной груди
И рождена сейчас нехитрым мелом,
Но, вздрогнув всем своим огромным телом,
Могучий пленник, снова в бой иди!

Стрелки! Страшитесь участи врага...
Он в башне спит. Раздроблена нога.
За голенищем — согнутая ложка,
И кошелек замызганный — в крови.
А в нем — дары печальные любви:
И локон, и жемчужная сережка...

1931

СТЕНДАЛЬ

Спокойны мы. И нам не жаль
Мечты, томящейся в неволе...
В Чивита-Веккиа Стендаль
Грустит о Бородинском поле.

И гения сохранна плоть,
И далеки судьбы удары.
Его могли бы заколоть
Голубоглазые гусары.

И — в шуме тусклого свинца,
В тумане русского мороза —
Босые ноги мертвеца
В хвосте разбитого обоза!

И все же оборвется нить;
Прикажет хищное столетье
Бездомной смертью оплатить
Кабальный вексель на бессмертье.

Конец великих неудач,
Неистребимая примета;
Лишь мудрый полицейский врач —
Отгадчик вечного секрета!

Познаем ли счастливый стыд,
И, в угрызении высоком,
Своим провидцам и пророкам
Простим их беззащитный вид?

1932

ГОСПИТАЛЬ, РАЗМЕЩЕННЫЙ В ВЕСЕЛОМ ДОМЕ (1914—1917)

Ты плачешь, Маргарита,
Идет гроза,
И зарево карбида
Слепит глаза.

Прогнали бледных пленниц
Ланцет и шприц.
Багровых полотенец —
Что битых птиц.

Шуршат бинтов изгибы
Листвой в грозу,
Недвижней сонной рыбы
Нога в тазу.

Хоть ты не недотрога,
А он — не пьян,
Но как ругает бога
В бреду улан!

Он залит смертным мелом —
Дела табак!
Тяжел, как парабеллум,
Его кулак.

Он кончит скоро
Божбу свою —
Улан одною шпорой
Стоит в раю.

И хрип пробитой глотки
Страшней примет.
Браслеты, папильотки
И этот бред!

И доктор, спину горбя,
Не видя лиц,
Сказал, что домом скорби
Стал дом блудниц.

Ты плачешь, Маргарита,
Одна за всех,
В одном страданье слиты
Любовь и грех.

В часы шрапнельной пляски
Окно горит,
А желтые повязки
Сожжет иприт...

1934

ГОРБУНЫ

Раз меня встречали у колодца,
Где вода густа и солона,
Двое хитрых вкрадчивых уродца,
Два подслеповатых горбуна.

Оба, зная, что они богаты
Влагой и зеленою тропой,
Горбуны неслыханную плату
Запросили с нас за водопой.

Рыбьи рты улыбка искривила,
Липло к потным пальцам серебро,
Гадкий смех, противней злого ила,
Уколол уродца под ребро.

Он хрипел: «Мы хилы и горбаты,
Мы живем гадюками в пыли,
Мы довольны, путник, щедрой платой,
Мы на все готовы... Лишь вели!»

Мой верблюд качал зеленой мордой,
Я подумал, замолчавши вдруг:
«Почему же он легко и гордо
Носит горб и пропотевший вьюк?»

Даже третьекласснику доподлинно известно, что облик наших городов изувечен «злодеями-архитекторами». Как всякое расхожее суждение, и это имеет некоторую связь с действительностью, но тем не менее замечательным образом подменяет подлинные причины одним из следствий. Разумно ведь задаться вопросом: что же понуждает зодчих, на цеховом знамени которых почти два тысячелетия, со времен римского архитектора Витрувия, начертано «Польза. Прочность. Красота», делать не то и не так?

ПРОШУ СЛОВА!

Вячеслав ГЛАЗЫЧЕВ,
секретарь правления
Союза архитекторов СССР

Павел КРИВЦОВ (фото)

Так что? Чудовищное качество материалов и изделий? Отсутствие у строителей квалификации и стимулов эту квалификацию повышать? Жесткое планирование, неминуемо оборачивающееся вопиющим хаосом застройки? Нет, все это также не более чем следствия.

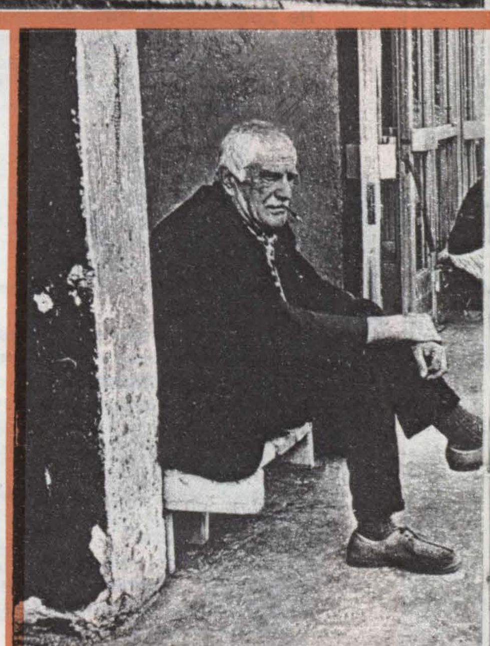
Подлинная причина городского убожества, которое тем опаснее, что становится едва ли не естественным в своей привычности, заключается в том, что города нет. Как нет? И на карте написано: город, и въездные знаки на шоссе утверждают то же, и в паспорте у жителей есть соответствующая запись.

Все это правда. Но правда и то, что город как специфическое объединение людей на определенной территории, как сообщество, суверенным образом осуществляющее управление этой территорией, у нас отсутствует. Есть место совместного проживания. Нет города.

Настоящий город — это организм, который себя таковым осознает и потому реконструирует, доформировывает, строит себя, исходя из собственных интересов и целесообразности. Наши города сами собой не распоряжаются. Их развитие определяют люди, которые порой городов этих и в глаза не видели.

Вот, например, в результате сотрудничества московского НИИ культуры и Набережных Челнов родился очень нужный городу и органичный для него проект: для двухсот тысяч городских детей нужен не просто кукольный театр (а именно его предлагалось построить), а нечто большее. В ходе «деловой игры» отрабатывается программа формирования экспериментального центра эстетического воспитания, ядром которого стал бы «живой» театр. Его режиссеры, актеры, художники, инженеры стали бы одновременно руководителями студий, дорабатывая некоторую толику к невеликим своим окладам. Программа, разрабатывавшаяся с живейшим участием замечательного человека, семижильно тянущего лямку председателя горисполкома Юрия Ивановича Петрушина, обросла экономическими расчетами. Получалось, что центр может стать хозрасчетным, на полном самофинансировании. Режиссер Михаил Хусид согласен броситься в неизведанное, к нему присоединяются актеры, художники, музыканты. Архитекторы готовы шаг за шагом развить идею любопытнейшего по задумкам центра культурной жизни города, не имеющего прецедента в мире, спроектировать его на базе начатого, но не достроенного еще здания шахматного клуба...

Но полумиллионный город не имеет права сам решить, какой театр: как центр или что-то еще ему нужно, право

В ПОИСКАХ УТЕРЯННОГО Г

имеет лишь чиновник республиканского министерства культуры.

Как тут не вспомнить строчки Герцена: «...Но в самих городах все обстояло благополучно, и это потому, что они по большей части были выдуманы и существовали для администрации и чиновников-победителей».

Вот уже несколько месяцев главным архитекторам городов разрешено выбирать типы жилых застроек, что само по себе замечательно. Однако, как записывал еще Салтыков-Щедрин от имени простодушных героев «Современной идиллии», «жители к питанию склонны... но способов для питания не имеют». Выбирать-то можно, но строительная «база», принадлежащая Минэнерго ли, Миннефтепрому ли, Севзапстрою ли, предложить для выбора может, мягко говоря, немногое.

Города-просители, города-ходоки обивают высокие пороги центральных ведомств: экология — хорошая вещь и история с ее памятниками тоже, но как бы заполучить в роли мецената ведомство помощнее! С муниципальным суверенитетом дело обстоит, как видите, неважно. В этих условиях не существует социального заказа на архитектурную, дизайнерскую организацию среды обитания миллионов горожан. Он не может оформиться, ибо нет ни экономических, ни организационных основ для формирования такого заказа в совместном творчестве, в диалоге Советской власти и горожан.

Населенный пункт в таких условиях возможен. Город — нет!

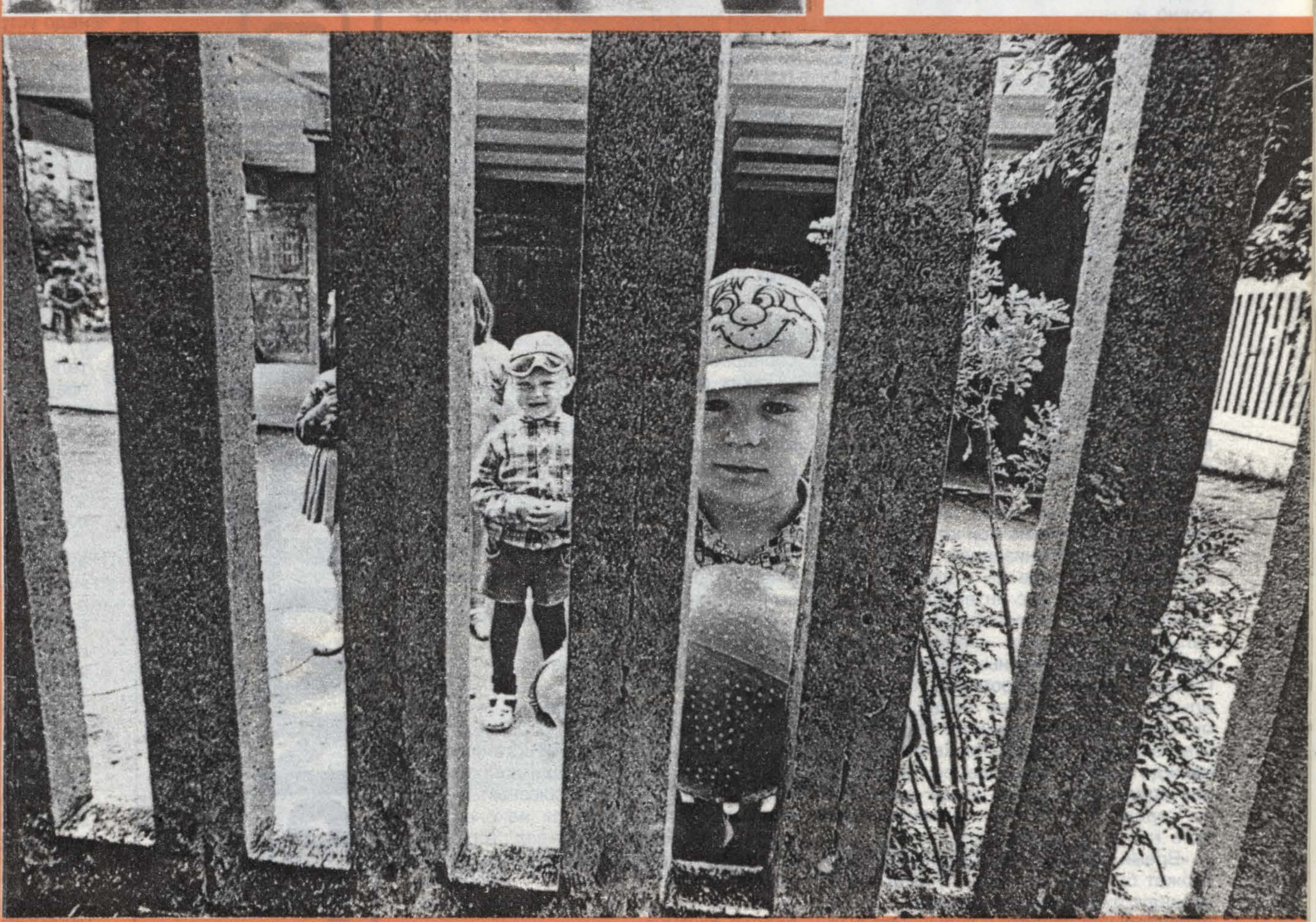
Где и когда мы потеряли город?

Так уж получилось, что город в отечестве нашем так и не успел сложиться за всю многотрудную историю России. Когда опричники Ивана Грозного с гиканьем завершили разорение Новгорода и Пскова, отселив уцелевших купцов и ремесленников в Москву,— на самой идее города был поставлен жирный крест.

Петр I грезил о городах на европейский манер столь сильно и страстно, что, запретив во всех городах каменное строительство в пользу новой столицы, одарил их взамен структурой градоуправления, сугубо номинально воспроизводившей шведский образец.

Бурное поначалу законотворчество

ОРОДА

времен Екатерины II привело, как известно, к интенсивной перепланировке множества городов с замещением прежней сети улочек и переулков четкой прямоугольной решеткой. Центры губернских городов украсились зданиями присутственных мест и торговых рядов «классической архитектуры». Однако сколько-нибудь существенных изменений городская жизнь не претерпела и претерпеть не могла, коль скоро не менялась и деревня.

Любопытен и до обидного мало изучен XIX век в целом. Город на переходе от крепостной действительности к капиталистической, но с немалым феодальным наследием — отнюдь не исключение. К началу XX века российские города подошли все в том же состоянии тотальной зависимости от всевозможных начальств и с первыми, отчаянно робкими попытками самоуправления. Слово И. Х. Озерову, профессору Московского университета, автору одной из первых научно строгих работ по проблемам городского управления:

«В тех городах кипит работа и весьма плодотворно, где управление находится в руках широких слоев населения. За последнее время демократизировалось общинное управление в Англии, и работа там закипела. Наша избирательная система отдает управление в руки небольшой кучки. Вследствие неправильной системы выборов, когда городское управление сосредоточивается в руках небольшой группы лиц, естественно, что пропадает интерес к участию в выборах; так, в Москве с населением в 1 миллион 200 тысяч лиц, имеющих право принимать участие в выборах, т. е. вершить судьбы города, в 1900 году было всего 7252, и из них воспользовались своим правом только 26,2 процента, т. е. значительно менее 2 тысяч».

В 1904 году корреспондент «Руси» писал из Вологды: «Когда приходишь в городскую думу и встречаешь благообразных хозяев города, видишь только одно, что все они живы и здоровы, что ничего они ровно не придумали от заседания до заседания и не придумают никогда и что вообще ни о чем думать не намерены... Нет ни денег (у города), ни самого желания достать их, ни какой-либо новой мысли, ни стремления создать эту мысль и осуществить ее — ровно ничего».

И все же исподволь делалось многое: огромное по размаху и демократическое по сути краеведческое движение, интенсивное развитие кооперации затрагивали и село и город. Замечательный труд статистиков и резкость публицистов, тщательное изучение европейского опыта — все это в годы, предшествовавшие первой мировой войне, создало фундамент, на котором в славные 20-е годы стремительно выросла самая передовая в тогдашнем мире советская школа градоведения и градостроительного проектирования. Но, как только она стала давать первые практические результаты — будь то кооперативный поселок «Сокол» в Москве или «соцгорода» в Запорожье, новом Чарджоу, генеральная схема курортов Крыма,— движение было приостановлено. а затем повернуто вспять.

Успев оживить жизнь в городе, нэп не успел изменить ее ткань. Начался процесс, который многие мои коллеги упорно именуют урбанизацией, тогда как с начала 30-х годов мы в действительности имеем дело с интенсивной индустриализацией, сопровождаемой строительством гигантских «фабричных слобод» при промышленных предприятиях. Подмена смысла огромная, принципиальная. Строительство новых городов оказалось делом ведомств. Строительство в старых городах также оказалось прежде всего в руках ведомств. Город как административное целое существует, города в качестве социального целого нет и не могло быть.

«Время, вперед!» Валентина Катаева (может быть, по сей день лучшая книга об индустриализации) содержит строку удивительной яркости и силы: «Это был черновой набросок города». Черновыми набросками остаются новые города, черновыми набросками все в большей степени становятся и старые города, представляющие собой слепки, агломерации жилых слобод, лишившиеся или лишающиеся ясно распознаваемого центра.

Еще в ходе разработки первого Генерального плана развития Москвы, завершенной в 1935 году, осуществилась удивительная метаморфоза. Структурные элементы этой огромной работы — метрополитен, канал, соединивший Москву-реку с Волгой, развитие города в юго-западном направлении и прочее — все в большей степени отступали в сознании на второй план. На первый же план выходило парадное оформление столицы как административного центра, словно исполняющего обязанности всех городов сразу. Ту же схему воспроизводили в республиканских столицах, и хотя в 1955 году наступила эпоха «борьбы с излишествами», схема осталась практически неизменной. Гигантизм пустых пространств, гигантизм и грубость присутственных мест — все это вычерчено рукой моих коллег, но порождено отнюдь не их фантазией. Города, облик которых радикально преображался в последние десятилетия, перемалывая старину, стирая индивидуальность частей, изгоняя нормальный человеческий масштаб с улиц и площадей, эти города были ОБЪЕКТОМ преобразований. На тех многих, кто пытался доказывать, что город — СУБЪЕКТ преобразований, смотрели (как правило, смотрят до сих пор) как на повредившихся в уме.

Технократическое отношение к городу — населенному пункту, успело стать традиционным. Оно наследуется из поколения в поколение. Оно стало естественным и для большинства горожан, отнюдь не случайно варварски безразлично относящихся ко всему, что за порогом квартиры.

* * *

Главное состоит, по-видимому, в том, чтобы всерьез разработать вопросы экономической самостоятельности городов. Это вопросы дифференциальной ренты, которую должны выплачивать городу предприятия, расположенные на его территории,— в зависимости от стоимости земли в центре и на окраинах, у реки и в зоне ветров. Это вопросы дифференцированной аренды, которую должны выплачивать производства городу в зависимости от относительной ценности участка,— за пользование городской инфраструктурой, за городские школы и театры, больницы и луна-парки. Это непростые вопросы принципиального перераспределения средств и изменения системы планирования... Это вопросы снятия регламентаций относительно устройства городских служб самоуправления, ибо город на хозрасчете сам в состоянии определить оптимальную численность персонала таких служб и способы их функционирования...

Таких вопросов много, и все они не просты. Заметим при этом, что в Законе о государственном предприятии многое из названного упомянуто, но развития не получило. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» 1987 года есть недвусмысленная запись о необходимости скорейшей разработки основ архитектурно-градостроительного законодательства, но до сих пор этот вопрос всерьез разрабатывается только общественной организацией — Союзом архитекторов СССР.

Проблема преобразования нынешнего населенного пункта городского типа в полнокровный городской организм относится к классу всенародных проблем. Весной прошел IV Всесоюзный съезд колхозников. Не пора ли наконец созвать I Всесоюзный съезд горожан, предварив его областными, региональными, республиканскими? Проблемы развития городов нуждаются во всенародной трибуне.

Анатолий РЫБАКОВ

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ДРУГИЕ ГОДЫ

Главы из романа

6

Вика сказала Варе не всю правду. Архитектор действительно много работал, она действительно мало его видела, но она примирилась бы с этим: когда муж весь день занят, а ты весь день свободна, то жизнь-праздник можно устроить и без него. Но для такой жизни нужны деньги, большие деньги, а Архитектор половину зарплаты отдает своей бывшей жене, ее детям, достаточно, между прочим, взрослым, чтобы самим зарабатывать на жизнь. А с ней, с Викой, завел глупейший разговор о том, что ей следует чем-нибудь заняться: может быть, пойти на службу или пойти учиться, видите ли, еще не поздно.

Этого только не хватало! Ведь у нее есть официальное положение — жена, по их официальному хамскому статусу — она домашняя хозяйка и имеет право не работать... Разве он этого не понимает? Не хочет понять! Все его интересы в работе и в бывшей семье... Он не только дает им деньги, он не прервал с ними отношений, навещает жену и детей, ходит на их семейные праздники. Даже Новый год умудрился встретить и с Викой — до двенадцати, и с ними — после двенадцати. «Поеду навещу детей, я им обещал». Там, видите ли, семья, а здесь что?

Даже вещей своих не перевез, явился с чемоданчиком, а в чемоданчике пара рубашек, пара кальсон и подтяжки. Вот тебе и гений! Он не только не поделил с женой «совместно нажитое имущество», все оставил и библиотеку оставил, а ведь библиотека нужна ему для работы. Истинный его дом там, и в тот дом он вернется, Вика не сомневалась в этом да и не слишком жалела, такая жизнь ее не устраивала. Получился не праздник, а тусклятина.

Вика не спорила с ним, понимала: все держится на ниточке, и если конфликтовать, то ниточка оборвется. А рвать ее нельзя. Новую жизнь, новую судьбу надо устраивать, именно пока она жена Архитектора. Не подобрать ее должен другой, а, наоборот, она ради другого пожертвует и своим высоким положением, и своей счастливой семейной жизнью. Чего не сделаешь ради любви!.. И тогда ее новое замужество снова станет событием, и прежде всего событием для ее нового избранника.

Опять возникла мысль о летчике. Но где они, где их искать? Это фантазии. К тому же Вика почти нигде не бывала... Сидела дома.

Дом Марасевичей по-прежнему был полон людей, оживлен и хлебосолен. По-прежнему посещали его московские знаменитости. Композитор? Художник? Нет, слишком неустойчиво их положение.

Братец ее громил всех подряд, писал о музыке, о театре, живописи, литературе. В «Правде» писатель Панферов куснул Горького. Вадим говорил, что правильно куснул — Горький критикует писателей-коммунистов. Однако на той же странице опубликовали и неизданное письмо Горького Чехову, как ехидно заметил Вадим, «подсластили пилюлю». Вадим теперь вел знакомство больше с писателями, с поэтами, знаменитыми писателями, знаменитыми поэтами, многие из них бывали у Марасевичей.

Вика принимала гостей, участвовать в их беседе ей было трудно — она, честно говоря, ничего не читала, скучно: ударники, энтузиасты, заводы и фабрики, чугун и сталь. Но собственную неосведомленность умела обернуть себе на пользу — подчеркнуто внимательно слушала собеседника, восхищалась его рассказом, давая понять, что ценит его ум и образованность,— это всегда льстит людям.

Один был молодой, тридцатилетний, маленький, худенький, суетливый, только что опубликовал роман, который все читали, все хвалили, даже Вика его прочитала, слава богу, это был роман не про ударников, а про кулаков, про кулацкое восстание, читать можно. Правда, сам писатель был неинтеллигентен, сын не то деревенского попа, не то дьячка. Блистательный дебют так ошеломил его, так вскружил

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—32.

голову, что он никого не слышал, кроме себя, никого не видел, даже не оценил, как внимательно слушает его Вика, отстранился, посмотрел на нее с недоумением: он вовсе не желал, чтобы его собеседник молчал, наоборот, он хотел, чтобы говорили о нем, о его романе, а уж коли молчишь, тогда он сам расскажет, как хвалят его роман другие люди в других домах.

Может быть, Вике и удалось бы увлечь его, но он быстро исчез, как говорил Вадим, уединился, чтобы написать новый роман о троцкистском подполье — успех, мол, надо развивать.

Появился другой писатель, постарше, лет, наверное, под сорок, петербургский интеллигент, очки в роговой оправе, живал за границей, писал что-то экзотическое, про Азию, как будто насчет басмачей, но тоже вскоре исчез, хотя Вике казалось, что уж тут-то она преуспела: она и поддакивала ему, и ахала, всем своим видом давая понять, что таких людей еще не встречала. Но не вышло: и этот куда-то смылся, кажется, на Восток, писать новый роман. Осечка за осечкой, из всех, кто приходил к ним в дом, Вика так никого и не окрутила.

Встречи со старыми знакомыми прекратились, раньше они виделись в ресторанах, а Вика в рестораны больше не ходила — Архитектор был слишком занят, а ходить без мужа значило разрушить созданный ею же образ великосветской дамы.

Трепалась по телефону с Ноэми, с Ниной Шереметьевой (весело жили девки, не то что она), но в гостях бывала только у Нелли Владимировой, вышедшей замуж за богатого французского коммерсанта Жоржа.

Этот французик не нравился Вике — низкорослый, толстогубый, поглядывал на женщин масляными глазками, по-русски почти не говорил или притворялся, что не говорит, только иногда неожиданно запевал: «Марья Сидоровна, Марья — си, Марья — до, Марья — ре», делая ударение на «си», «до», «ре», и глупо смеялся.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Но квартира у них шикарная, ковры, старинная мебель, фарфор, собственная машина, заграничные тряпки, много тряпок, Жорж, видно, был и в самом деле богат, хотя чем он занимался, никто не знал, и Нелли на этот счет темнила.

В общем, Нельке повезло. А что в ней? Лошадь! Здоровая, костистая, а вот мужики на нее кидаются. И Жоржа подцепила. А он ниже ее на полголовы. «Ты его ночью не заспишь, не придавишь?»— смеялась Вика. «Не беспокойся,— отвечала Нелли,— он сообразительный, находим нужное положение».

Дом поставила на европейский лад — два раза уже ездила в Париж, присмотрелась: аперитивы из разных вин, крошечные бутерброды из всякой всячины, сама водит машину, в общем, такая, даже не европеизированная, а американизированная бабенка, цепкая, хваткая, немного шумноватая, но работящая, успевает читать, рисует, в углу стоит мольберт. Есть и страстишки: ездит на бега, играет в тотализатор и всегда выигрывает, оборотистая — тряпки свои сплавляет очень ловко, не спекулирует, а так, как бы лишнее продает подругам, мол, одно ей не подходит по росту, другое — по цвету. Завела свои «среды»— традиционный день, когда собираются друзья дома.

Но главное, у Нелли постоянно бывали люди, много людей, в основном иностранцы. Это уже давало Вике кое-какие шансы. Нелли рассказывала ей почти о каждом — сколько лет, каковы интересы, каковы возможности, иногда добавляла пикантные подробности, «перемывала косточки», одним словом.

Многие обращали на Вику внимание, но пока все было не то: маленькие люди. Почти все женатые. Вика держалась просто, сдержанно, с ни к чему не обязывающей приветливостью, как и положено держаться даме ее уровня, тактично отводила попытки ухаживать, но не пресекала их полностью, впредь до «выяснения личности». А когда выяснялось, что «личность» не та, умело лишала и той малой надежды, которую подавала в первый вечер.

В доме у Нелли Вика и встретила Шарля.

Высокий, светловолосый, с бокалом в руке, он стоял возле Жоржа, что-то ему рассказывал. Вике сразу бросилось в глаза его породистое лицо, нос с горбинкой, отметила она и строгий элегантный костюм. Птицы такого полета еще не залетали в дом к Нелли. Аристократ? И потому, как он несколько раз пристально посмотрел на нее, Вика поняла — искра высеклась. Она безошибочно отличала беспардонный шарящий мужской взгляд от того настоящего, перспективного.

На следующий день, когда они с Нелли «перемывали косточки», Вика сказала о Шарле:

— Не часто встретишь француза-блондина.

— Все французские аристократы, как правило, блондины. И вообще все французы с севера, а особенно с севера-востока, блондины: в них тевтонская кровь,— объяснила Нелли.

Выйдя замуж за француза, она считала себя специалистской по Франции.

— Он аристократ?

— Не то слово. Он виконт, его фамилия пишется с приставкой «Д».

— Интересно,— засмеялась Вика,— и чем занимается виконт в Москве?

— Шарль — корреспондент,— Нелли назвала знаменитую французскую газету,— этой газетой владеет его семья, одна из богатейших семей Франции. А невеста Шарля — дочь какого-то финансиста, не Ротшильда, но что-то вроде Ротшильда, забыла его фамилию.

Итак, Шарль красив, богат и холост. Это — серьезное обстоятельство, ведь католикам запрещен развод.

Дома Вика все тщательно обдумала. Этот шанс упускать нельзя. Она упустила Эрика — Дьяков и Шарок помешали, сейчас никто не должен ей помешать. В этой стране ей делать нечего. Обрыдли хамство, зависть, пугающая неизвестность, лозунги и марши, вечный страх. Сегодня она разгуливает по Москве, а завтра могут позвонить и как в тот раз сказать: «Гражданка Марасевич, с вами говорят из НКВД...» Неважно, что они ее отпустили, могут вызвать опять, опять заставят работать. Ее обязательство-то у них.

Надо сматываться в Париж! Вечный, великий Париж. В школе у них был французский, правда, она подзабыла его немного, но займется, вспомнит... Как эти стишки?..«Bonjour, madame San-Souci, combien coûtent ces saucisses?»[1] Главное — грамматика, а ее она вспомнит быстро, девять лет долбила все эти: présent, passé composé, passé simple, futur simple, participe passé...[2] Вика даже растрогалась, перебирая в уме глагольные формы, они напомнили ей детство.

Уехать во что бы то ни стало. Не сегодня-завтра Архитектор смотается, папа умрет рано или поздно, скорее рано, чем поздно, куда ей тогда деваться? С Вадимом она и сейчас не может сидеть рядом за столом, не может слышать его чавканья, ей отвратительна его прожорливость, да еще разглагольствует с полным ртом.

Выйти замуж за какого-нибудь инженеришку, прозябать на его жалкую зарплату. Нет, великая страна обойдется и без нее. Уж если эту лошадь Нелли забирают в Париж, то ей, Вике, и подавно там место.

Может быть, что-нибудь серьезное и выйдет на этот раз. Она вспомнила внимательный взгляд Шарля, его молчание, ведь они болтливы — французы, а Шарль при ней молчал, многозначительно молчал. Именно это и вселяло в Вику надежды.

Она ушла раньше других, умная женщина никогда не будет засиживаться до конца вечеринки, ушла, как говорится, по-английски, ни с кем не попрощавшись, загадочно исчезла.

И домой вернулась веселая, раскрасневшаяся. Архитектор в пижаме и тапочках прошлепал по коридору, открыл ей дверь. Лицо серое, под глазами мешки.

— Пришла. А я уже спать собирался.

Вика скинула шубку ему на руки, чмокнула в щеку:

— Правильно, мой дорогой, у тебя усталый вид. А я полежу немного в ванне.

Вовлечь Нелли в это дело или не надо? Вот о чем она думала.

Нет, пожалуй, пока не надо. Одно неправильное движение, поощрительное слово, сообщническая улыбка могут все испортить. Другое дело, если Шарль не появится больше у Нелли. Впрочем, подождем до среды.

Если Шарль придет, значит, искра действительно высеклась. И тогда Нелли не потребуется.

В следующую среду Шарль пришел к Нелли.

Конечно, пришла и Вика. И как всегда, чуть позже остальных.

7

К новому замужеству дочери профессор Марасевич отнесся с тем же безразличием, как и к предыдущему: дети — взрослые люди, современные люди, лучше понимают время, чем он, старик, пусть живут, как знают.

Зато Вадим пришел в ярость. Как? Выйти замуж за иностранца?! Уехать в Париж?! Теперь в анкетах на вопрос: «Есть ли родственники за границей» он должен будет писать: «Да, есть». И не какая-нибудь там нафталиновая тетя, а родная сестра, сама уехала, вышла замуж, и за кого, за антисоветчика! Ведь он антисоветчик, этот Шарль.

Уже были две реплики в «Известиях» по поводу его клеветнических корреспонденций в парижской прессе. Его не выслали из Москвы только потому, что в феврале будущего года во французской палате предстоит ратификация франко-советского договора. Теперь он сам уезжает, можно представить, какие ушаты грязи будет выливать на Советскую страну ее муженек. Ее муженек и его зятек... Да, да, его, Вадима Марасевича, зять, муж его единственной сестры будет публиковать в парижской прессе злобные антисоветские статьи. Ну и ну!

Еще в школе Вадим пытался перевоспитать сестру, негодовал по поводу ее образа жизни: тряпичница, шляется по ресторанам, общественно пассивная. Потом примирился с этим. Наступили иные времена, сестра вписалась в новый пейзаж, уважения не прибавилось, сосуществование стало возможным.

Их семья спаялась на удачах, все должны вносить свой вклад в копилку семейного благополучия, приносить в дом невзгоды не принято, запрещено, это было условием их жизни, слишком много тяжелого было позади. А Вика это условие нарушила, нанесла удар в спину, разрушила семью, разрушила его судьбу, его будущее.

Отцу, конечно, ничего, его жизнь сделана, его званий, окладов и наград никто не отнимет.

А ему, Вадиму, каково придется? Ведь он так успешно начал. Статьи его с удовольствием печатает любой журнал, он признан одним из самых принципиальных и непримиримых критиков, к тому же его считают чуть ли не лучшим оратором, он выступает на всех обсуждениях... Что теперь скажут Ермилов и Кирпотин, его покровители? Ведь Кирпотин так ему доверял! На съезде писателей он помогал и Кирпотину, и Владимиру Владимировичу Ермилову, тот был членом редакционной комиссии, Вадим по его поручению носил на просмотр стенограммы и Маршаку — докладчику по детской литературе, и Ставскому — докладчику о литературной молодежи страны, и Кузьме Горбунову — докладчику о работе издательств с начинающими писателями, даже был у Николая Ивановича Бухарина и у Карла Радека был, и не в качестве посыльного, не как курьер, а как сотрудник редакционной комиссии: стенограмму можно править, но не искажать смысл собственной речи, не переиначивать сказанное. Владимир Владимирович Ермилов был очень доволен его работой.

Теперь все это рухнет, теперь он вынужден будет объяснять, что сестра его — ресторанная шлюха, спуталась с каким-то иностранцем, уехала за границу.

Он ходил по квартире и стонал, словно от зубной боли. Шлюха, шлюха, чертова шлюха! Наконец он не выдержал и ворвался к Вике в комнату.

— Прекрати истерику,— спокойно сказала Вика,— баба! При чем здесь ты? Брат? Ну и что? Что это значит? Ровным счетом ничего. Я не девочка. Я не из семьи ушла. Я ушла от одного мужа к другому. Я ушла от Архитектора, понятно тебе?! Пусть у него и спрашивают: почему он так плохо жил с женой, что она ушла к другому?

— Ты носишь не его, а нашу фамилию,— закричал Вадим,— почему ты с ним не зарегистрировалась? Потому, что у него есть официальная жена, а ты — не жена, ты — любовница, вот ты кто! Ты всего-навсего спала с ним. Ты Марасевич, понятно?

— Что я сделала противозаконного? — хладнокровно спросила Вика.— Я с Шарлем официально зарегистрировалась, взяла его фамилию, получила официальное разрешение на выезд за границу. Чем я нарушила закон?

— Ты нарушила больше, чем закон, ты нарушила элементарную этику, элементарный долг советского гражданина. Высылка за границу — это наказание, одна из высших мер наказания. А ты уезжаешь по собственной воле. Позор!

— Ах, ах,— усмехнулась Вика,— какой ты сознательный, какой правоверный, давно ли ты таким стал? Ведь ты — трус, из трусости и служишь этим хамам. Тебя все презирают. Называют убийцей, я сама слышала, убийцей и холопом... Так что не беспокойся, тебе за меня ничего не будет. И вообще перестань читать мне нотации, надоело! Закрой дверь с той стороны!

Вадим вышел, хлопнув дверью. Дрянь! Проститутка! Сволочь! Если бы ее посадили за связь с иностранцами, то ему было бы тоже не сладко, но все же лучше. Отбрехался, отговорился бы один раз — сестра в заключении или выслана за то-то и то-то, и все! А теперь ее муженек будет напоминать о себе каждую неделю.

Обладая ораторскими способностями, Вадим часто выступал. Выступал с лекциями, с докладами, выступал на собраниях и совещаниях, на редакционных и художественных советах, но и много писал. Выступления твои слышат сотни людей, статьи читают тысячи, десятки тысяч.

После Первого съезда писателей, положившего конец разобщенности и групповщине, консолидировавшего писательские силы, литераторы обратились к теме социалистического строительства, теме индустриализации и коллективизации, преображения страны. Литература бурно развивается, это подтверждают романы Катаева о Магнитострое, Эренбурга о Кузнецкстрое, М. Ильина о Сталинградском тракторном заводе, М. Шагинян о строительстве ГЭС, «Соть» Леонова, "Петр Первый" Алексея Толстого.

Правда, в большинстве своем они написаны до съезда писателей, но к воздействию съезда на литературу следует подходить диалектически. Съезд явился завершением процесса, начатого беседой товарища Сталина с писателями в 1932 году, его письмами к Демьяну Бедному, Безыменскому, Билль-Белоцерковскому. Именно беседа товарища Сталина и его письма нанесли сокрушительный удар антипартийным буржуазным тенденциям в литературе, всяким литературным группировкам, вульгарно-социологическим и формалистическим школам и «школкам». Именно тогда, в 32-м году, товарищ Сталин дал определение советской литературе как литературе социалистического реализма. Завершением и окончательным утверждением процесса, начатого товарищем Сталиным, и явился Первый съезд писателей, именно благотворному действию статей, бесед и выступлений товарища Сталина литература начала 30-х годов и обязана своим расцветом.

Развивается и театр: пьесы Погодина, Вишневского, Корнейчука, Афиногенова, Ромашова — тому свидетельство. Хотя пережитки символистской эстетики, футуристические и конструктивистские тенденции в творчестве Мейерхольда и Таирова настораживают.

Слово «настораживает» было любимым словечком критика Вадима Марасевича. Он употреблял его по отношению к произведениям, разгрома которых ожидал, и, когда такой разгром совершался, он в нем принимал законное участие. В отношении же к произведениям, разгрома которых не ожидал, выражение «настораживает» он употреблял, говоря о стилистических и композиционных погрешностях, тусклости отдельных персонажей, скороговорках и так далее. Если это произведение проходило благополучно, то голос Вадима вливался в общий поток славословий, которые, безусловно, не исключают отдельных дружеских и необидных критических замечаний. Если же произведение тоже подвергалось разгрому, а такое случалось даже с вещами, ранее высочайше одобренными, то Вадима опять же выручало спасительное слово «настораживает».

---

[1] Здравствуйте, мадам Сан-Суси, сколько стоят эти сосиски?

[2] Глагольные формы: настоящее время, прошедшее сложное, прошедшее простое, будущее простое, причастие прошедшего времени.

Главным талантом Вадима было то, что он умел очень ловко, своими словами перефразировать предписанную свыше официальную точку зрения, уже высказанную или предполагаемую.

В отличие от начетчиков, тупых долдонов, которые в этих случаях повторяли фразу за фразой, боясь отступиться даже в запятой, Вадим пользовался изысканными цитатами давно умерших, а следовательно, безопасных авторов, даже латынью. Это создавало иллюзию собственной позиции, независимости суждений, мощной эрудиции. Он прослыл человеком лояльным, но прогрессивным. За первое его ценило литературное начальство, за второе — литературная интеллигенция.

К тому же простой, доступный, общительный человек. Демократ. Этот стиль Вадим усвоил еще в школе, когда приспосабливался к демократическому поведению тогдашних комсомольцев, комсомольцев двадцатых годов, когда старался избавиться от всех видимых признаков своего сугубо интеллигентного происхождения, своего, так сказать, буржуазного воспитания.

Этот демократизм, этот простецкий стилек, рабочий, пролетарский, пригодился ему сейчас в общении с долдонами, начетчиками, гужеедами, которых он панически боялся, но с которыми держался запанибрата. При встречах один на один он хвалил их малограмотные, говенные статьи, чего, однако, никогда не делал с трибуны. Но с трибуны никогда долдонов и не ругал. Таким образом, сохраняя высокий интеллектуальный авторитет, Вадим сохранял и доверие гужеедов.

В партию он не вступил. Он — беспартийный большевик — этого достаточно. Нынче беспартийные большевики в гораздо большей цене, чем большевики партийные — с тех спрос другой.

Это раньше принадлежность к партии давала преимущества, сейчас наоборот — чистки, проверка партийных документов, все под стеклянным колпаком. Будь он членом партии, он обязан был бы сообщить в партийную организацию о том, что его сестра вышла замуж за иностранца и уехала за границу. А будучи беспартийным, он никому не обязан об этом докладывать. Он обязан указать это в анкете, но все анкеты уже заполнены.

Вне партии его положение было более свободным. По-приятельски разговаривая с долдонами, Вадим не переходил границ, с ними надо быть начеку, эти каждое лыко ставят в строку, да и не каждое слово они понимают, ведь и сам набор слов не превышает у них ста, от силы ста пятидесяти.

Другое дело в своем кругу, все понимают, любое иносказание, такие же циники, как и он, принимают условия, в которых живут, принимают образ мышления, пишут то, что требуется, выступают так, как надо выступать. И между собой они говорили, как предписано говорить, восхищались тем, чем полагалось восхищаться, осуждали то, что полагалось осудить. Восхищались без энтузиазма, осуждали без негодования. Шуточками, прибауточками как бы скрашивали, оправдывали, камуфлировали предстоящее участие в беспощадном разгроме или наоборот — в неумеренных восхвалениях.

Что делать? Кусок пирога даром не дают, надо отрабатывать.

Со временем Вадим и насчет Вики успокоился. Полгода, как она уехала, а никто ни о чем его не спрашивал. Парижские газеты в московских киосках не продавались, и упражнялся ли ее муженек в пасквилях, Вадим не знал.

Вика домой не писала, все-таки понимает, что этого делать нельзя. Пришли за эти полгода два письма с московским штемпелем отправления, значит, послала с оказией. Письма были короткие: жива, здорова, отвечать просила через некую Нелли Владимирову, сообщила ее телефон.

Вадим категорически запретил отцу отвечать.

— Кто такая Нелли Владимирова?— вопрошал он.— Где гарантия, что она не понесет сначала это письмо на Лубянку? Где гарантия, что присланное нам письмо тоже не побывало на Лубянке? Это переписка с заграницей, связь с заграницей, неужели ты не понимаешь, чем это может кончиться? Укажи мне человека, который переписывался бы с заграницей. Те, у кого есть родственники за границей, это скрывают, а мы будем афишировать?

— Но, Вадим,— растерянно бормотал старик,— неужели я не могу переписываться с собственной дочерью?

— Не можешь. Даже она это понимает, не пишет на наш адрес, передает через кого-то, соображает, что это опасно, знает, чем это чревато. Решила писать нелегально. Быстро она забыла наши условия. Все нелегальное у нас может открыться через час.

— Но, Вадим!

— Папа, смотри на вещи трезво. Она нас бросила, бросила навсегда. Из Франции сюда не возвращаются, тех, кто уехал, мы обратно не принимаем. Она захотела т о й жизни, не подумала, вернее, не пожелала думать, какой станет н а ш а жизнь здесь из-за ее отъезда! Тебе придется теперь писать в анкетах: «Дочь уехала за границу, живет во Франции». Конечно, ты — знаменитость... Но неприкосновенных теперь нет, запомни это. А я работаю на идеологическом фронте, я на идеологической работе, там родственники уехавших за границу не нужны, там таким не доверяют. Я, конечно, понимаю: ты считаешь меня эгоистом, думаю только о себе, о своей карьере. Нет! Я думаю не только о своей жизни, о своем будущем. Меня в данном случае прежде всего интересует моральная, этическая, нравственная сторона вопроса, она не посчиталась с нами, почему мы должны считаться с ней? Самим фактом своего отъезда она поставила нас под удар, почему после этого мы должны расшаркиваться перед ней? Она ничем не рискует, мы рискуем всем. Она нас вычеркнула из своей жизни, ее письмо — пустая формальность, она им тешит свои так называемые родственные чувства. Ах, как же, папенька, братец... Ah, mon pére, mon frére, ведь французы это очень любят, еще Лев Николаевич Толстой подметил... Помнишь, в «Войне и мире»: «Ôh, ma mére, ma pauvre mére...»[3]. Все это притворство... Вот так, отец, я на этом категорически настаиваю.

— Ну что ж, Вадим, поступим, как ты считаешь нужным,— согласился Андрей Андреевич.

И все же профессор Марасевич позвонил Нелли Владимировой, заехал к ней и передал Вике письмецо: он и Вадим живы, здоровы, все у них в порядке, рад, что и у Вики тоже все хорошо.

— Только прошу вас,— сказал старик Нелли,— не обмолвитесь моему сыну, что я послал это письмо. Он не в ладах с сестрой.

— Я незнакома с вашим сыном,— объявила Нелли.

— Но можете столкнуться, встретиться, познакомитесь, так что, пожалуйста, не говорите.

— Пожалуйста,— равнодушно ответила Нелли.

Профессор Марасевич не сообразил, что Вика подтвердит получение его письма. «Папочка, дорогой, весточку твою получила...» Ответ ее попал в руки Вадима.

— Ты можешь мне объяснить, что это значит?!

Отец мямлил: позвонил этой даме, просил всего лишь передать привет, стоит ли создавать проблемы из пустяков, Вадим здесь ни при чем, мало ли что может взбрести в голову старику...

— Поступай, как хочешь,— холодно ответил Вадим,— но если ты намерен продолжать переписку, нам придется с тобой разъехаться.

— То есть как? — не понял профессор.

— Очень просто. Нам придется разменять эту квартиру. Я буду жить отдельно.

Такая угроза ошеломила старика. Он не мыслил, не представлял себя вне этой, известной всей Москве квартиры... Конечно, сейчас, без Вики, дом стал не тот, гостей стало меньше. Умер Сумбатов-Южин, умер Анатолий Васильевич Луначарский, постарела Екатерина Васильевна Гельцер, и Качалов постарел, и Игумнов Константин Николаевич, но звонят, вчера, например, Мейерхольд звонил, поздравляют и с Новым годом, и с днем рождения, навещают, просят совета. Театральной молодежи, правда, стало меньше, не жалует ее Вадим, но она и раньше утомляла Андрея Андреевича. И из-за рубежа гости приезжали реже; новых знакомств профессор не заводил, но старые друзья, оказавшись в Москве, обязательно объявлялись, и он их принимал у себя. И вообще он не мыслит себя вне этого дома, одинокий, без жены, без дочери, а теперь он лишается и сына, так надо понимать Вадима.

— Это очень жестоко с твоей стороны,— огорченно пробормотал Андрей Андреевич.

— Суди меня, как хочешь,— ответил Вадим,— но я тебе скажу вот что: не приведи господь тебе узнать на личном опыте, насколько я прав. У тебя старомодные понятия, это прекрасно, но не ко времени, понимаешь, не ко времени. Учти это.

— Хорошо,— согласился Андрей Андреевич, растерянный и испуганный угрозами сына,— больше я писать Виктории не буду.

На этом кончили разговор и разошлись по своим комнатам.

А утром Вадима разбудил телефонный звонок... Черт побери! Так рано ему никто не звонил. Он снял трубку, услышал незнакомый мужской казенный голос:

— Вадим Андреевич Марасевич? С вами говорят из Народного комиссариата внутренних дел. Сегодня в двенадцать часов вам надлежит явиться по адресу: Кузнецкий мост, 24, бюро пропусков, к товарищу Альтману. Поняли?

— Да, я понял,— сразу охрипшим голосом ответил Вадим.

— При себе иметь паспорт. Поняли?

— Понял, конечно.

В трубке раздались короткие гудки, и Вадим положил ее.

Так! Он знал, что рано или поздно этим кончится. Дрянь! Проститутка! Шлюха! Всегда была шлюхой. Здесь была шлюха, шлюхой будет и в Париже.

Черт! Почему он не сказал, что занят сегодня, у него заседание, совещание, не может он быть, не может... И почему его вызывают по телефону? Если он в чем-либо виноват, пусть вызовут официально, повесткой. Он им не мальчик! Он член Союза писателей, в конце концов не последний в стране критик. Там его не могут не знать, читали его статьи, обязаны читать, если собираются с ним разговаривать.

Впрочем, может быть, именно поэтому не вызвали повесткой. Хотят предупредить, что переписка с Викой накладывает тень на него и на отца и потому не следует ее вести. Вызвали неофициально из самых лучших побуждений. А то, что голос хамский, так ведь звонил обыкновенный исполнитель.

Да и что могут ему предъявить? Он с сестрой давно порвал, еще до ее отъезда в Париж. Он — в прошлом комсомолец, она — ресторанная девица. Они даже не разговаривали друг с другом последние три года. А отец? Что взять со старика, семейные предрассудки, дочь, видите ли.

О, боже, боже... А вдруг его не выпустят оттуда?! Впрочем, нет: при аресте предъявляют ордер. И все же это учреждение внушало ему ужас. Страх, в котором он рос в детстве, который, казалось, преодолел, вступив в комсомол, снова обуял его, хотя таким устойчивым казалось его теперешнее положение. Став одним из самых ортодоксальных критиков, став, в сущности, «интеллигентной дубинкой» в руках твердолобых, вроде Ермилова, он может ничего не бояться: он нужен своей стране! Да, именно такие, как он, нужны государству, и там, куда его вызывают, должны это понимать.

Он стоял перед зеркалом, завязывал галстук. Черт! Руки трясутся. Конец галстука никак не попадал в петлю. А до двенадцати оставалось мало времени.

Ну как отец решился на такую глупость, позвонить какой-то Нелли Владимировой, может быть, она стукачка, подсадная утка, ведь он предупреждал отца, ведь отец, несмотря на свое высокое положение, попрежнему всего боится. Его высокопоставленных пациентов сажают, высылают, и все его коллеги, все эти профессора и знаменитости дрожат от страха. А его, Вадима, коллеги? Строят из себя властителей дум — и тоже дрожат от страха. Боятся собственной тени. Если с ним что-либо случится, их как ветром сдует, не останется ни одного, еще будут негодовать, возмущаться. Как это они «проглядели»? Он хорошо знает их самоуверенные улыбочки, апломб, за которым ничего не стоит.

А не посоветоваться ли с Юркой Шароком... Они, правда, давно не виделись. Но ведь они друзья, друзья детства, девять лет почти просидели за одной партой. И потом встречались. Сколько раз Юра бывал здесь, у них в доме, по его, Вадима, звонкам ходил в театры. Ведь, в сущности, их двое осталось от школьной компании. Юрка может помочь и обязан помочь. Он прекрасно знает не только Вадима, но и отца, их дом, пусть там все объяснит. Возможно, этот Альтман и не подозревает, что Вадим не только сын знаменитого профессора Марасевича, консультанта Кремлевской больницы, но и сам известный критик. И главное, главное, Юрка подтвердит, что Вадим твердо стоит на позициях Советской власти.

К тому же Юрка наверняка знаком с Альтманом. Да, надо позвонить Юре, посоветоваться, заговорить об этом как бы между прочим, сохраняя достоинство, не выдавая своего волнения и беспокойства.

Кстати, и у Юры есть основания беспокоиться не меньше, чем у него. Между ним и Викой что-то было, это факт, это точно. Как-то, придя домой, он зашел в комнату Вики, там сидел Юра, и по их лицам Вадим все понял. А до этого, еще когда Сашку не арестовали, у Нины, на встрече Нового года, где-то в коридоре Юра с Викой тискались, Нина даже скандал устроила. А потом этот вот случай в комнате Вики. А после этого они тоже встречались. Правда, когда Юрка стал работать в НКВД, он к ним больше не заходил, но, может быть, они встречались на стороне, черт их знает. Вика — распутница, а Юра тоже порядочный бабник. В общем, Юра должен ему помочь, не может не помочь.

Он набрал Юрин номер, услышал в трубке глухой плебейский голос, голос его отца, портного. Черт возьми, он даже не знает его имени-отчества.

— Нет дома,— произнес этот глухой, чужой голос,— не знаю, когда будет.

И повесил трубку.

Да... А служебного телефона Юры он не знает. К тому же о таких вещах по телефону не говорят. Как же быть-то?

Что за человек этот Альтман? Молодой, старый? Интеллигент, хам? Вообще-то Альтман — фамилия интеллигентная.

Натан Альтман — художник, известный своей серией зарисовок Владимира Ильича Ленина и скульп-

[3] О, моя мать, моя бедная мать... (фр.)

турным портретом Ленина, выполненным с натуры. Живописец, оформлял и спектакли: «Мистерию-буфф» Маяковского, «Гадибук» в театре «Габима», «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова, но в его работах сильна примесь схематизма и абстрактности. Вадим об этом писал...

Другой Альтман, Иоган — литературовед и театральный критик, старый член партии, сейчас редактор газеты «Советское искусство». Так что, возможно, и этот Альтман — интеллигент.

Лучше бы интеллигент — с ним хотя бы можно объясниться. А хам? Сидит у себя в кабинете, в сапогах, курит махорку, нарочно воняет, изображает пролетария.

За последние годы Вадим научился обращаться с хамами, как они того заслуживают, казалось, он давно перестал их бояться. Нет! Голос старого Шарока повергнул его в замешательство, он по-прежнему боится их, дрожит перед ними.

Тем больший ужас испытывал Вадим перед тем таинственным, неведомым могущественным хамом, который сидит на Лубянке и ждет его.

Этот могущественный хам оказался рыжеватым сутулым евреем в военной форме, с длинным носом и печальными глазами.

Увидев Альтмана, Вадим с облегчением вздохнул. О своих знаменитых однофамильцах этот тощий рыжеватый военный наверняка не слышал, образование, видимо, в рамках шести — восьми классов, но на хама не похож. Впалые щеки, узкие плечи... Возможно, даже пиликал в детстве на скрипочке, во всяком случае, не сморкается двумя пальцами, пользуется носовым платком. И надо думать, не выкручивает руки подследственным.

Затеплилась надежда, может, и у него, Вадима, все обойдется.

— Садитесь!

Вадим сел. Альтман вынул из стола бланк, положил перед собой, обмакнул перо в чернильницу.

— Фамилия, имя, отчество? Год и место рождения? Работа и должность?

Допрос? За что, почему? К тому же ему действовал на нервы монотонный голос Альтмана.

На последний вопрос Вадим ответил так:

— Член Союза писателей СССР. Я бы хотел знать...

— Все узнаете,— перебил его Альтман,— должность?

— В Союзе писателей нет должностей.

Альтман воззрился на него:

— Что же вы там делаете?

— Я — критик, литературный и театральный критик.

Альтман опять уставился на него.

— Получаю гонорар за свои статьи,— уточнил Вадим.

Альтман все смотрел задумчиво. Потом записал «критик».

Этот маленький успех ободрил Вадима, и он добавил:

— Гонорары, конечно, незначительные, работа критика в этом смысле весьма неблагодарная. Но живем... Нас с отцом двое, отец мой — профессор Марасевич...— Вадим сделал паузу, ожидая реакцию Альтмана на столь значительную фамилию, но на лице Альтмана не дрогнул ни один мускул, и Вадим продолжал:— Он руководитель клиники, консультант Кремлевской больницы.

И опять ничего не отразилось на скучном лице Альтмана. Он перевернул страницу, аккуратно поправил сгиб, провел по нему ногтем, страница была чистая, линованная.

И, разглядывая эту чистую страницу, спросил:

— С кем вы вели контрреволюционные разговоры? — Голос его был ровным, таким же скучным, как и лицо.

Этого Вадим никак не ожидал. Он ожидал разговора о Вике, приготовился к такому разговору, выстроил, по его мнению, логичную и убедительную версию. Но «с кем вели контрреволюционные разговоры»?! Ни с кем он не вел контрреволюционные разговоры, не мог вести, он советский человек, честный советский человек. Такой вопрос — ловушка. Пусть скажет, по какому делу вызвал его, он готов отвечать, но должен знать, в чем дело. Но если он начнет возражать, то разозлит этого тупицу, он единовластный хозяин здесь, в этих голых стенах, с окнами, закрашенными до половины белилами и забранными металлической решеткой.

— Я не совсем понимаю ваш вопрос,— начал Вадим,— какие разговоры вы имеете в виду? Я...

Альтман перебил его:

— Вы отлично понимаете мой вопрос. Вы отлично знаете, какие знакомства я имею в виду. Советую вам быть честным и откровенным. Не забывайте, где вы находитесь.

— Но я, право, не знаю,— пролепетал Вадим,— я ни с кем не мог вести контрреволюционных разговоров. Это какое-то недоразумение.

Альтман посмотрел на листок допроса:

— Вы член Союза писателей, да? Вокруг вас писатели? Что же, никто из них не ведет, по-вашему, контрреволюционных разговоров? — Он задавал вопрос за вопросом, а голос был монотонный, будто он не спрашивал Вадима, а читал ему нотацию.— Вы хотите меня в этом убедить? Вы хотите мне доказать, что все писатели абсолютно лояльны к Советской власти? Вы это хотите доказать? Вы берете на себя ответственность за всех писателей, за всю интеллигенцию? А может быть, вы слишком много на себя берете?

Вадим молчал.

— Ну,— переспросил Альтман,— будем играть в молчанку, а?

Вадим пожал толстыми плечами:

— Но никто не вел со мной контрреволюционных разговоров.

— Не хотите нам помогать,— с тихой угрозой проговорил Альтман.

— Почему не хочу,— возразил Вадим,— помогать органам НКВД — обязанность каждого человека. Но никаких разговоров не было. Не могу же я их придумать.

Хотя вся обстановка — и этот кабинет, и этот автомат Альтман со своим монотонным голосом — пугала Вадима, внутренне он немного успокоился: он уязвим только со стороны Вики, но о Вике речи нет. А контрреволюционные разговоры — тут какая-то ошибка, какое-то недоразумение.

Альтман молчал, в его глазах не было ни мысли, ни чувства. Потом он перевернул листок, посмотрел фамилию, имя и отчество Вадима:

— Вадим Андреевич!

Этот жест был оскорбителен. Альтман не скрывает, что даже не помнит его имени-отчества, не дал себе труда запомнить его, мол, это ему ни к чему.

— Вадим Андреевич!

Он в первый раз посмотрел Вадиму прямо в глаза, и Вадим похолодел от страха: столько ненависти было в этом взгляде, в неумолимом палаческом прищуре.

— Но я...

— Что «я», «я»,— тихий голос Альтмана был готов взорваться, перейти на крик от ненависти,— я вам повторяю: вы забываете, где находитесь. Мы вас вызвали сюда не для того, чтобы вы нас просвещали, что нам полагается знать, мы сами знаем, понятно вам это или непонятно?

— Конечно, конечно,— угодливо подтвердил Вадим.

Альтман замолчал, потом прежним унылым голосом спросил:

— С какими иностранными подданными вы встречаетесь?

Наконец! Подбирается к Вике. Ясно!

Вадим изобразил на лице недоумение.

— Я лично ни с какими иностранными подданными не встречаюсь.

Альтман опять посмотрел ему прямо в глаза, и Вадим снова похолодел от этого палаческого прищура.

— Может быть, вы вообще в жизни не видели ни одного иностранца?

— Почему же? Видел, конечно.

— Где?

— Иностранцы бывают в доме моего отца. Мой отец — профессор медицины, очень крупная величина, знаете, мировое имя... И, конечно, его посещают иностранные ученые, это естественно, и это делается официально, с ведома руководящих инстанций... Я их мало знаю, я не медик и не участвовал в их беседах, кстати, на их беседах всегда присутствовали официальные лица... Но помню некоторые имена. Несколько лет назад отца посетил профессор Берлинского университета Крамер, другой профессор — Россолини, так, кажется. Профессор Колумбийского университета, не помню его фамилию, его называли Сэм Вениаминович.

Альтман что-то записал на бумажке. Неужели фамилии этих профессоров? Странно! О них можно прочитать в газетах.

Упомянул Вадим и профессора Игумнова, и Анатолия Васильевича Луначарского, приходивших в их дом с иностранцами. Назвал одного польского профессора, он приходил с Глинским, известным партийным работником, другом и соратником Владимира Ильича Ленина, назвал еще несколько имен.

И замолчал.

Молчал некоторое время и Альтман, затем спросил:

— Ну, и о чем вы разговаривали с этими иностранцами?

— Я лично ни о чем. Это были знакомые отца.

— А вы сидели за столом?

— Иногда сидел.

— Ну и что?

— Я не понимаю...

— Я спрашиваю: ну и что?! Что вы делали за столом? Говорили?

— Нет, о чем мне было с ними говорить, это люди науки...

— Ах, значит, не говорили. Только пили и ели. А уши что? Заткнули ватой? Пили, ели и слушали их разговоры. О чем они говорили?

— На разные темы, главным образом о медицине.

— И с дирижером тоже о медицине?

И тут Вадим произнес фразу, которая показалась ему очень удачной и даже несколько взбодрила его:

— Да, тоже о медицине. Он советовался с моим отцом по поводу своих болезней.

Альтман взял в руки листок и, путаясь в ударениях, прочитал названные Вадимом фамилии.

— Это все?

В его монотонном голосе звучала уверенность, что это не все.

— Как будто все.

— Подумайте.

И опять в его голосе прозвучало ожидание того, что Вадим назовет то единственное имя, ради которого он и вызвал его сюда.

Для Вадима все стало ясно: следователь имеет в виду Шарля, муженька Вики, этого виконта, черт бы его побрал! Он бывал у Вики, но Вадим его почти не видел, сухо поздоровался, когда Вика представила Шарля ему и отцу, но ужинать с ними не остался, ушел, сославшись на срочное заседание, так что Вика в в е л а Шарля в их семью не только без его ведома, но и без его участия. И все дело, конечно, в Шарле и только в Шарле. И надо его назвать, самому назвать, свободно, спокойно, а не вынужденно.

— Ну, еще не знаю...— сказал Вадим,— есть еще муж моей сестры, они живут в Париже... Но никаких связей с ними я не поддерживаю.

— Это все? — снова переспросил Альтман.

— Да, все, что я могу припомнить.

Альтман придвинул к себе бланки и начал писать ровным писарским почерком, заглядывая в листок бумаги, который заполнил фамилиями и именами, названными Вадимом.

Вадим наблюдал за тем, как он пишет. Медленная, спокойная работа, которую уже ничто не может остановить. И эта неотвратимость была страшна и подавляла Вадима.

Кончив писать, Альтман протянул ему протокол:

— Прочитайте и подпишите.

И с прежней ненавистью воззрился на него. Будто решал, что лучше: повесить Вадима или отрубить ему голову. И, ежась, холодея от страха под этим взглядом, Вадим прочитал протокол.

Две страницы текста, без абзацев и отступлений, заключали в себе ответ на вопрос «С какими иностранными подданными вы встречались, где, когда, при ком?».

Названные Вадимом имена, фамилии были записаны правильно. Но их оказалось очень много — этих имен, и русских, и иностранных. Иностранные имена принадлежали тем, кто приходил к ним на Арбат, русские — тем, кто их приводил, а сама картина выглядела нелепой, неправдоподобной, получалось, что их дом то и дело посещают иностранцы, а Вадим только и занимается разговорами с ними. К тому же все начиналось с Вики, с того, что она замужем за французом, таким-то и таким-то, выходило, что именно поэтому иностранцы бывают в их доме.

Но внешне все записанное соответствовало показаниям Вадима, возразить нечего да и страшно возражать. Его угнетал, подавлял этот палаческий прищур, неумолимость этого монотонного голоса, эти неожиданные вспышки гнева и ненависти. Вадим подписал обе страницы протокола.

Альтман положил его в папку.

— О вызове сюда и о ваших показаниях никто не должен знать. Понятно?

— Конечно,— поспешно ответил Вадим. Он готов был согласиться со всем, лишь бы поскорее выйти отсюда.

— Вы никому ничего не должны рассказывать. Иначе вас ждут большие неприятности.

— Ну что вы!

— Считайте себя официально предупрежденным.

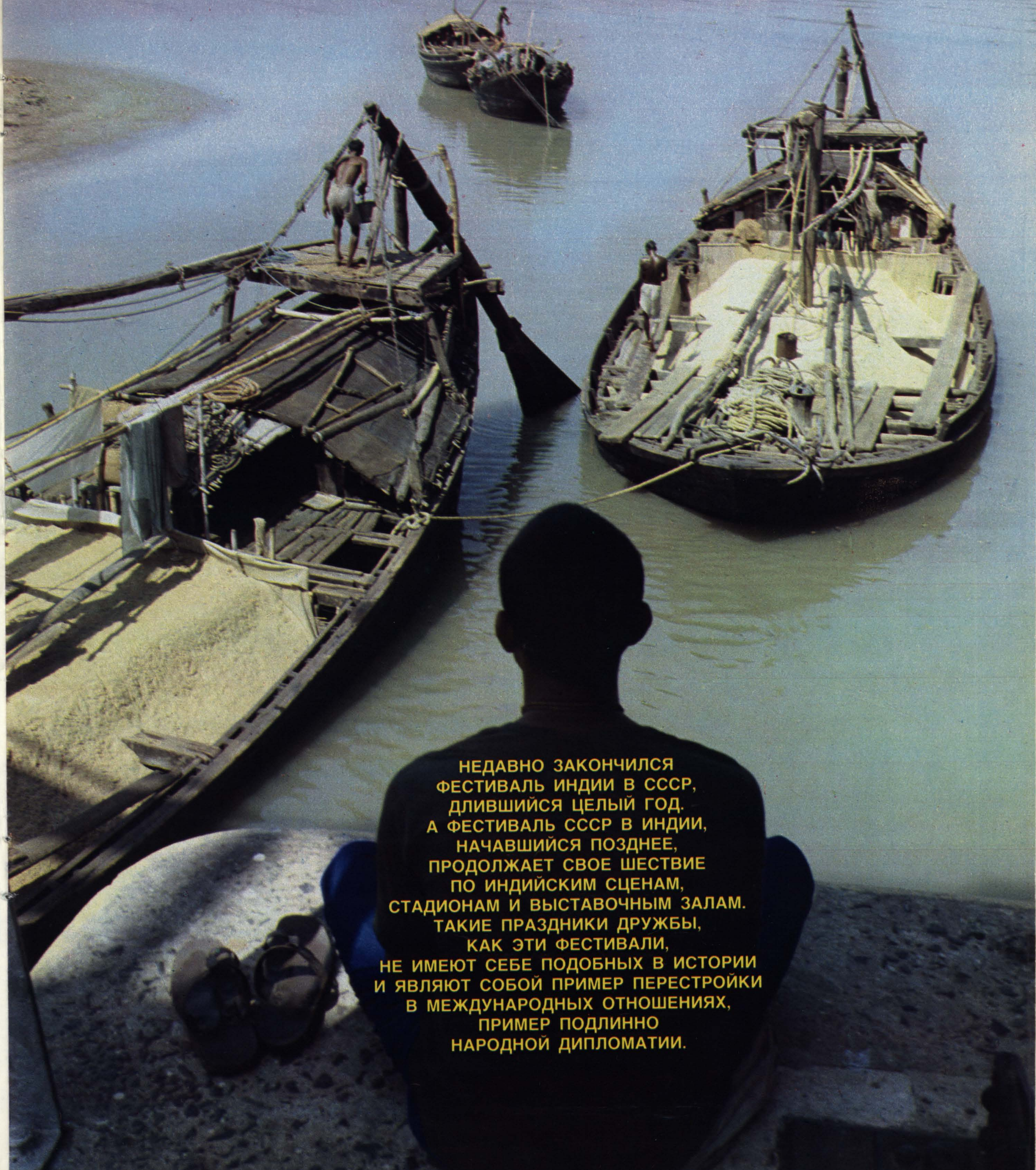
— Понятно.

Альтман поднял голову, опять злобно прищурился.

— А к вашим контрреволюционным разговорам мы еще вернемся. Поговорим об этом подробнее. Я вам позвоню.

Продолжение следует.

ДРУЖБА КРЕПНЕТ

НЕДАВНО ЗАКОНЧИЛСЯ
ФЕСТИВАЛЬ ИНДИИ В СССР,
ДЛИВШИЙСЯ ЦЕЛЫЙ ГОД.
А ФЕСТИВАЛЬ СССР В ИНДИИ,
НАЧАВШИЙСЯ ПОЗДНЕЕ,
ПРОДОЛЖАЕТ СВОЕ ШЕСТВИЕ
ПО ИНДИЙСКИМ СЦЕНАМ,
СТАДИОНАМ И ВЫСТАВОЧНЫМ ЗАЛАМ.
ТАКИЕ ПРАЗДНИКИ ДРУЖБЫ,
КАК ЭТИ ФЕСТИВАЛИ,
НЕ ИМЕЮТ СЕБЕ ПОДОБНЫХ В ИСТОРИИ
И ЯВЛЯЮТ СОБОЙ ПРИМЕР ПЕРЕСТРОЙКИ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ,
ПРИМЕР ПОДЛИННО
НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ.

М. С. Горбачев подчеркнул, что «советский и индийский фестивали — наглядное подтверждение тому, что ставшие прочной традицией дружественные связи между нашими странами выходят на качественно новые рубежи». Да, наши взаимные связи, интерес друг к другу возрастают год от года. Чтобы удовлетворить этот интерес, «Огонек» уже не раз рассказывал об Индии, о ходе двух фестивалей. На этой цветной вкладке фотокорреспондент журнала Николай Козловский знакомит читателей с Калькуттой, самым большим городом в Индии. Многомиллионная и многоликая Калькутта раскинулась в дельте Ганга, при его слиянии с Брамапутрой. Это крупный промышленный и культурный центр, один из главных индийских портов.

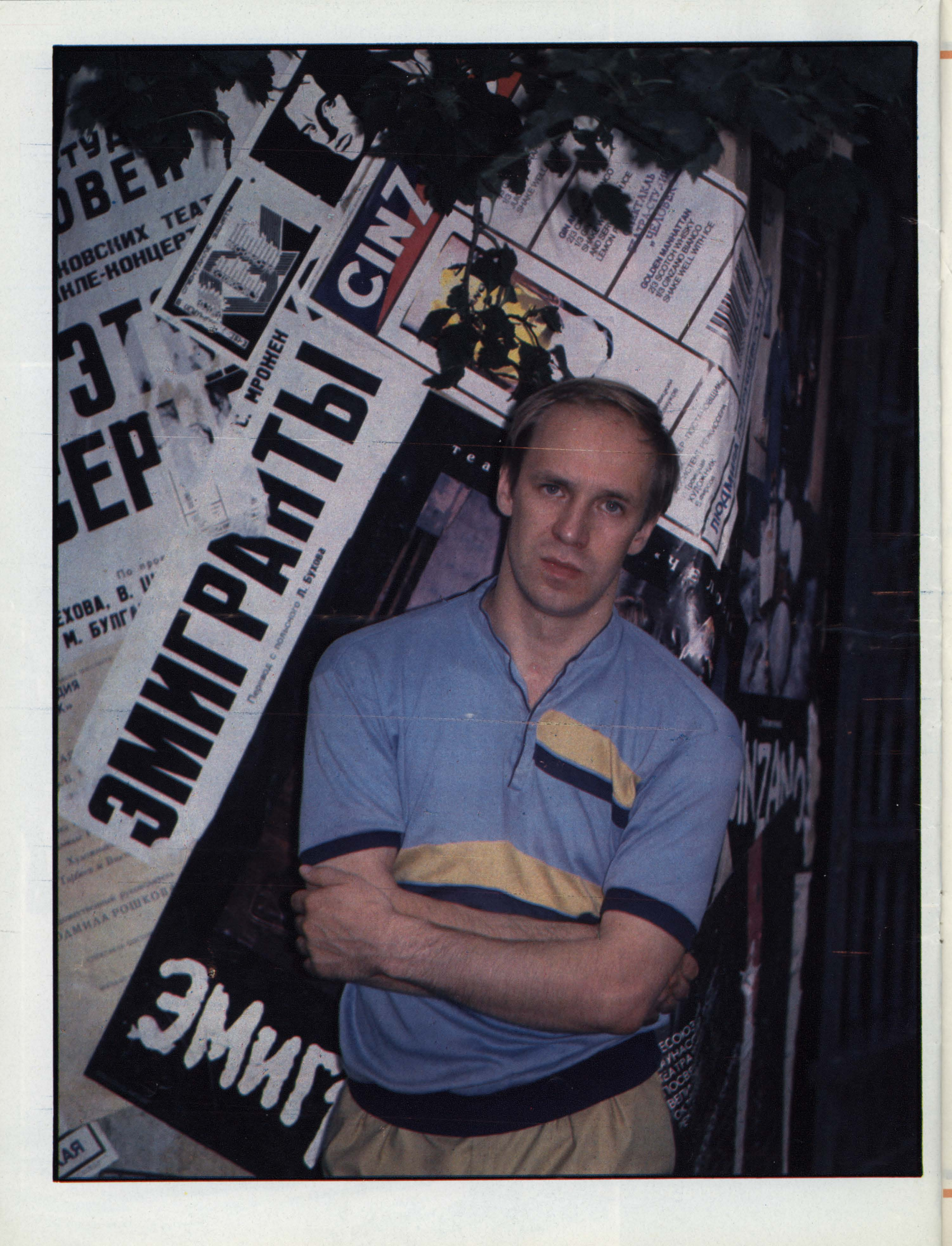

В Калькутте состоялось немало мероприятий в ходе фестиваля СССР в Индии, в частности, экспонировалась фотовыставка Николая Козловского, во время которой он и познакомился с гигантским городом.

В июле, когда эта вкладка готовилась к печати, мы стали свидетелями новой демонстрации крепнущей советско-индийской дружбы. Состоялся официальный дружественный визит в нашу страну Президента Республики Индии Рамасвами Венкатарамана. Он заявил в Москве, что индийско-советские отношения покоятся на прочном фундаменте общих ценностей и нет сомнения в том, что эти отношения ожидает светлое будущее.

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

ЭМИГРАНТЫ
С. МРОЖЕК
Перевод с польского Л. Бухова
CINZ
GOLDEN MANHATTAN
2/3 SCOTCH WHISKY
1/3 CINZANO BIANCO
SHAKE WELL WITH ICE
ЭМИГ

Ольга ГАЛАХОВА,

Игорь ГАВРИЛОВ (фото)

РАМПА

КАРЬЕРА В ОДИНОЧКУ? СКУЧНО...

В последние годы мы все чаще становились свидетелями печальной закономерности: выпускался то один яркий актерский курс того или иного театрального училища, то другой (а были курсы — просто готовые театры), но никто их брать не хотел. Так, увы, уже несколько поколений не смогло органично войти в нашу театральную действительность, поодиночке растворившись в среде московских театров.

Александру Феклистову вроде бы повезло. Олег Ефремов — руководитель курса, на котором учился Саша,— быть может, понимал, что свежую кровь по капле не вольешь, и он взял несколько выпускников с одного курса в свой театр, подарил им право, редкую возможность делать микротеатр, развивать своей молодой компанией традиции МХАТа. Опережая события, скажем, что из этого ничего не вышло.

Александр Феклистов, Михаил Мокеев, Роман Козак, Дмитрий Брусникин — выпускники одного курса, работники одного театра, не смогли стать той компанией, о которой, возможно, мечтал Ефремов. Вероятно и другое — не захотели. Я помню, как М. Мокеев, еще до великого передела МХАТа сказал, что дух студийности, о котором они мечтали, не состыковывался с духом театра. Тогда жить делом для многих в труппе казалось аномалией.

Феклистов поначалу честно исполнял роли и рольки. В годы, именуемые застоем, актер, как, впрочем, и вся их команда, жил двойной жизнью. Состояние вполне типичное для нашего рефлексирующего поколения. Эта двойственность давала творческий импульс — рефлексия являлась источником социальной, творческой энергии. Предел мечтаний актерской биографии — МХАТ — оказался пределом формально удачной биографии, а по правде — только местом работы (это МХАТ-то!). Право же на творчество Феклистов и К° завоевывали иначе — в подполье, в подвале московской студии «Человек». Роль работяги в пьесе С. Мрожека «Эмигранты» стала единственной работой, о которой может и хочет говорить Феклистов:

— После «Эмигрантов» мы никак не могли найти необходимого соответствия своему нравственному состоянию. Но и нельзя одним и тем же так долго болеть. Ты — живой, у тебя все внутри меняется. Актер ведь редко возвращается мыслями к сделанной роли. А тут за шесть лет одна любимая роль. Да еще спектакль шел с большими перерывами. Забываются чувства. Остается голая форма, которая должна вызвать чувства. А это уже неполноценный продукт.

...Зимой 1983-го театральная Москва смотрела «Эмигрантов» в маленьком подвальчике на Бауманской. Упоминать имя Мрожека тогда не разрешалось, и спектакль шел подпольно как в буквальном, так и в переносном смысле. Нас вели от метро и «передавали» из рук в руки. В театр шли цементные ступеньки. И вот подвал, со слесарным верстаком в одной из двух комнат. Крохотный амфитеатр мест на семьдесят. Что натворил Мрожек, мы точно не знали; он «опять что-то сказал». Действие пьесы тоже происходило в подвале одной из капстран, где поселились два польских эмигранта. Свободный и Раб. Интеллектуал и работяга. Один приехал за свободой — другой за деньгой. Один полагает, что источник всеобщего рабства в существовании хотя бы одного раба. Другой считает, что деньги освободят от любого рабства. Режиссер спектакля Михаил Мокеев ставил спектакль про беду народа. Когда-то страстное желание сделать народ свободным, пострадать за него сделало нашу интеллигенцию уникальной. Сегодня все переменилось. Пострадать за народ уступило презреть его; иные так и живут. Именно таким — презирающим — играет своего интеллектуала Роман Козак. Иная задача у партнера.

Феклистов замечательно сыграл эту роль, но и роль «сыграла» Феклистова. Я отчетливо помню то редкое состояние зрительского безоговорочного не то что приятия, и даже не восхищения, а приобщения к истине. Вполне понятно, что после проживания социальных прозрений Мрожека актеру было трудно выходить на сцену МХАТа в «Зинуле». Инъекция правды оказалась столь мощной, что Феклистов стал отказываться от ролей, которые ему предлагали и в кино, и в театре — смею предположить — только потому, что видели его в «Эмигрантах».

Феклистов в дуэте польских эмигрантов, умного и дурака,— принцип, по которому поначалу строится пьеса,— играет дурака, работягу, приехавшего только заработать. Никакой политики! Никаких политических дискуссий, даже вдвоем в подвале, вдали от Родины, он вести не намерен. Он знает про себя: он вернется, вот только накопит и уедет. Но жизнь в подвале выстраивает другую прямую.

Социальное прозрение — достоинство пьесы; мужественная способность упрямо играть в спектакле «нерекомендованном» — достоинство личностей, занятых в спектакле. Не менее важно было другое: Феклистов в образе работяги обнаружил талант человеческий — одаренность души, отзывчивость к сострадaнию.

Иронический персонаж становится для него персонажем человеческим. Феклистов всего лишь жалеет его, но этого оказалось достаточно. Актер щедро наделяет своего героя приметами человеческих пристрастий: работяга любит вырезать «фотки» красивых женщин из журналов и расклеивать у себя над кроватью, он любит «порядок» в костюме, дырявые носки прикрывает допотопными лаковыми ботинками. Но чем больше работяга хочет быть похожим на Человека, тем вернее удаляется от этой цели. Феклистов щедро мыслит деталями — все их здесь не опишешь. Важнее отметить другое: актер пытается вызвать у зрителя любовь к персонажу даже тогда, когда любить, мягко говоря, не за что. Ироничный комментатор работяги — интеллектуал безудержно издевается над ним. Работяга тупо сносит, когда ему говорят: «Ты раб! Ты не человек!». Пускай, именно поэтому я ем твой сахар, твои консервы, курю твои сигареты, ты вносишь за меня квартплату,— мне так удобнее. Но Феклистов хитрит со своим персонажем. Его герой заключил с собой договор: пока человеком не быть. Да, в нем загнано, изуродовано человеческое, но не истреблено.

Стихийное высвобождение человеческого в характере, думаю, самое важное зерно роли для Феклистова. Рождение страдания в душе — та цена, которую платит работяга за обретение в себе человека...

— Я был старостой курса,— вспоминает Феклистов,— и все говорил: «Ребята, надо не ударить в грязь лицом. Надо на занятия ходить. С нами хотят театр сделать». Пошел второй курс— Табаков себе подвал отремонтировал. Ефремов ходил к нам редко. А я упорно повторял: «Ребята, надо всем вместе с педагогами в лес ехать». Я ж начинал в театре на Красной Пресне — спесивцевская моторика включилась... Были, правда, единицы, которых мои речи не раздражали, и все заканчивалось тем, что мы шли с Ромой Козаком пиво пить, а потом решили что-то сделать. Но что? Педагог Власов принес нам однажды пьесу «Эмигранты». Мы позвали Мокеева и сделали спектакль.

Этот спектакль, по молчаливому признанию критиков, стал самой значительной московской постановкой последних лет. Не раз и не два ему грозила смерть, но спектакль не умер, как это положено всем учебным работам. Нашей троице повезло — Ефремов взял во МХАТ, но «взял» без «Эмигрантов».

И опять повезло — спектакль приютила студия «Человек».

— Может быть, это прозвучит кощунственно,— продолжает актер,— но я не могу утверждать, что в работе мне помогали книги. В профессии мне пригодился багаж собственных переживаний. В какой-то период я вообще отказался от чтения художественной литературы и брал в руки только философские да литературоведческие работы. Вы спрашиваете, какой личный опыт подключился в «Эмигрантах»?.. Меня часто охватывало и охватывает чувство, что у нас все отбили. Мы плохо относимся к себе. Отбили чувство собственного достоинства, необходимость в нем. Я не могу смотреть, как милиционер общается с народом. Я отворачиваюсь, я не хочу это видеть. Скажу больше; я почувствовал, что у меня нет внутренней потребности играть роль. Я могу и другим заниматься. Мы сейчас ведь ни за что не отвечаем. Актер может не отвечать за выбор пьесы, за спектакль. Но я не могу не отвечать за роли, которые играю во МХАТе! Поэтому наша попытка уйти сейчас из театра в студию, уйти своей командой кажется мне органичным уходом. Мы бы хотели, чтобы студия «Человек» стала спутником МХАТа... Может быть, мы плохо делаем, что уходим? Нам придется самим отвечать за свои идеи. Не знаю, насколько мы готовы к этому. Наше поколение жило в отказе от общества, от его проблем. Мы путали понятия: «общество» и «просто люди». Мы свою молодость проживали внутри тех проблем, о которых сегодня так бойко говорит печать. Мы свой отказ несли как знамя, но отказ-то не имел созидательного смысла. Я согласен с мыслью, которую высказал один из музыкантов группы «Аквариум»: это поколение подошло в сегодня ни с чем, потеряло себя.

Понимаете, нам не хватает образования, не хватает культурных связей с нашим прошлым. Мы хватаемся за преходящее, не замечаем сущего. Кажется, что наши родители Достоевский и Толстой нам алименты платят, они бросили нас.

Мы вроде бы живем этими идеалами, но наше рабское сознание предлагало компромисс, конформизм. Я, наверное, говорю не очень стройно, но все эти мысли как-то входят в спектакль. После «Эмигрантов» мы хотели поставить спектакль про нас. Разобраться в себе, в своем поколении. Мы записывали свои импровизированные монологи на магнитофон, спектакль условно назвали «Легенда 401». Это была попытка осмыслить жизнь общества через нашу личную судьбу. Но когда мы стали записанное организовывать в текст, все начало сыпаться. Я не люблю прямого контакта с залом. Правда, у нас нет опыта хепенинговой культуры, и все же нагловато как-то было рассказывать о себе, тема была «я», «мама», «детство»... В общем, от идеи отказались. Мы ведь сегодня потеряли чувство контакта со зрителем. Мы не знаем, что хочет зритель. К сожалению, в театре мало личностей, которые могут увлечь. Не те люди приходят в режиссуру. В кино как-то получше. В жизни таких тоже встречаешь чаще. Только не в театре. И вот еще что... Я не представляю актерской жизни, в которой воспитываются по одному. Карьера в одиночку? Скучно... мне всегда хотелось расти сообща. За этим я и пошел в театр, было мне тогда 16 лет, учился в 9-м классе. У меня болезнь — я все помню,— как-то подсчитал, сколько спектаклей сыграл я у Спесивцева: получилась цифра 500! Жажда выходить на сцену была утолена. Сейчас ощущение профессии стало более ответственным, и потому просто выдавать продукцию мне кажется скучным. К сорока годам эмоции актера тускнеют, сереют, необходима уже иная сосредоточенность. Ведь вся энергетика, которая заложена природой, господом Богом, кончается. Я говорил Мокееву, что в текучке мы теряем в себе что-то самое драгоценное, что необходимо вернуть школу психологического тренинга, впитать систему медитаций, которую заимствовал с Востока современный Западный театр.

Сегодня я чувствую себя стариком: с одной стороны, импульсивно воспринимаю жизнь, с другой — программирую людские отношения. Взгляд внутрь себя становится интересней, чем взгляд в мир...

Такой вот паузой, многоточием заканчивались все мои беседы с Александром Феклистовым.

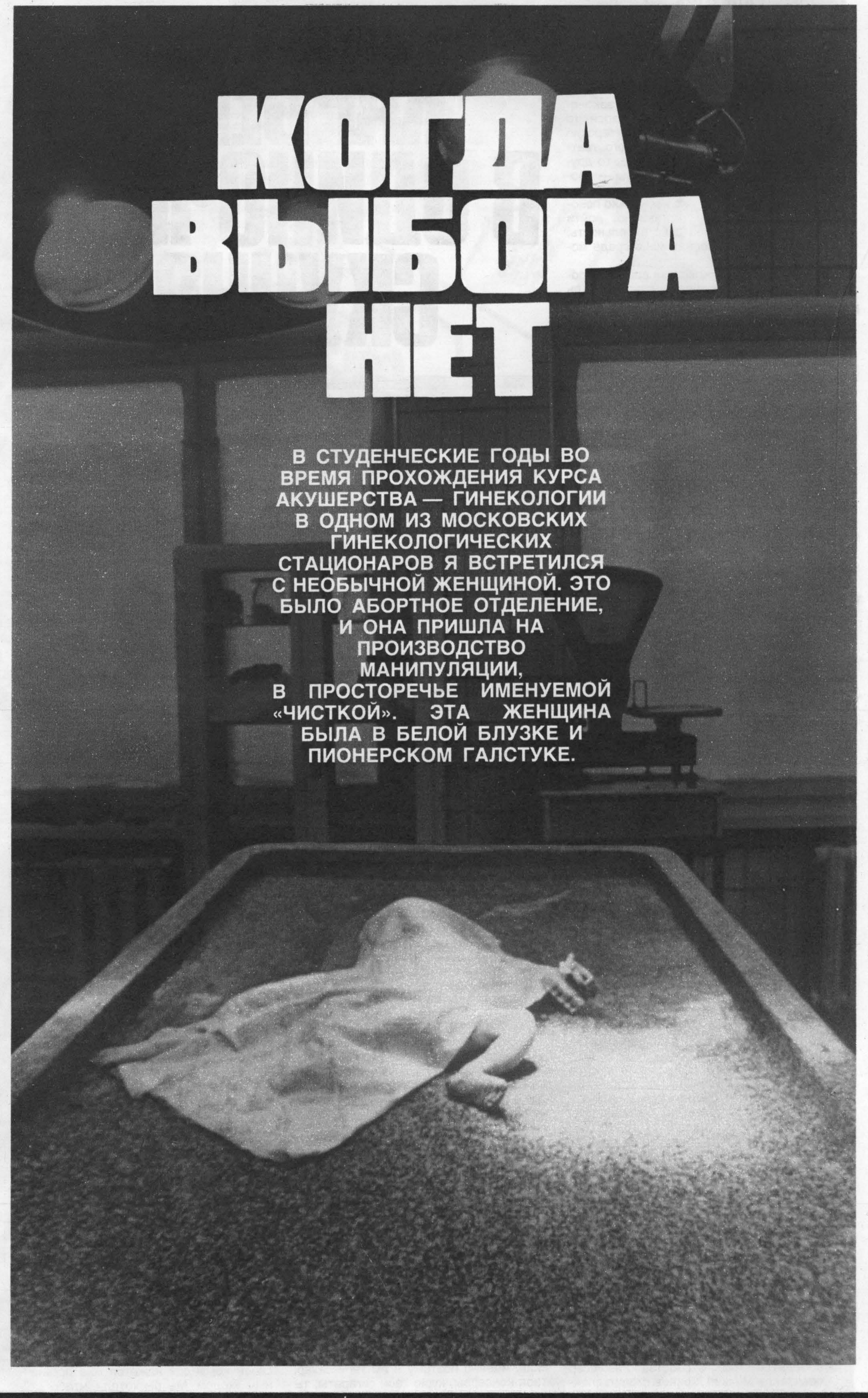
Отказываясь от ролей в театре и кино, Александр Феклистов парадоксальным образом утверждает престиж профессии.

Мягкий лиризм, который, кажется, свойствен его натуре, сосуществует с максимализмом, но каким-то особым,— без категоричности, без попыток осудить, пожаловаться на судьбу. На любимый нами риторический вопрос «кто виноват?», он бы ответил: «я». А мне жаль, что у такого актера уходит время, что расточительность стала самой характерной приметой нашего существования.

ПРОШУ СЛОВА!

КОГДА ВЫБОРА НЕТ

В СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ КУРСА АКУШЕРСТВА — ГИНЕКОЛОГИИ В ОДНОМ ИЗ МОСКОВСКИХ ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИХ СТАЦИОНАРОВ Я ВСТРЕТИЛСЯ С НЕОБЫЧНОЙ ЖЕНЩИНОЙ. ЭТО БЫЛО АБОРТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, И ОНА ПРИШЛА НА ПРОИЗВОДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ, В ПРОСТОРЕЧЬЕ ИМЕНУЕМОЙ «ЧИСТКОЙ». ЭТА ЖЕНЩИНА БЫЛА В БЕЛОЙ БЛУЗКЕ И ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ.

Понятно: впервые попав во «взрослое» заведение, она и оделась официально. Потом я узнал, что такие случаи не являются из ряда вон выходящими. Обозначаются они по-научному как проблема беременности несовершеннолетних и подростков и являются весьма и весьма острой проблемой нашего современного здравоохранения.

Посмотрим статистику: она знает не все, но многое. В возрасте от 15 до 20 лет на каждых 100 женщин приходится по 30 абортов, к 20 годам каждая шестая из них хотя бы раз проходит через это. Так дело обстоит в Москве, вообще же до 70—80 процентов всех первых беременностей у горожанок и до 90 процентов у сельских девушек завершаются внебольничными абортами.

Воспоминание второе, тоже из студенческой практики. Курс судебной медицины. В течение недели — несколько трупов младенцев. Дело было зимой, и всех их подобрали где-нибудь в парке в Сокольниках или Измайлове. Вот так, вышла мама погулять с ребенком, а вернулась одна...

Проблема планирования семьи — именно так по-научному обозначается то, что в обыденном сознании связывается лишь с абортами и поисками спирали нужного номера. А иногда и с отказами от детей, детоубийством, вторичным послеабортным бесплодием, страхом не вовремя забеременеть, внебрачными рождениями детей и многим другим.

А теперь посмотрим, как понимает планирование семьи Всемирная организация здравоохранения. Это деятельность отдельных личностей и семей, направленная на рождение только желаемого числа детей и только в удобное для родителей время. Короче говоря, речь идет об ответственном и планируемом семьей (и только ею самой!) родительстве. Естественно, такое планирование семьи подразумевает и предупреждение рождения нежеланных в данный момент детей.

Право родителей свободно и ответственно решать вопрос о времени рождения и о числе детей в семье специально оговорено статьей 16 Заявления Международной конференции по правам человека, подписанного в 1968 году в Тегеране и Советским Союзом. Для обеспечения этого права мы обязались предоставлять населению достоверную информацию, противозачаточные средства и медицинскую помощь по планированию семьи. Прошло 20 лет... Обещанные достоверная информация, противозачаточные средства, медицинская помощь, по существу, сводятся лишь к производству абортов. Впрочем, нет, не только к этому — еще к планомерному, последовательному запугиванию женщин абортом, пропаганде вреда аборта.

Только чего запугивать-то! Наши женщины уже и так боятся. Но где же альтернатива? Часто ли нашим женщинам даже в популярных статьях и брошюрах, не говоря уже о реальной жизни с ее реальными аптеками, неосведомленными участковыми врачами, неумелыми партнерами, предлагается достойная альтернатива безусловно вредному аборту? Существует ли у наших женщин реальная возможность выбора между безусловно вредным абортом и менее вредными противозачаточными средствами?

Вот цифры. Ежегодно во всем мире, по оценкам Всемирной организации

здравоохранения, производится около 30 миллионов абортов, из них почти 8 миллионов — в СССР. Получается, что каждый четвертый аборт в мире — наш, советский, хотя доля населения СССР составляет лишь 5—6 процентов от мирового.

В СССР — самый высокий в мире уровень распространенности абортов. В 2—4 раза выше, чем в европейских социалистических странах, и в 6—10 раз — чем в экономически развитых капиталистических странах. Однако постараемся быть точными: на самом деле абортов у нас куда как больше — за счет внебольничных. Криминальными их называть нелепо, ведь правильно было сказано на дебатах в парламенте ГДР по поводу отмены запрета на аборты: «Закон, который делает ежегодно почти 900 тысяч женщин преступницами,— не закон». Так вот, по умеренным оценкам специалистов, доля внебольничных абортов составляет 50 процентов от числа зарегистрированных, а по максимальным оценкам 80—100 процентов. Так что если учитывать внебольничные аборты, то ежегодно не каждая десятая, а каждая пятая наша женщина детородного возраста делает по аборту!

Но и это еще не совсем правдивая и точная картина: сопоставить цифры «наших» и «их» абортов по крайней мере некорректно. В одном случае это преимущественно наиболее щадящие женщину мини-аборты с обязательным обезболиванием. Отечественный вариант другой — это широко внедренное выскабливание или же до сих пор внедряемое отсасывание с последующим все тем же выскабливанием, но совсем не обязательно с обезболиванием. Обезболивающих препаратов хватает далеко не всем...

Как же это все так вышло? Началась эта история еще в 1936 году, когда одновременно с принятием закона о запрете абортов была практически свернута вся научная и практическая работа по распространению в стране противозачаточных средств. Историко-социальный контекст этого решения был интересен и весьма показателен. Государство остро нуждалось в трудовых и солдатских ресурсах, а рождаемость стала ощутимо падать... Выход был найден, он лежал «на поверхности»: одновременно запретить аборты и, фактически, противозачаточные средства. Между прочим, в 20-е годы наша страна занимала передовые позиции в мире в области планирования семьи.

Если аборты и разрешили вновь в 1956 году, то противозачаточные средства в своих законных правах так и не были восстановлены, хотя, строго говоря, их никто и не запрещал.

Как можно охарактеризовать противозачаточные средства, которыми мы сегодня пользуемся? Малоэффективные, малодоступные и вредные для здоровья партнеров — такие методы и средства использует 80 процентов населения. Кстати, по этим параметрам они мало чем отличаются от тех, которые существовали и использовались в 30-е годы, даже и называются они традиционными. Так вот, как показывают данные специальных исследований, доля случайных беременностей в крупнейших городах составляет 50 процентов от числа всех беременностей. Среди же женщин, применяющих традиционную контрацепцию, а их большинство, доля нежелательных беременностей достигает 80 процентов!

Естественно, что столь «эффективные» контрацептивы быстро разочаровывают. И вот результат — каждая четвертая женщина в Москве предпочитает эпизодические абортные хлопоты страху не вовремя забеременеть и неудобствам, связанным с применением традиционных противозачаточных методов и средств.

А где же современные эффективные противозачаточные средства?

Если принять уровень потребности населения РСФСР за 100 процентов, то в 1980 году эта потребность была удовлетворена всего на 25 процентов. Это означает, что три из четырех женщин ушли из аптек с осознанием трудностей жизни, но без товара. Если же быть более точным и не оперировать огульными средними, то смогли бы приобрести мужские презервативы лишь 20 процентов покупательниц, пасты и другие химические средства — всего 2 процента (здесь нет ошибки — две женщины из ста!), спирали — 50 процентов, таблетки — 20 процентов покупательниц. Но это в среднем, а на самом деле 25-процентный уровень обеспеченности населения РСФСР складывается из 75-процентного уровня в Москве и 5-процентного уровня в Красноярском крае. Поистине российский размах, но с оговоркой: то пусто, то... все равно не густо!

А вот еще более впечатляющие данные. Если произвести расчет проданных в 1980—1982 годах противозачаточных средств на 100 женщин детородного возраста, то мы получим наглядную и выразительную иллюстрацию к реалиям жизни наших женщин. В среднем по РСФСР эти наши 100 покупательниц приобрели 5 упаковок таблеток, 3 спирали, а их партнеры имели возможность использовать 450 презервативов. Прикинем: этих пяти упаковок как раз хватило бы одной женщине на полгода, спиралей хватило бы и на два года, но лишь трем счастливым обладательницам. Что же касается презервативов, то по нестрогим, но, безусловно, научным и проверенным данным — как раз на год 3—4 партнерам. Итого, мы сумели удовлетворить потребность где-то 10 женщин, а что, спрашивается, делать остальным 90 покупательницам? Выход известен — аборты, добрачные и внебрачные рождения детей, отказы от детей, нежеланные и нелюбимые дети, детоубийство и многое другое, неизвестное Минздраву, но зато хорошо известное министерствам внутренних дел и социального обеспечения.

Так мы подходим к выводу, что аборт является в нашей стране основным методом планирования семьи, и в этом смысле наша страна является уникальной даже в мировом масштабе. А утверждение об альтернативности аборта и противозачаточных средств является очень высокой научной абстракцией, имеющей малое отношение к реальной жизни наших женщин.

Однако, к счастью, эта проблема во всем своем драматическом великолепии редко осознается нашими акушерами-гинекологами. К счастью — потому, что врачи не всегда могут преодолеть искушение одним взмахом приказа разрубить этот узел проблем. Так было с запретом абортов.

Так может произойти и сейчас — обратимся к статье «...Обязуюсь прав не предъявлять» («Советская Россия», 9 декабря 1986 г.). Обеспокоенная проблемой отказов от детей общественность обращается за разъяснениями в Минздрав РСФСР. «...Проблема «отказных» — не только нравственная, но и медицинская»,— объясняют им. «Мы много говорим об этом, но разговоры так и остаются разговорами»,— сетовала замминистра по детству А. Г. Грачева. Спору нет, одними разговорами делу не поможешь, но за что же ратуют врачи? «Мы обратились в Министерство юстиции республики с ходатайством включить в план разработки законодательных актов проект Указа Президиума Верховного Совета РСФСР об обязательном обследовании вступающих в брак мужчин и женщин, медико-генетическое консультирование, обязательное предупреждение беременности медицинскими средствами у женщин-алкоголичек и наркоманок».

Вот так. Хотя впечатление у корреспондента и «двоякое», но «важность проблемы всем понятна», поэтому «приступать к ее решению надо безотлагательно», но вот «практических дел пока мало», а поэтому «давайте наконец от пожеланий перейдем к делу».

Перейти к практическим делам, безусловно, давно пора. Но вот к каким делам? Надеюсь, предлагалась не возведенная в ранг закона принудительная стерилизация? Не евгеника в государственных масштабах?

Очень хочется знать, отдают ли ответственные работники Минздрава себе отчет в том, что существуют исторические прецеденты подобного решения подобных проблем и насколько они опасны. Ведь под такими законами будет погребено то, что В. И. Ленин назвал «азбучными демократическими правами гражданина и гражданки» и призывал к их охране.

Каков же выход? Только организация службы планирования семьи под демократическим общественным контролем в лице Советской Ассоциации планирования семьи. Только профилактика нежелательных беременностей, абортов на основе широкого распространения современных высокоэффективных противозачаточных средств.

Но вот тут-то и загвоздка. Все ли заинтересованы в такой профилактике? Может, это прозвучит не совсем тактично, но не стоит забывать о том, что для многих акушеров-гинекологов производство абортов традиционно составляет стабильный и существенный вид приработка. И разговорами об этике и деонтологии советского врача в этом деле не поможешь... Платят-то по 50—100 рублей наши женщины не за профилактику, тем более первичную, не за свое здоровье и, тем более, не за здоровье населения. В этом случае женщины платят акушерам-гинекологам за те манипуляции, которые неизбежны в той ситуации, которая ими же, акушерами-гинекологами, была сформирована и поддерживается сегодня. А посетовать при этом на трудности жизни, на неразумность населения, на то, что «мы старались»,— почему бы и нет?

Акушеры-гинекологи действительно старались и стараются по сей день. Редкий год обходится без коллегии и очередного приказа Минздрава по дальнейшей и неуклонной борьбе с абортами...

Конечно, нет, не все врачи зарабатывают на абортах. Большинство врачей не меньше нас с вами негодуют, переживают по поводу создавшейся ситуации. И все же есть собственный цеховой, ведомственный интерес Минздрава. Дело в том, что, по известным специалистам оценкам, почти половина наших акушеров-гинекологов занята только производством абортов. Почти половина от 60-тысячной армии советских акушеров-гинекологов, самой многочисленной, кстати, во всем мире. Более того, до трети всех акушерско-гинекологических коек занято только под аборты (и это при нехватке абортных коек!), а на долю обратившихся в женские консультации по поводу абортов приходится до 50 процентов всех посещений! Представьте сами: на одного участкового гинеколога в среднем приходится по 2—3 аборта в день! Еще факт: поскольку затраты на производство одного аборта составляют почти 100 рублей, то годовой объем расходов на аборты в масштабах СССР можно оценить почти в 1 миллиард рублей. Справка для неспециалистов: эта сумма составляет двадцатую часть всего годового бюджета здравоохранения СССР! Вот так: каждый двадцатый медицинский рубль мы тратим на аборты. Хватит примеров?

Теперь становится понятным, почему, скажем, по уровню младенческой смертности мы находимся на 50-м месте в мире, почему уровень смертности наших младенцев не только в 3—4 раза превышает среднеевропейский, но и уровень всех экономически развитых стран мира. Все оказывается очень просто. Некогда нашим акушерам-гинекологам заниматься другими проблемами, да и денег у них особых после абортов не остается.

Именно поэтому не будет преувеличением утверждение того, что акушерско-гинекологическая служба Минздрава в настоящее время представляет собой хорошо отлаженную и масштабную систему по производству абортов и последующей борьбе с их осложнениями. И дело отнюдь не в злоупотреблениях служебным положением со стороны отдельных врачей. Нет, оно куда как серьезнее: речь идет о сложившейся системе оказания медицинской помощи населению.

Не нова идея создания специальной хозрасчетной службы планирования семьи, которая взяла бы на себя решение всего комплекса проблем: от информирования населения о возможностях и преимуществах современных противозачаточных средств до, скажем, вставления спиралей и назначения таблеток. Но до сих пор Минздрав блокировал решение этого вопроса, ведь речь-то идет, по существу, об альтернативной и более эффективной системе оказания медицинской помощи населению. Куда же, спрашивается, Минздраву прикажете потом девать всю свою армию специалистов?

Но это неизбежно — создание специализированной единой самофинансируемой службы планирования семьи. Одновременно необходимо создать Советскую Ассоциацию планирования семьи, которая явилась бы формой демократического общественного контроля за деятельностью этой службы семьи, предупредила бы ее перевоплощение в традиционную минздравовскую систему по производству абортов. Такие ассоциации и службы планирования семьи, кстати, существуют во всех странах мира, претендующих на некоторую цивилизованность.

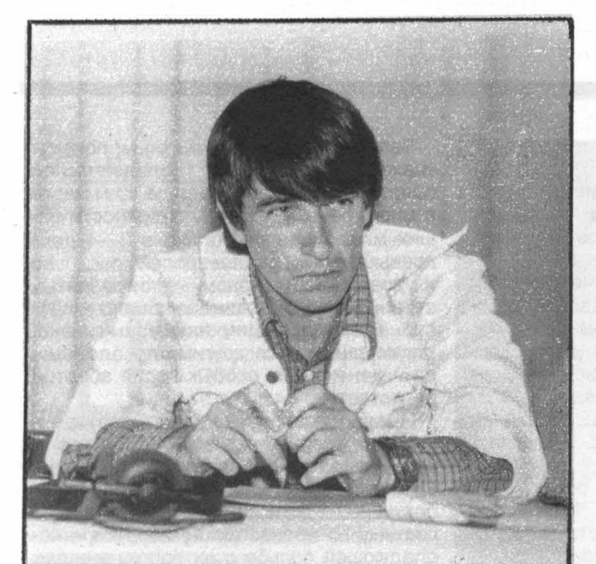
Конечно, в рамках этой службы будут производиться и аборты. Только, будучи организованной по принципу научно-производственного хозрасчетного объединения, такая служба будет производить их за свой счет, а не за счет государственного бюджета. Если же это будет отражаться на зарплате врачей, то такая служба окажется единственной в системе Минздрава, реально заинтересованной в профилактике абортов.

Фактически у нас есть все: ресурсы, кадры, деньги, организационные структуры, даже готовые детальные проекты службы, даже устав Ассоциации. Надо нам «только» переориентировать акушерско-гинекологическую службу Минздрава с производства абортов на их профилактику. Но в этом «только» и заключается вся проблема.

Впереди много работы. Медицинские журналы публикуют передовые статьи о перестройке в здравоохранении. Очень хотелось бы, чтобы за словами последовало дело и населению была предоставлена реальная возможность не только производить аборты, но и использовать в практике планирования семьи современные противозачаточные средства, информацию, квалифицированную медицинскую помощь.

Только тогда можно будет говорить о сознательном родительстве, только тогда смогут уйти в прошлое беременные подростки, бесплодные после абортов женщины и брошенные на произвол судьбы дети.

Андрей ПОПОВ,
кандидат медицинских наук.

Саша СОКОЛОВ

Несколько лет назад группа ленинградских писателей, или, если угодно, читателей, присудила Саше Соколову литературную премию имени Андрея Белого. Эта призрачная, нигде и никем не зарегистрированная премия грустно и чудесно соответствует призрачному статусу русского писателя Саши Соколова.

Ни одной строчки из трех его романов в нашей стране не издано. Между тем книги Соколова читают по всей стране — переписанные от руки, перепечатанные, переснятые или — кто смел, тот и съел — ксерокопированные. Над ними плачут и смеются, ими восхищаются, их изучают, им подражают или, как сделали ленинградцы, награждают их премиями, между тем ни одного слова, ни худого, ни доброго, в нашей критике о них не найти. Фразы и строчки стихов из романов давно разобраны любителями «игры в бисер» на цитаты; подросло поколение, для которого эти цитаты ближе, милее и больше говорят сердцу, чем для когдатошнего грибоедовские, но самого писателя никто из нас никогда не видел.

Дело в том, что Соколов уехал из нашей страны.

Саша Соколов родился в Канаде в семье советского дипломата в 1943 году. Он окончил факультет журналистики МГУ, а до того и после где только не работал: был и токарем-расточником, и истопником, и служителем в морге, и егерем. В 1975 году Соколов женился на иностранке и эмигрировал, год жил в Австрии, работая, как он сам рассказывает, дровосеком, а потом переехал в Канаду и сейчас живет то в Канаде, то в США, в штате Вермонт, где зимой подрабатывает в качестве лыжного инструктора, а главным образом пишет свои романы.

«Иногда кажется, что это большое несчастье — эмиграция. Утром проснешься, думаешь: «Боже мой, чем я тут занимаюсь? почему я все это пишу?..» — говорил Саша Соколов, выступая в 1981 году на писательской конференции в Лос-Анджелесе.

«...Когда, оздоровленный новейшим опытом, я живописую кому-нибудь, что значит в стране моего языка быть писателем или хотя бы слыть им, я думаю: баснословен. А когда, вояжируя из Канады в Америку, меня на таможне спрашивают: занятие? и я отвечаю: писатель,— меня немедленно начинают обыскивать. Потом прибывает проникновенный гражданин в штатском, и у нас заходит душещипательная беседа на предмет сердечной привязанности. В Канаде, говоришь, родился? А пишешь, говоришь, на русском? А сердце, говоришь, где?»

Его русский язык гибок и богат на удивление, он словно бы открыл в нем такие закоулки, оттер от пыли такие оттенки и отливы, которых мы не

ШКОЛА ДЛЯ Д

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

Павел Петрович стоял посреди платформы, станционные часы показывали два часа пятнадцать минут, на нем была его обычная светлая шляпа, вся в небольших дырочках, будто изъеденная молью или многократно пробитая ревизорским компостером, а на самом деле дырочки были пробиты на фабрике, чтобы у покупателя, а в данном случае у Павла Петровича, в жаркие времена года не потела голова. А кроме того, думали на фабрике, темные дырочки на светлом фоне — это все-таки что-нибудь да значит, чего-нибудь да стоит, это лучше, чем ничего, то есть лучше с дырочками, чем без них, решили на фабрике. Хорошо, но что еще носил наш учитель в то лето, да и вообще в лучшие месяцы тех незабываемых лет, когда мы жили с ним на одной станции, причем его дача находилась в поселке за рекой, а наша — в одном из тех поселков, которые были на том же берегу, что и станция? Довольно трудно ответить на этот вопрос, я не припомню в точности, что носил Павел Петрович. Проще сказать, чего он не носил. Норвегов никогда не носил обуви. Во всяком случае, летом. И в тот жаркий день на платформе, на старой деревянной платформе, он легко мог бы занозить себе ногу или сразу обе. Да, это могло произойти с каждым, но только не с нашим учителем, понимаешь, он был такой небольшой, хрупкий, и когда ты видел его бегущим по дачной тропинке или по школьному коридору, тебе казалось, будто его босые ноги совсем не касаются земли, пола, а когда он стоял в тот день посреди деревянной платформы, казалось, он не стоит вовсе, но как бы висит над ней, над ее щербатыми досками, над всеми ее окурками, отгоревшими спичками, тщательно обсосанными палочками от эскимо, использованными билетами и высохшими, а потому невидимыми плевками разных достоинств. Позволь мне перебить тебя, возможно, я что-то не так понял. Разве Павел Петрович ходил босиком даже в школу? Нет, я, очевидно, оговорился, я хотел сказать, что он ходил босиком на даче, но, может быть, он не надевал обуви и в городе, когда шел на работу, а мы и не замечали. А может, и замечали, но это не слишком бросалось в глаза. Да, почему-то не слишком, в таких случаях многое зависит от самого человека, а не от тех, кто на него смотрит, да, я вспоминаю, не слишком. Но как бы там ни было в школьные сезоны, ты определенно знаешь, что уж летом-то Норвегов ходил без обуви. Вот именно. Как заметил однажды наш отец, лежа в гамаке с газетой в руках, на кой хрен сдалась Павлу обувь, да еще в такую жару! Это только мы, бедолаги казенные,— продолжал отец,— все никак отдохнуть ногам не даем; не сапоги, так галоши, не галоши, так сапоги — так и мучаешься весь век. Дождь на улице — суши, значит, ботинки, солнце — смотри, значит, чтоб не потрескались. А главное — всякий день с утра возишься с гуталином. А Павел — человек вольный, мечтательный, он и умирать-то на босу ногу станет. Бездельник он, твой Павел, сказал нам отец, потому и босяк. Все деньги небось на дачу извел, в долгах сплошь, а все туда же — рыбу ловить, на берегу прохлаждаться, тоже мне — дачник фиговый. У него и дом-то нашего сарая плоше, а он еще и флюгер на крышу поставил, подумать только — флюгер! Я его, дурака, спрашиваю: зачем, мол, флюгер-то, трещит только напрасно. А он мне оттуда, с крыши: да мало ли, гражданин прокурор, что случиться может, например, говорит, ветер дует-дует в одну сторону да и переменится вдруг. Вам-то, говорит, хорошо, вы, смотрю, все газеты читаете, там, конечно, про это пишут, про погоду то есть, а я, знаете, не выписываю ничего, так что для меня флюгер — вещь абсолютно необходимая. Вы-то, говорит, из газет сразу узнаете, если что не так, а я по флюгеру ориентироваться буду, куда уж точнее, точнее и быть не может, рассказывал наш отец, лежа в гамаке с газетой в руках. Потом отец вылез из гамака, пошагал — руки за спину — среди сосен, переполненных горячей смолой и земляными соками, сорвал на грядке и съел несколько клубник, посмотрел на небо, где в тот момент не оказалось ни облаков, ни самолетов, ни птиц, зевнул, помотал головой и сказал, имея в виду Норвегова: ну, пусть бога благодарит, что не я его директор, попрыгал бы он у меня, поизучал бы он у меня ветер кое-где, балбес малохольный, босяк, флюгер несчастный. Бедняга географ, наш отец не испытывал к нему ни малейшего уважения, вот что значит не носить обуви. Правда, к тому времени, когда мы встретились с Норвеговым на платформе, ему, Павлу Петровичу, было, по всей видимости, уже безразлично, уважает его наш отец или не уважает, поскольку к тому времени его, нашего наставника, не существовало, он умер весной такого-то, то есть за два с лишним года до нашей с ним встречи на этой самой платформе. Вот я и говорю, у нас что-то не так со временем, давай разберемся. Он долго болел, у него была тяжелая продолжительная болезнь, и он прекрасно знал, что скоро умрет, но не подавал виду. Он оставался самым веселым, а точнее — единственным веселым человеком в школе и без конца шутил. Он говорил, что ощущает себя настолько худым, что боится, как бы его не унес какой-нибудь случайный ветер. Врачи, смеялся Норвегов, запретили мне подходить к ветряным мельницам ближе чем на километр, но запретный плод сладок: меня ужасно к ним тянет, они совсем рядом с моим домом, на полынных холмах, и когда-нибудь я не выдержу. В дачном поселке, где я живу, меня называют ветрогоном и флюгером, но скажите, разве так уж плохо слыть ветрогоном, особенно если ты — географ. Географ даже обязан быть ветрогоном, это его специальность,— как вы считаете, мои молодые друзья? Не поддаваться унынию,— задорно кричал он, размахивая руками, не так ли, жить на полной велосипедной скорости, загорать и купаться, ловить бабочек и стрекоз, самых разноцветных, особенно тех великолепных траурниц и желтушек, каких так много у меня на даче! Что же еще,— спрашивал учитель, похлопывая себя по карманам, чтобы найти спички, папиросы и закурить,— что же еще? Знайте, други, на свете счастья нет, ничего подобного, ничего похожего, но зато — господи! — есть же в конце концов покой и воля. Современный географ, как, впрочем, и монтер, и водопроводчик, и генерал, живет всего однажды. Так живите по ветру, молодежь, побольше комплиментов дамам, больше музыки, улыбок, лодочных прогулок, домов отдыха, рыцарских турниров, дуэлей, шахматных матчей, дыхательных упражнений и прочей чепухи. А если вас когда-нибудь назовут ветрогоном,— говорил Норвегов, гремя на всю школу найденным коробком спичек,— не обижайтесь: это не так уж плохо. Ибо чего убоюсь перед лицом вечности, если сегодня ветер шевелит мои волосы, освежает лицо, задувает за ворот рубашки, продувает карманы и рвет пуговицы пиджака, а завтра ломает ненужные ветхие постройки, вырывает с корнем дубы, возмущает и вздувает водоемы и разносит семена моего сада по всему свету, убоюсь ли чего я, географ Павел Норвегов, честный загорелый человек из пятой пригородной зоны, скромный, но знающий дело педагог, чья худая, но все еще царственная рука с утра до вечера вращает пустопорожнюю планету, сотворенную из обманного папье-маше! Дайте мне время — я докажу вам, кто из нас прав, я когда-нибудь так крутану ваш скрипучий ленивый эллипсоид, что реки ваши потекут вспять, вы забудете ваши фальшивые книжки и газетенки, вас будет тошнить от собственных голосов, фамилий и званий, вы разучитесь читать и писать, вам захочется лепетать, подобно августовской осинке. Гневный сквозняк сдует названия ваших улиц и закоулков и надоевшие вывески, вам захочется правды. Завшивевшее тараканье племя! Безмозглое панургово стадо, обделанное мухами и клопами! Великой правды захочется вам. И тогда приду я. Я приду и приведу с собой убиенных и униженных вами и скажу: вот вам ваша правда и возмездие вам. И от ужаса и печали в лед обратится ваш рабский гной, текущий у вас в жилах вместо крови. Бойтесь Насылающего Ветер, господа городов и дач, страшитесь бризов и сквозняков, они порождают ураганы и смерчи. Это говорю вам я, географ пятой пригородной зоны, человек, вращающий пустотелый картонный шар. И, говоря

замечали, обнаружил регистры, долгое время прозябавшие в запустении; распахнул и залы, и каморки, и подземные ходы смыслов; поразительна и архитектура его романов,— брошенное слово рождает эхо, долго звучащее на страницах; оно не угасает, подхватывается, к нему присоединяются другие, и, воссоединившись в гулком здании книги, все они звучат, как стройный, слитный, светлый и печальный хор.

Первый роман Саши Соколова — «Школа для дураков», отрывки из которого, с любезного разрешения издателей Элленде и Проффер, мы печатаем, вышел в 1976 году. «Школа для дураков» — обаятельная, трагическая и трогательнейшая книга» — так отозвался о нем незадолго до своей смерти Владимир Набоков, обычно весьма сдержанный на похвалы, чтобы не сказать большего. Для тех, кто с романом не знаком, необходимо хотя бы краткое, пусть и убогое, пояснение. У героя книги, ученика школы для умственно отсталых, раздвоение психики, он считает, что его (их?) — двое. В разговорах и спорах со своим неразрывным братом-двойником, сиречь с самим собой, а еще с автором, с учителем, с соседями, с родителями, с придуманными и непридуманными собеседниками, с нами, с миром, он перепутывает людей, пространство и время,— оно то течет вспять, то исчезает, то раздваивается и склеивается, но, перепутанный и перевернутый, душевный его мир предстает по-детски ясным, простым и правильным, «взрослый» же мир, «нормальный»,— лживым, лукавым, искаженным, жестоким. Традиционный мотив «идиота», юродивого, вечного дитяти, природного человека, не принимающего реальности, если она выстроена на фальши, крестообразно проходит через роман: таким же вечным учеником оказывается не только ненормальный умственно мальчик, но и его «ненормальный» социально, любимый и прекрасный учитель, босой географ Павел Петрович Норвегов.

Эта книга редкостной глубины, много говорящая человеческому сердцу, еще больше — не договаривающая, безумно смешная и странным образом завораживающая и печальная, а в общем, такая, что жалко ее закрыть, когда перевернута последняя страница.

Татьяна ТОЛСТАЯ

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

это, я беру в свидетели вечность,— не так ли, мои юные помощники, мои милые современники и коллеги,— не так ли?

(...) Я нередко стою в прихожей и рассматриваю всякие предметы на вешалке. Мне кажется, что они добрые и с ними уютно, и я совсем не боюсь их, когда в них никто не одет. Еще я думаю о контейнерах, из какого они дерева, сколько стоят и на каком поезде и по какой ветке их привезли в наш город.

Дорогой ученик такой-то, я, автор книги, довольно ясно представляю себе тот поезд — товарный и длинный. Его вагоны, по преимуществу коричневые, были исписаны мелом — буквы, цифры, слова, целые фразы. Видимо, на некоторых вагонах работники в специальных железнодорожных костюмах и фуражках с оловянными кокардами делали выкладки, заметки, расчеты. Предположим, поезд уже несколько суток стоит в тупике и еще неизвестно — никто не знает этого — когда он снова поедет, и никто не знает — куда. И вот в тупик приходит комиссия, смотрит на пломбы, бьет молотками по колесам, заглядывает в буксы, проверяя, нет ли трещин в металле и не подмешал ли кто песок в масло. Комиссия спорит, ругается, ей давно надоела ее однообразная работа, и она с удовольствием ушла бы на пенсию. А сколько же лет до пенсии? — размышляет комиссия. Она берет кусок мела и пишет на чем попало,

обычно на одном из вагонов: год рождения — такой-то, трудовой стаж — такой-то, значит, до пенсии столько-то. Потом на работу выходит следующая комиссия, она очень задолжала своим коллегам из первой комиссии, вот отчего вторая комиссия не спорит и не ругается, а старается делать все тихо и даже не пользуется молотками. Этой комиссии грустно, она тоже достает из кармана мел (здесь я должен в скобках заметить, что станция, где происходит действие, никогда, даже во времена мировых войн, не могла пожаловаться на нехватку мела. Ей, случалось, недоставало шпал, дрезин, спичек, молибденовой руды, стрелочников, гаечных ключей, шлангов, шлагбаумов, цветов для украшения откосов, красных транспарантов с необходимыми лозунгами в честь того или совершенно иного события, запасных тормозов, сифонов и поддувал, стали и шлаков, бухгалтерских отчетов, амбарных книг, пепла и алмаза, паровозных труб, скорости, патронов и марихуаны, рычагов и будильников, развлечений и дров, граммофонов и грузчиков, опытных письмоводителей, окрестных лесов, ритмичных расписаний, сонных мух, щей, каши, хлеба, воды. Но мела на этой станции всегда было столько, что, как указывалось в заявлении телеграфного агентства, понадобится составить столько-то составов такой-то грузоподъемностью каждый, чтобы вывезти со станции весь потенциальный мел. Вернее не со станции, а из меловых карьеров в районе станции. А сама станция называлась Мел, и река — туманная белая река с меловыми берегами — не могла называться иначе как Мел. Короче, все здесь, на станции и в поселке, было построено на этом мягком белом камне: люди работали в меловых карьерах и шахтах, получали меловые, перепачканные мелом рубли, из мела строили дома, улицы, устраивали меловые побелки, в школах детей учили писать мелом, мелом мыли руки, умывались, чистили кастрюли и зубы, и, наконец, умирая, завещали похоронить себя на поселковом кладбище, где вместо земли был мел и каждую могилу украшала меловая плита. Надо думать, поселок Мел был на редкость чистый, весь белый и прибранный, и над ним постоянно висели облака и тучи, беременные меловыми дождями, и когда они выпадали, поселок становился еще более и чище, то есть совсем белым, как свежая простыня в хорошей больнице. Что же касается больницы, то она и была тут хорошая и большая. В ней болели и умирали шахтеры, больные особой болезнью, которую в разговоре друг с другом называли меловой. Пыль мела попадала рабочим в легкие, проникала в кровь, и кровь становилась слабой и жидкой. Люди бледнели, лица светились в сумраке ночных смен бело и призрачно, в часы передач и свиданий светились в окнах больницы на фоне изумительно чистых занавесок, прощально светились на фоне предсмертных подушек, а потом лица светились только на фотографиях в семейных альбомах. Снимок наклеивался на отдельной странице, и кто-нибудь из домашних старательно обводил его черным карандашом. Рамка получалась неровной, но торжественной. Однако вернемся ко второй железнодорожной комиссии, которая достает из кармана мел, и — закроем скобки) и пишет на вагоне: Петрову — столько-то, Иванову — столько-то, Сидорову — столько-то, итого — столько-то меловых рублей. Комиссия идет дальше и на каких-то вагонах и платформах пишет слово проверено, а на других — проверить, ибо нельзя же проверить все сразу, есть же, в самом-то деле, и третья комиссия: пусть она и проверит оставшиеся вагоны. Но, кроме комиссии на станции, есть некомиссии, иначе говоря, люди, не являющиеся членами комиссий, они стоят вне этого, заняты на других работах или вообще не служат. Тем не менее они тоже не могут побороть в себе желание взять кусочек мела и что-нибудь написать на стенке вагона — деревянной и теплой от солнца. Вот идет солдат в пилотке, направляется к вагону: до дембеля два месяца. Появляется шахтер, белая рука выводит лаконичное гады. Двоечник пятого класса, кому, быть может, жить труднее, чем нам всем, вместе взятым: Марья Степанна — сука. Станционная рабочая в оранжевой безрукавке, которая обязана подвинчивать гайки и подметать виадуки, сбрасывая мусор вниз, на рельсы, умеет рисовать море. Она рисует на вагоне волнистую линию, и правда — получается море, а старик нищий, что не умеет ни петь, ни играть на гармони, а купить шарманку до сих пор не собрался, пишет два слова: вам спасибо. Какой-то парень, пьяный и кудлатый, узнавший стороной об измене подружки, в отчаянии: Валю любили трое. Наконец поезд выходит из тупика и движется по перегонам России. Он составлен из проверенных комиссиями вагонов, из чистых и бранных слов, кусочков чьих-то сердечных болей, памятных замет, деловых записок, бездельных графических упражнений, из смеха и клятв, из воплей и слез, из крови и мела, из белым по черному и коричневому, из страха смерти, из жалости к дальним и ближним, из нервотрепки, из добрых побуждений и розовых мечтаний, из хамства, нежности, тупости и холуйства. Поезд идет, на нем едут контейнеры Шейны Соломоновны Трахтенберг, и вся Россия, выходя на проветренные перроны, смотрит ему в глаза и читает начертанное — мимолетную книгу собственной жизни, книгу бестолковую, бездарную, скучную, созданную руками некомпетентных комиссий и жалких, оглупленных людей. Спустя сколько-то дней поезд прибывает в наш город, на товарную станцию. Сотрудники железнодорожной почты озабочены: им нужно сообщить Шейне Трахтенберг, что контейнеры с мебелью наконец-то получены. На дворе дождь, небо все в тучах. В специальной почтовой конторе у так называемой границы станции горит стосвечовая лампочка, она рассеивает полумрак и создает уют. В помещении конторы — несколько озабоченных конторщиков в голубой форме. Они озабоченно греют чай на электрической плитке и озабоченно пьют его. Пахнет бечевкой, сургучом, оберточной бумагой. Окно смотрит на ржавые запасные пути, меж шпал пробивается трава и растут какие-то мелкие, но прекрасные цветы. Глядеть на них из окна очень приятно. Форточка открыта, поэтому хорошо слышны некоторые характерные для узловой станции звуки: рожок сцепщика, лязг фаркопфов и буферов, шипение пневматических тормозов, команды диспетчера, а также разного рода гудки. Слышать все это тоже приятно, особенно если ты профессионал и можешь объяснить природу любого из звуков, его смысл и значение. А ведь конторщики почтовой железнодорожной конторы и есть профессионалы, у них за плечами масса путевых километров, все они в свое время служили начальниками почтовых вагонов или работали проводниками тех же вагонов, а кое-кто даже на международных линиях, и, как принято говорить, повидали свет и знают что к чему. И если явиться и спросить их начальника, так ли это...

Да, дорогой автор, именно так: прийти к нему домой, позвонить звучным велосипедным звонком у дверей — пусть он услышит и откроет. Кто там? Там-там, здесь живет Начальник такой-то? Здесь. Открывайте, пришли, чтобы спросить и получить правдивый ответ. Кто? Те Кто Пришли. Приходите завтра, сегодня уже поздно, мы с женой спим. Проснитесь, ибо наступила пора сказать правду. О ком, о чем? О ребятах вашей конторы. Почему ночью? Ночью все звуки слышнее: крик младенца, стон умирающего, полет Найтингейла, кашель трамвайного констриктора: проснитесь, откройте и отвечайте. Подождите, я надену пижаму. Надевайте, она вам очень к лицу, симпатичная клеточка, шили или покупали? Не помню, не знаю, следует поинтересоваться у жены, мама, пришли Те Кто Пришли, они хотели бы знать про пижаму, шили или покупали, а если да, то где и почем. Да шили нет покупали шел снег было холодно мы возвращались из кино и я подумала что вот у мужа и в эту зиму не будет теплой пижамы заглянула в универмаг а ты остался на улице купить бананов за ними очередь была и я не особенно торопилась посмотрела сначала ковры и записалась на полтора метра на метр семьдесят пять на через три года потому что фабрику закрыли на ремонт а потом в мужском нижнем белье увидела сразу эту пижаму и китайские кальсоны с сорочкой лохматые такие и все не решу что лучше вообще-то мне больше нравились кальсоны и недорогие и цвет хороший в них и спать можно и на работу поддеть и дома ходить но ведь мы с соседями живем значит в прихожую или на кухню уже не выйдешь а в пижаме все-таки и прилично и мило даже вот и выписала пижаму на улицу возвращаюсь а ты еще за бананами стоишь и говорю тебе дай мол деньги я пижаму выписала а ты говоришь да не надо зачем барахло наверно какое-нибудь нет говорю не барахло вовсе а очень приличная вещь импортная с деревянными пуговицами ступай сам погляди а впереди тебя какая-то дама пожилая в жакетке стояла с клипсами полная такая седоватая она обернулась и говорит вы идете идите не бойтесь я все время буду стоять если что так я скажу что вы тут были за мной а насчет пижамы говорит вы зря с супругой спорите я эту пижаму знаю очень стоящая покупка будет я на прошлой неделе всей семье такие купила отцу купила брату купила мужу купила а одну зятю в Гомель отправила он теперь на курсах там учится так что и не думайте даже покупайте и дело с концом потому что иной раз приспичит ищешь эту самую пижаму по всему городу а тебе говорят зайдите в конце месяца зайдите в конце месяца заходишь в конце месяца а тебе говорят вчера были продали так что и не думайте даже жене после спасибо скажете а очередь я подержу не бойтесь и ты говоришь тогда ну ладно пойдем посмотрим мы в универмаг заходим и я спрашиваю ну как нравится а ты плечами как-то так пожимаешь и отвечаешь не знаю черт его знает ничего вроде пижама только странная почему-то в клетку и брюки по-моему узковатые это ты говоришь а продавщица услышала молоденькая симпатичная и предлагает да вы говорит померяйте прикиньте кабина-то у нас для чего поставлена не для меня же я взяла пижаму она на плечиках на деревянных висела пошла за занавеску там три зеркала больших ты когда раздеваться стал то снежинки все то есть не снежинки уже а капельки они прямо все зеркала забрызгали я из-за занавески высунулась и кричу продавщице девушка у вас тряпочка есть какая-нибудь а она а для чего вам а я да зеркало протереть нужно а она а что забрызгали да немножко на улице же снег идет а у вас в магазине так тепло что растаяло все она тогда достала из-под прилавка фланельку желтенькую нате говорит и спрашивает потом ну что примерили а я говорю да нет еще примеряем пока я вам скажу когда все готово будет вы уж загляните тогда посоветуйте может брюки правда узковатые потом я смотрю а ты уже в пижаме весь и вертишься в разные стороны даже присел два раза чтобы в паху проверить ну как спрашиваю а ты да все вроде толком вот брюки узковатые разве немного да и клетка тревожная какая-то не наша еще бы говорю импортная же вещь и продавщицу зову посоветоваться у нее покупателей как раз полно она сейчас сейчас отзывается а сама не идет и не идет тогда ты говоришь я сам к ней пойду а я не пускаю ты что неудобно народ кругом а ты отвечаешь ну и что народ что они пижамы что ли не видели у них у самих у каждого по десять пар что страшного-то говоришь что мы сами не народ что ли и выходишь из кабины и девушку спрашиваешь как мол ничего сидит а она как на вас шили очень даже берите не пожалеете такого размера всего полтора комплекта осталось к вечеру ничего не будет берут очень тогда ты спрашиваешь мне кажется брюки немного узковатые а вам как кажется девушка отвечает а это фасон такой самый теперь модный куртка длинная и широковатая а брюки наоборот но если захотите так перешить же можно где расставить а вот тут например на куртке я бы наоборот в оборку взяла потому что куртка в талии действительно чуть широкая да вам жена сделает или в ателье снесите и меня спрашивает у вас машинка есть дома есть только неважная она раньше у меня зингеровская ножная была материна еще а когда дочь замуж выходила я ей подарила не жалею конечно но немного все же жалко но дочке тоже ведь необходимо у них теперь маленький растет ему то да се пошить иногда требуется пусть конечно шьет дочка на зингеровской а мы себе другую купили новая совсем электрическая но трудно на ней работать то ли она плохая то ли я не привыкла строчка на ней неровная выходит нитку рвет но уж лучше на ней чем в ателье нести в ателье же долго да и дорого так что дома подошьем разумеется а девушка говорит конечно подшейте дома вечер один посидеть и все зато хорошая получится не на один год хватит и тебя спрашивает а вам-то самому нравится ты улыбнулся даже застеснялся по-моему да нормальная пижама говоришь чего там тогда девушка тебе а вы на железной дороге небось работаете мы с тобой переглянулись откуда мол она догадалась и я вопрос ей задаю вы как узнали интересуюсь очень просто отвечает у вашего мужа фуражка на голове форменная с молотком и ключом разводным а у меня брат тоже на поездах пригородные линии обслуживает придет иногда вечером и все рассказывает про работу где какое крушение произошло где что интересно я даже завидую ему каждый день что-то новое а здесь одно и то же деться некуда брать-то будете говорит я тогда прошу ее вы пижаму пожалуйста заверните нам а я сейчас выбью пойду а она да вы сначала выбейте я и заверну сразу я пошла выбила в кассе очередь была а ты пижаму снял в кабине и смотрю несешь уже ей на плечиках она стала заворачивать ленточкой даже перевязала неправда мама неправда я все вспомнил это была бечевка я еще подумал как у нас на работе мы пакуем бандероли и перевязываем посылки у нас ее целые мотки и катушки всегда есть никогда не кончается сколько угодно хорошей бечевки это была бечевка там в магазине там у девушки там там работаем с превышением графика не беспокойтесь заходите заглядывайте проверяйте звоните велосипедным звонком в любое время посмотрим бечевку почитаем японских поэтов Николаев Семен знает их наизусть и вообще умница много читает.

Горит стосвечовая лампочка, пахнет сургучом, веревкой, бумагой. За окном — ржавые рельсы, мелкие цветы, дождь и звуки узловой станции. Действующие лица. Начальник Такой-то — человек с видами на повышение. Семен Николаев — человек с умным видом. Федор Муромцев — человек обычного вида. Эти, а также Остальные Железнодорожники сидят за общим столом и пьют чай с баранками. Те Кто Пришли стоят в дверях. Говорит Начальник Такой-то: Николаев, пришли Те Кто Пришли, они желали бы послушать стихи или прозу японских классиков. С. Николаев, открывая книгу: у меня с собой совершенно случайно Ясунари Кавабата, он пишет: «Неужели здесь такие холода? Очень уж вы все закутаны. Да, господин. Мы все уже в зимнем. Особенно морозно по вечерам, когда после снегопада наступит ясная погода. Сейчас, должно быть, ниже нуля. Уже ниже нуля? Н-да, холодно. До чего ни дотронешься,

все холодное. В прошлом году тоже стояли большие холода. До двадцати с чем-то градусов ниже нуля доходило. А снегу много? В среднем снежный покров — семь-восемь сяку, а при сильных снегопадах более одного дзе. Теперь, наверное, начнет сыпать. Да, сейчас самое время снегопадов, ждем. Вообще-то снег выпал недавно, покрыл землю, а потом подтаял, опустился чуть ли не на сяку. Разве сейчас тает? Да, но теперь только и жди снегопадов». Ф. Муромцев: вот так история, Семен Данилович, вот так рассказец. С. Николаев: это не рассказец, Федор, это отрывок из романа. Начальник Такой-то: Николаев, Те Кто Пришли хотели бы еще. С. Николаев: пожалуйста, вот наугад: «Девушка сидела и била в барабан. Я видел ее спину. Казалось, она совсем близко — в соседней комнате. Мое сердце забилось в такт барабану. Как барабан оживляет застолье! — сказала сорокалетняя, тоже смотревшая на танцовщицу». Ф. Муромцев: подумать только, а? С. Николаев: я прочту еще, это стихи одного японского поэта, это дзенский поэт Доген. Ф. Муромцев: дзенский? понятно, Семен Данилович, но вы не называли даты его рождения и смерти, назовите, если не секрет. С. Николаев: извините, я сейчас вспомню, вот они: 1200—1253. Начальник Такой-то: всего пятьдесят три года? С. Николаев: но каких! Ф. Муромцев: каких? С. Николаев, вставая с табуретки: «Цветы весной, кукушка летом. И осенью — луна. Холодный чистый снег зимой». (Садится). Все. Ф. Муромцев: Все? С. Николаев: все. Ф. Муромцев: почему-то немного, Семен Данилович, а? Маловато. Может, там еще что-то есть, возможно, оборвано? С. Николаев: нет, все, это такая специальная форма стихотворения, есть стихи длинные, поэмы, например, есть короче, а есть совсем короткие, в несколько строк, или даже в одну. Ф. Муромцев: а почему, зачем? С. Николаев: да как тебе сказать,— лаконизм. Ф. Муромцев: вот оно что, значит, я так понимаю, если сравнительно брать: идут по дистанции составы — идут или не идут? С. Николаев: ну, идут. Ф. Муромцев: а ведь они тоже разные. Есть такие длинные, что конца не дождешься, чтобы полотно перейти, а есть короткие (загибает пальцы на руке), раз, два, три, четыре, пять, да, пять, скажем, вагонов или платформ — годится? Тоже, стало быть, лаконизм? С. Николаев: в общем-то, да. Ф. Муромцев: ну вот, разобрались. Как вы говорите: холодный чистый снег зимой? С. Николаев: зимой. Ф. Муромцев: это уж точно, Цунео Данилович, у нас зимой всегда снегу хватает, в январе не меньше девяти сяку, а в конце сезона на два дзе тянет. С. Николаев: два не два, а полтора-то уж точно будет. Ф. Муромцев: чего там полтора, Цунео-сан, когда два сплошь да рядом. Ц. Накамура: это как сказать, смотря где, если у насыпи с наветренной стороны, то конечно. А в полях гораздо меньше, полтора. Ф. Муромцев: ну, полтора так полтора, Цунео-сан, зачем спорить. Ц. Накамура: смотрика, дождь все не кончается. Ф. Муромцев: да, дождит, неважная погода. Ц. Накамура: вся станция мокрая, одни лужи кругом, и когда только высохнет. Ф. Муромацу: в такую слякоть без зонтика лучше и не появляйся на улицу — насквозь промочит. Ц. Накамура: в прошлом году в это время была точно такая погода, у меня в доме протекла крыша, промокли все татами, и я никак не мог повесить их во дворе посушить. Ф. Муромацу: беда, Цунео-сан, такой дождь никому не идет на пользу, он только мешает. Правда, говорят, что это очень хорошо для риса, но человеку, особенно городскому, такой дождь приносит одни неприятности. Ц. Накамура: мой сосед из-за этого дождя уже неделю не встает, болеет, кашляет. Врач сказал, что если будет лить еще какое-то время, то соседа придется отправить в больницу, иначе он никогда не выздоровеет. Ф. Муромацу: для больного нет ничего хуже дождя, воздух становится влажным, и болезнь усиливается. Ц. Накамура: сегодня утром жена хотела пойти в лавку босиком, но я попросил ее надеть гета, ведь здоровье не купишь ни на какие деньги, а заболеть проще всего. Ф. Муромацу: правильно, господин, дождь холодный, без обуви и думать нельзя выходить, в эти дни нам всем следует поберечь себя. Ц. Накамура: немного саке не повредило бы нам, как ты думаешь? Ф. Муромацу: да, только совсем немного, одна-две порции, это оживило бы застолье не хуже барабана. Начальник Такой-то: Те Кто Пришли интересуются судьбой некоторых контейнеров. С. Николаев: каких именно? Начальник Такой-то: Шейны Трахтенберг. Ф. Муромцев: пришли, мы озабочены, нужно писать открытку, они стоят под открытым небом, дождь, они промокнут насквозь, ну-ка, нужно писать, вот бланк, вот адрес. Семен Данилович, пишите.

Уважаемая Шейна Соломоновна,— читал я, стоя в прихожей, которая казалась в то время почти огромной, потому что контейнеров еще не было,— уважаемая Шейна Соломоновна, мы, сотрудники почтовой железнодорожной конторы, имеем сообщить вам, что над всем нашим городом, а также над его окрестными местами, наблюдается затяжной предосенний дождь. Везде мокро, проселочные дороги развезло, листья деревьев пропитались влагой и пожелтели, а колеса паровозов, вагонов, дрезин сильно поржавели. В такие дни всем трудно, особенно нам, людям железной дороги. И все-таки мы решили не сбиваться с хорошего рабочего ритма, план свой выполняем, стараемся строго придерживаться обычного графика. И результаты налицо: несмотря на то, что глубина некоторых луж у нас на станции достигла двух-трех сяку, мы отправили за последнее время не меньше писем и бандеролей, чем это было сделано за тот же период прошлого года. В заключение спешим уведомить Вас, что на станцию прибыли два контейнера на Ваше имя, и просим в срочном порядке организовать их отгрузку со двора нашей конторы. С уважением. Зачем ты рассказал мне об этом, я не хотел бы думать, что ты способен читать чужие письма, ты огорчил меня, скажи мне правду, может быть, ты придумал этот случай, я же знаю — ты любишь сочинять разные истории, в разговорах с тобой я тоже многое выдумываю. Там, в больнице, Заузе ужасно смеялся над нами, что мы такие фантазеры. Больной такой-то, смеялся он, честно говоря, я не встречал человека здоровее вас, но ваша беда вот в чем: вы невероятный фантазер. И тогда мы отвечали ему: в таком случае вы не можете столь долго держать нас, мы требуем скорейшей выписки из вверенного вам здесь. Тут он сразу становился серьезным и спрашивал: ну хорошо, предположим, я завтра вас выпишу, но что вы собираетесь делать, чем будете заниматься, пойдете работать или вернетесь в школу? А мы отвечали: в школу? о нет, мы поедем за город, ибо у нас есть дача, вернее, не столько у нас, сколько у наших родителей, там немыслимо великолепно, час двадцать, ожидание ветра, песок и вереск, река и лодка, весна и лето, чтение в травах, легкий завтрак, кегли и оглушительно много птиц. Потом — осень, весь поселок в дымке, но — не подумайте — не туман и не дым, а прекрасная летучая паутина. Утром — роса на страницах оставленной в саду книги, прогулка за керосином на станцию. Но, доктор, мы даем вам честное слово, что не будем пить пиво в зеленом ларьке у пруда, где плотина. Нет, доктор, мы не любим пиво. Знаете, мы подумали и о вас, вы, наверное, тоже смогли бы убыть туда на несколько дней. Мы договоримся с отцом, и он не откажет. Вот, вы приедете на семичасовом, а мы встретим вас на специальном велосипеде с коляской. Понимаете, старый велосипед, а сбоку — коляска от небольшого мотоцикла. Но вероятно, что коляски не будет: еще не известно, как достать такую коляску. Но велосипед есть. Он стоит в сарае, там же находится бочка с керосином и две пустые, мы иногда кричим в них. Там есть и доски, есть разные садовые инструментарии и бабушкино кресло, то есть нет, простите, не так, отец всегда просил нас говорить наоборот: кресло бабушки. Так почтительнее, объяснял он. Однажды он сидел в этом самом кресле, а мы сидели рядом, на траве, и читали разные книги, да, доктор, вы же в курсе, нам трудно читать долго одну книгу, мы читаем сначала одну страницу одной книги, а потом одну страницу другой. Затем можно взять третью книгу и тоже прочитать одну страницу, а уже потом снова вернуться к первой книге. Так легче, меньше устаешь. И вот мы сидели на траве с разными книгами, и в одной какой-то книге было кое-что написано, мы сначала не поняли ничего, о чем это, потому что древняя довольно книга, сейчас таким языком никто не пишет, и мы сказали: папа, объясни нам, пожалуйста, мы не понимаем, что здесь написано. И тогда отец оторвался от газеты и спросил: ну, что там у тебя, снова ерунда какая-нибудь? И вот мы прочитали вслух: выпросил у Бога светлую Русь сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, диавол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать. Мы почему-то запомнили эти слова, у нас память вообще-то плохая, вы знаете, но если что-нибудь понравится, то сразу запоминаем. А отцу не понравилось. Он вскочил с кресла, выхватил у нас ту книгу и закричал: откуда, откуда, черт бы тебя взял, что за галиматья дурацкая! А мы отвечали: вчера мы ездили на ту сторону, там живет наш учитель, и он поинтересовался, чем мы заняты и что читаем. Мы сказали, что ты дал нам несколько томов такого-то современного классика. Учитель засмеялся и побежал к реке. Потом вернулся, и с его больших веснушчатых ушей капала вода. Павел Петрович сказал нам: дорогой коллега, как славно, что имя, произнесенное вами не далее как минуту назад, растворилось, рассеялось в воздухе, будто дорожная пыль, и звуки эти не слышит тот, кого мы называем Насылающим, как хорошо, дорогой коллега, не так ли, иначе, что было бы с этим замечательным стариком, он наверняка упал бы от ярости со своего велосипеда, а затем не оставил бы от наших уважаемых поселков камня на камне, и, впрочем, недурно бы сделал, потому что время. Что же касается моих влажных ушей, которые вы так внимательно изучаете, то они оттого мокры, что я умыл их в водах зримого вами водоема, дабы очистить от скверны упомянутого имени и встретить грядущее небытие в белизне души, тела, помыслов, языка и ушей. Мой молодой друг, ученик и товарищ,— сказал нам учитель,— в горьких ли кладезях народной мудрости, в сладких ли речениях и речах, в прахе отверженных и в страхе приближенных, в скитальческих сумах и иудиных суммах, в движении от и в стоянии над, во лжи обманутых и в правде оболганных, в войне и мире, в мареве и мураве, в стадиях и студиях, в стыде и страданиях, во тьме и свете, в ненависти и жалости, в жизни и вне ее — во всем этом и в прочем следует хорошенько разобраться, в этом что-то есть, может быть, немного, но есть. Там и сям, там и сям что-то произошло, мы не можем сказать с уверенностью, что именно, ибо пока не знаем ни сути, ни имени явления, но, дорогой ученик и товарищ такой-то, когда мы выясним и вместе обсудим это, выясним причину и определим следствие, тогда придет наша пора, пора сказать некое слово — и скажем. И если случится, что вы разберетесь во всем этом первый, немедленно сообщите, адрес вы знаете: стоя над рекой на закате дня, когда умирают укушенные змеей, звонить велосипедным звонком, а лучше — звенеть деревенской косой, приговаривая: коси, коса, пока роса, или: коси-коси, ножка, где твоя дорожка, и так далее, пока загорелый учитель Павел не услышит, и, приплясывая, не выйдет из дома, не отвяжет лодку, не прыгнет в нее, не возьмет в руки самодельные греби, не перегребет Лету, не сойдет на твоем берегу, не обнимет, не поцелует, не скажет добрых загадочных слов, не получит, нет, не прочитает отправленного письма, ибо его, вашего учителя, нету в живых, вот беда, вот незадача, нету в живых, а вы — живите, пока не умрете, качайте пиво из бочек и детей в колясках, дышите воздухом сосновых боров, бегайте в лугах и собирайте букеты — о цветы! как ненаглядны вы мне, как ненаглядны. Покидая сей мир, жаждал увидеть букет одуванчиков, но не дано было. Что принесли в дом мой в последний час мой, что принесли? Шелк и креп принесли, одели в ненавистный двубортный пиджак, отняли летнюю шляпу, многократно пробитую ревизорским компостером, надели какие-то брюки, дрянные — не спорьте — дрянные брюки за пятьдесят потных рублей, я никогда не носил таких, это мерзко, липнут, тело мое не дышит, не спится, а галстук, о! они нацепили мне галстук в горошек, снимите немедленно, откройте меня и снимите хотя бы галстук, я вам не какая-нибудь канцелярская крыса, я никогда — поймите же — не ваш, не ваш — никогда не носил никаких галстуков. Неразумные, неразумные бедняги, оставшиеся жить, больные бледной немочью и мертвее меня, вы, знаю, сложились на похороны и купили весь этот шутовской наряд, да как вы посмели надеть на меня жилетку и кожаные полуботинки с металлическими полузаклепками, каких я никогда не носил при жизни, ах, вы не знали, вы полагали, будто я получаю пятьсот потных рублей в месяц и покупаю те же непотребные тряпки, что и вы. Нет, проходимцы, вам не удалось оболгать меня живого, а мертвого тем паче не удастся. Нет, я не ваш, и никогда не получал больше восьмидесяти, но то были другие, не ваши, то были ветрогоновы чистые деньги, не запятнанные ложью ваших мерзостных теорий и догм, лучше избейте меня, мертвого, но снимите это, верните мне шляпу, пробитую компостером констриктора, верните все, что изъяли, мертвому положены его вещи, дайте ковбойку, сандалии в стиле римской империи эпохи строительства акведука, их я положу под мою лысеющую голову, потому что все равно, назло вам — даже и в долинах небытия — стану ходить босой, и брюки, мои залатанные брюки — вы не имеете права, мне жарко в вашем дерьме, сдайте на комиссию ваше ничто, раздайте деньги тем, кто отдавал их, я не хочу ни копейки от вас, нет, не хочу, и не навязывайте мне галстук, иначе я плюну в ваши изъеденные червями хари своей отравленной жгучей слюной, оставьте в покое учителя географии Павла Петровича! Да, я кричу и буду кричать бессонно-всегда, я кричу о великом бессмертии великого учителя Савла, я желаю быть вам неистово-отвратительным, я буду врываться в ваши сны и явь, как хулиган врывается в класс во время урока, врываться с окровавленным языком, и, неумолимый, буду кричать вам о своей недостижимой и прекрасной бедности, вы же не пытайтесь задобрить меня подарками, мне не нужны ваши потные тряпки и гнойные рубли, и прекратите музыку, или я сведу вас с ума криком честнейшего из умерших. Слушайте мой приказ, мой вопль: дайте же мне одуванчиков и принесите мои одежды! И к черту вашу сопливую похоронную музыку, гоните пинками в зад проспиртованных оркестрантов. Вонючие дряни, могильные жуки! Заткните глотки любителям панихид, прочь от тела моего, или я восстану и сам прогоню всех поганой школьной указкой, я — Павел Петрович, учитель географии, крупнейший вращатель картонного шара, я ухожу от вас, чтобы прийти, пустите!

Так говорил учитель Павел, стоя на берегу Леты.

НЕВОЛЬНОЕ ПРАВО

Из лирики тридцатилетних... Так могла бы называться эта поэтическая страничка.
Что объединяет Игоря Селезнева и Алексея Зайцева, помимо возраста и в какой-то мере — общности взглядов, в этих столь непохожих стихах? Традиционная для иных тридцатилетних лирическая бесприютность (комплекс «потерянного поколения», как выразился один из критиков)? Пристальность к детали, мгновенному ощущению? То, что оба — москвичи?
По-разному складывалось начало литературной судьбы этих авторов. Селезнев сумел выпустить три тоненькие книжки стихов. У Алексея Зайцева это первая поэтическая публикация.

Алексей ЗАЙЦЕВ

ДЕТСТВО

Еще короеды не знали грамоты
И стволы деревьев стояли глáдки.
Трубили в лесах мохнатые мамонты,
И небо таило в себе загадки,

У млекопитающих было млеко,
А над головами, кружком — сиянье.
Произошедший от человека
Уже имел лицо обезьянье,

Сутулил плечи, имел дурную
Привычку за мой воротник
хвататься...
В доисторическом жил саду я
Дачно-садовой кооперации!

Но за оградой, в листве лиловой,
Там, где вокзальный перрон
кончался,
Всю ночь фонарик бритоголовый
Туда-сюда на ветру качался.

«Возьми,— просил я,—
меня из детства,
В какую бы сторону тьмы
ни шел ты!»
И желтый фонарик, монах тибетский,
Кивал мне — умный, прозрачный,
желтый.

* * *

Памяти Заболоцкого

Его влекла неодолимо
К себе вечерняя долина,
Туманов тонкая завеса,

Свечей небесных пантомима
И глубина ультрамарина
В окладе северного леса.

Он слышал тон! И этим тоном
Навеки, в космосе бездонном,
Пронизан был, и волновала

Тысячествольным камертоном
Тайга, когда под птичий гомон
Шагал на шум лесоповала.

К чему земное притяженье
И конвоиров окруженье?
Гонялся б в песне за Бояном...

Но был свободен он в движенье
И постоянном напряженьи,
И в искушеньи постоянном.

СЕРЕДИНА 70-х

Во дворах перестук домино,
Гитаристов полно скороспелых,
И собак, и поэтов полно,
И давно не бывало отстрелов.

Могут встретиться вам посреди
Доходяг и пивных автоматов
И лимитчик Ходжа Насреддин,
И писатель Андрей Соломатов.

Взяв чекушку, о чем-то бубнят
Меж собой на камнях парапета
На исходе прекрасного дня,
На излете мужицкого лета.

Во дворах понимают вполне
Преимущество пенья над речью,
И поет на короткой волне
Мертвый Галич Замоскворечью.

Он с карнизов спугнет сизарей,
С чердака и трубы отопления,
И они, словно масть козырей,
Разлетятся, сверкая краплением.

На черемухе — прямо хоть плачь,
До чего же хорошее слово!
Помещается кот или грач
И в листве шебуршит бестолково.

Пропивают крючок рыбаки
По обычаю рыболовецкому.
И порожних трамваев звонки
От Покровки бегут к Павелецкому.

* * *

Тихим был —
Тихим жил,
Никого не обидел.
Хоронили его
В подобающем виде:
Аккуратно в гробу
Он лежал, как в пенале.
Струйкой речи текли,
И валторны рыдали...

А другой —
Крикуном был,
Кричал где попало,
И для крика его
Всей Земли не хватало!
Хоронили его
В потаенной могиле.
Закопали молчком,
Как собаку, зарыли.

Светит в соснах луна,
И трубят рогачи...
Ты его, крикуна,
Помяни —
Помолчи.

Игорь СЕЛЕЗНЕВ

* * *

Голые выводы спорны —
не убеждали меня.
Что — пионерские горны?
В них не хватало огня!

К маршу готовился рядом,
бил в барабаны отряд.
И Александровским садом
шли мы с тобой наугад.

В инее остром бойница,
так что
кругом и в груди
было, сама посуди,
нечему воспламениться.

* * *

Сверканье стекол и жара.
И женщина в окне.
И в тень зашел я со двора.
Так пить хотелось мне.

Под солнцем — битых стекол тьма
в земле и на земле.
И женщина стоит сама
колеблясь в полумгле.

Перетерпи я, паренек,
не преступай порог —
воскрешать бы мертвых мог
и горы двигать мог.

* * *

Учителей своих средь бела дня,
идя домой
с тяжелой головой,
встречаю!
Сразу под ноги глядят,
как будто не заметили меня
они!
А я не опускаю взгляд.

Припоминают... Им бы легче стало,
когда бы в школе был я бестолков.
Ошибка где? Чего мне было мало?
Чему и как учить учеников?

А после, знаю, мне посмотрят вслед.
Когда и как
я вышел вон из ряда?
Учителя, любите свой предмет,
а то он больно бьет,
когда не надо...

* * *

Бессовестный,— сказала мать
впотьмах,—
пошли домой!
И мы домой пошли.
Горело электричество в домах.
И нас из окон видеть не могли.
Нельзя меня увидеть из окна
за отраженьем комнаты в стекле.
Была дорога долгая темна.
Но твердо я по мерзлой шел земле.
Последний раз.
Не буду. Никогда.
Гудят под напряженьем провода
за сотни верст —
и слышу я один,
как, падая на лопасти турбин,
вода шумит...
В мороз шумит вода!

* * *

Сказала, что любит!
Корявой
веду пятерней по стене.
Бегу, присягая стране!
Сейчас понимаю, что славой
овеяно много знамен,
что Пресня —
рабочий район...
Бутылку со смесью горючей
сжимаю!
Представится случай.
Бросаю —
и дело с концом!
И вражья пылает броня!..
Я страшен счастливым лицом.
Шарахаются от меня...

ТРАМВАЙ

Нас, может быть, перебор.
Наше невольное право
видеть друг друга в упор —
нам не позор и не слава.

Хоть и неловко своей
немощи несокрушимой,
вовсе не стали черствей,
стали терпимей.

КАЗИМИР СЕВЕРИНОВИЧ МАЛЕВИЧ

Начало см. на стр. 8.

ла ему этот взгляд. Многие русские философы, поэты, художники начала нашего века вернулись к идее древних мыслителей, считая духовный мир человека типологически подобным вселенной. Малевич писал: «Череп человека представляет собою ту же бесконечность для движения представлений, он равен вселенной, ибо в нем помещается все то, что видит в ней».

Яблоко, лежащее на столе, соизмеримо с окружающим пространством комнаты, находящимися в ней предметами, соотнесено с человеком. При взгляде на него из макромира (космоса) его предметность как бы распыляется — миры несовместимы по своей масштабности и метрике. То же распыление предметности происходит и в новой живописи Малевича, «рвущейся в небо». В его беспредметных картинах, отказавшихся от земных «ориентиров», исчезло представление о «верхе» и «низе», о «левом» и «правом» — все направления равноправны, как во вселенной. Это означает такую степень автономности в организации структуры произведения, при которой рвется связь с направлениями, диктуемыми земным тяготением. Возникает самостоятельный мир, замкнутый в себе, с собственным «полем» сцеплений — тяготений. Это «малая планета», занявшая свое место в мировой гармонии. Однако новые холсты Малевича не порывают с природным началом, недаром художник называл их — «новый живописный реализм». Но их «природность» выражена на ином уровне, планетарно-космическом.

В ноябре 1919 года Малевич приехал в Витебск преподавать в художественной школе. Этот тихий провинциальный город волею судеб на короткое время превратился в кипучий центр художественной жизни.

С приездом Малевича жизнь в витебской школе забила ключом. Он не только умел говорить, но мог показать и объяснить все с карандашом и кистью в руке. Неукротимая энергия, вера в правоту своих идей, открывавших новые горизонты перед искусством, творчески осмысленная деятельность — все это помогло Малевичу в короткий срок создать коллектив художников, сыгравший большую роль в развитии советского искусства. В витебском дневнике художника Л. Юдина есть характерная запись о Малевиче: «Это действительно вождь».

14 февраля 1920 года в Витебске был создан УНОВИС (Утвердители нового искусства), объединение художников во главе с Малевичем. Ядром УНОВИСа были молодые художники Ермолаева, Лисицкий, Суетин, Юдин. Все они стали крупными мастерами.

УНОВИС выступил с широкой программой преобразования всех видов пластического искусства, стремясь к тому же вывести его из мастерских художников на площади и улицы. Лекции, диспуты о новом искусстве, выставки сменяли друг друга. А в дни революционных праздников город украшался диковинным, непостижимым для обывателей убранством. «Я попала в Витебск после октябрьских торжеств,— вспоминала художница С. Дымшиц-Толстая,— но город еще горел от оформления Малевича — кругов, квадратов, точек, линий разных цветов и шагаловских летающих людей. Мне показалось, что я попала в завороженный город, но в то время было все возможно и чудесно, и витебляне на тот период заделались супрематистами. По существу же, горожане, наверное, думали о каком-нибудь новом набеге, непонятном и интересном, который надо было пережить».

Витебский УНОВИС осуществил ряд театральных постановок, вел и большую выставочную работу.

Почти никто из учеников Малевича не стал супрематистом, но витебская школа и уроки супрематизма дали каждому из них толчок на всю жизнь. Исходя из этого опыта, Лисицкий стал своеобразным конструктором книги; Юдин занялся графикой, на которой тоже лежал отпечаток памяти об уроках кубизма,

КОРОВА И СКРИПКА. 1913.

глубоко усвоенных в Витебске; стихии цвета, всегда увлекавшей Ермолаеву, Малевич дал твердый фундамент, культуру формы. Только Суетин обнаружил глубокую внутреннюю родственность новому направлению в искусстве. Когда другие соратники Малевича в начале 1930-х годов отошли от него, Суетин продолжал развивать пластические структуры супрематизма, сохранив верность ему до конца жизни.

Помимо творческого дара художника, в Казимире Малевиче жил дух исследователя, который хотел понять причины рождения новых форм в искусстве, логику их развития. Появившаяся картина «Черный квадрат» потребовала от Малевича напряженных теоретических усилий, чтобы доказать, что супрематизм не изолированное явление, лишенное корней, а очередной шаг в развитии мировой художественной культуры. В мае 1915 года, защищая свое новое искусство, художник писал критику А. Н. Бенуа: «И я счастлив, что лицо моего квадрата не может слиться ни с одним мастером, ни с временем. Не правда ли? Я не слушал отцов, и я не похож на них. И я — ступень». Последнее слово показывает, что Малевич находил место для своей беспредметности на лестнице, по которой движется мировое искусство.

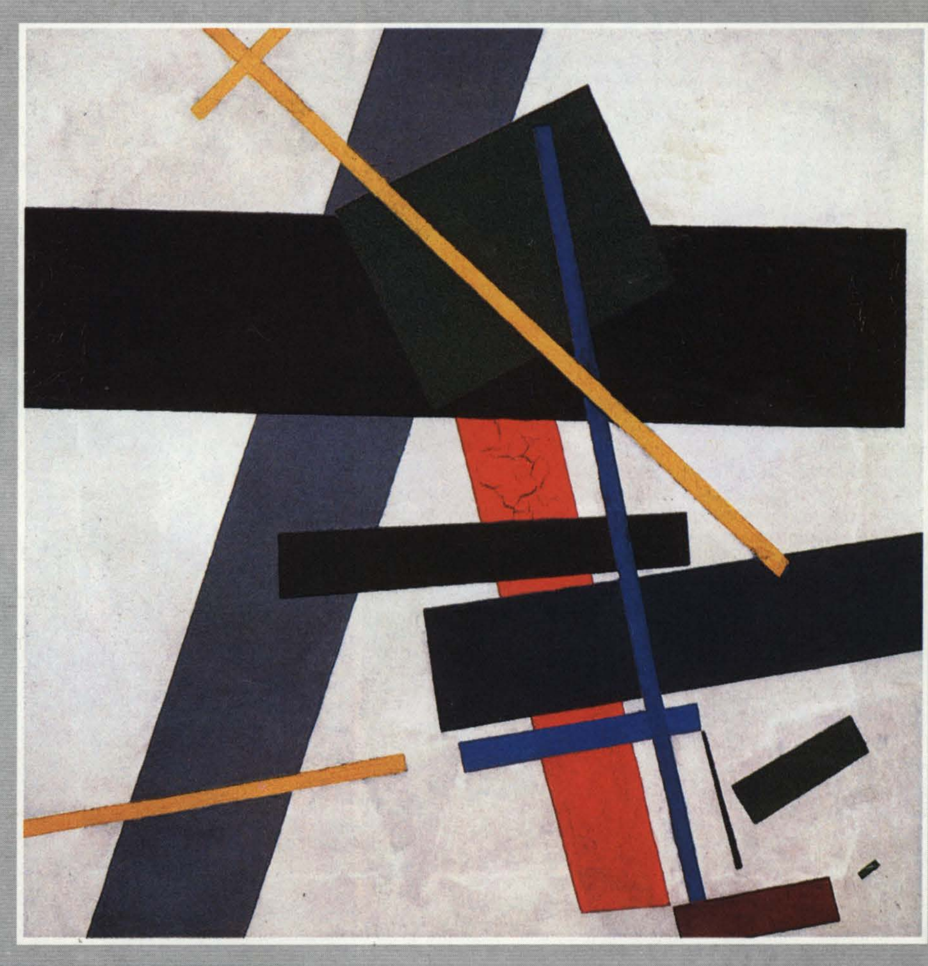
Исследовательский накал достиг в витебский период такой степени, что в декабре 1920 года, оставив холст и краски, Малевич заявил: «Буду излагать, что увижу в бесконечном пространстве человеческого черепа». В Витебске художник опубликовал несколько теоретических исследований и среди них провидческую брошюру «Супрематизм. 34 рисунка», в которой продолжал развивать идеи борьбы с тяготением и свое понимание произведения искусства как самостоятельного планетного мира. Малевич рисует картину выхода человечества в космос, которую мы наблюдаем в наши дни. Само выражение «спутник Земли», обозначающее космический летательный аппарат, впервые использовано Малевичем.

Далее Малевич развертывает программу космических полетов, которая поразительно предвосхищает то, что происходит на наших глазах (за исключением принципа движения). Он пишет, что между Землей и Луной «может быть построен новый спутник супрематистский (...), который будет двигаться по орбите». Эти спутники-станции постепенно удаляются от Земли, и художник приходит к выводу, «что движение по прямой к какой-либо планете не может быть побеждено иначе, как через кольцеобразное движение промежуточных супрематистских спутников, которые образуют прямую линию колец из спутника в спутник». И эти идеи Малевича о выходе человечества в космос были не выдумкой фантаста, а выводом художника из своего «пластического космоса».

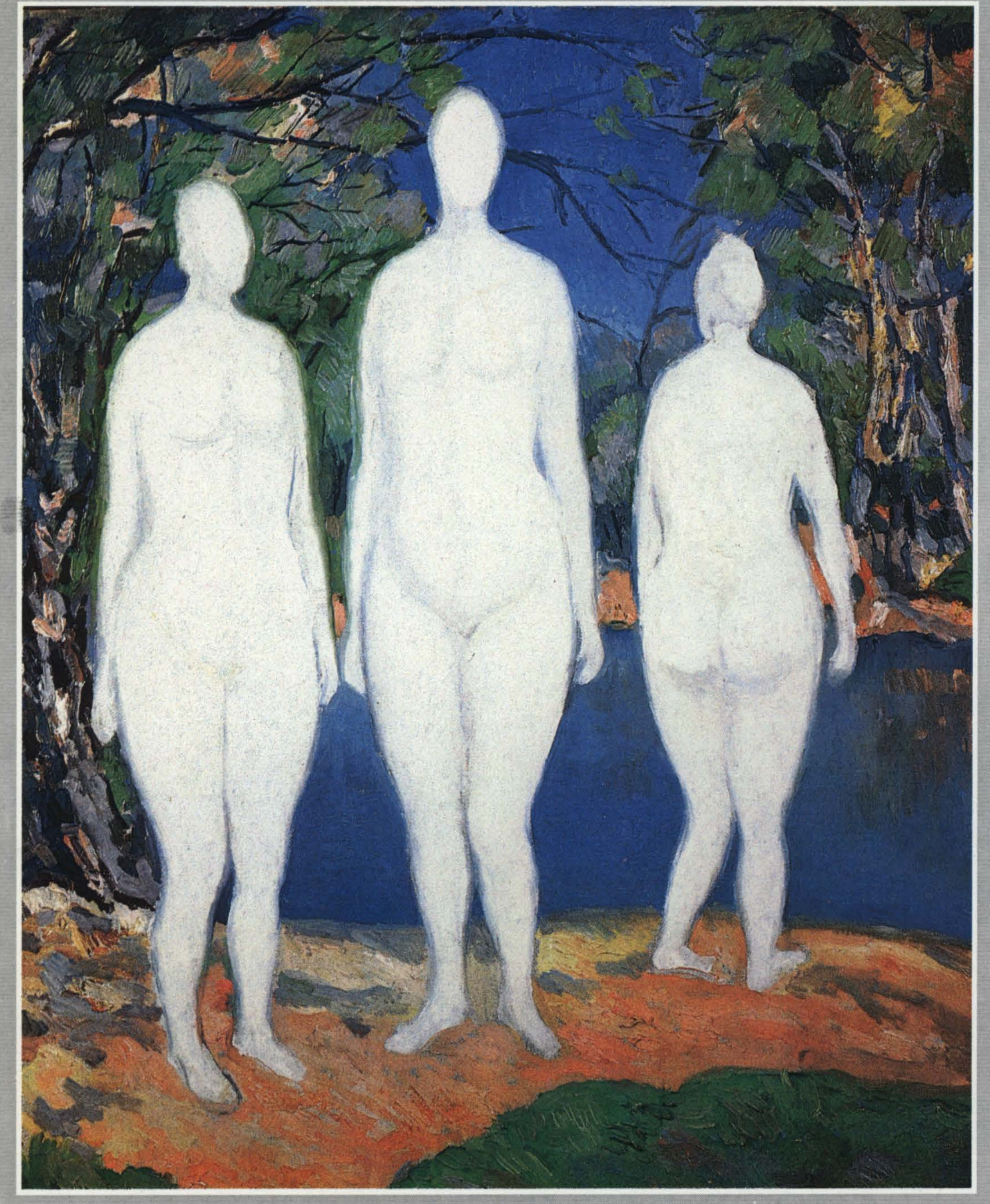
Витебский «супрематистский ренессанс» окончился так же внезапно, как и возник. В 1922 году Малевич уехал в Петроград, а с ним и ведущая группа УНОВИСа. Началась новая глава в биографии художника.

Беспредметность не навсегда овладела творчеством Малевича. С конца 1920-х годов он вновь обращается к изобразительности, но обогащенной достижениями супрематизма; беспредметность позволила Малевичу найти в чистом виде простейшие элементы искусства живописи, составляющие фундамент художественного образа. Очень точно заметил Виктор Шкловский: «Супрематисты сделали в искусстве то, что сделано в медицине химиком. Они выделили действующую часть средств».

Евгений КОВТУН

СУПРЕМАТИЗМ.
1916.

КУПАЛЬЩИЦЫ.
1908.

Александр МИНКИН

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАРАЗЫ

6 АПРЕЛЯ В ТАШКЕНТЕ, В НИИ АКУШЕРСТВА И ГИНЕКОЛОГИИ, ПРОЧИТАЛИ СТАТЬЮ «ЗАРАЗА УБИЙСТВЕННАЯ» («ОГОНЕК» № 13, 1988 г.).

7 АПРЕЛЯ ГАЛИНА ХАДЖИБАЕВА, В ЗАЩИТУ НАУЧНОЙ РАБОТЫ КОТОРОЙ ВЫСТУПАЛ АВТОР, БЫЛА УВОЛЕНА.

НАПОМНИМ, ЧТО В ОЧЕРКЕ ОПИСЫВАЛОСЬ КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ С МАТЕРИНСКОЙ И ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТЬЮ. НЕХВАТКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ АКУШЕРОВ, НЕХВАТКА ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ КОЕК, РОДДОМА БЕЗ ВОДОПРОВОДА И КАНАЛИЗАЦИИ... А ТУТ ЕЩЕ БЕДЫ РЕГИОНА, СВЯЗАННЫЕ С ХЛОПКОМ: ДЕФОЛИАНТЫ И ПЕСТИЦИДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ДЕСЯТИКРАТНЫХ ДОЗАХ, ВЕДУТ К ПОВАЛЬНОЙ ЖЕЛТУХЕ, ВЫКИДЫШАМ, РОЖДЕНИЮ УРОДОВ...

ВОТ ЭТУ-ТО ПРОБЛЕМУ И ИЗУЧАЕТ Г. ХАДЖИБАЕВА.

РАСПРАВА

Столь чтимое нами ускорение проявилось на этот раз в быстроте расправы за критику. Раньше, вероятно, ушло бы полгода: набрали бы опозданий, подловили еще на чем-нибудь, влепили бы выговор-другой... Теперь не церемонились.

Скажут, это не расправа. Подошел, мол, конкурс — так уж совпало. Но тот же Ученый совет всего за три месяца перед тем утвердил докторскую диссертацию Хаджибаевой, а 24 марта — за 12 дней до наказания — постановил дать отпуск для защиты. Теперь все вдруг изменили мнение.

В тот же день «прокатили» и Варвару Зигизмунд — скромного, тихого человека и высококвалифицированного специалиста, выполняющего задания Всемирной организации здравоохранения. Минувшей осенью четверо сотрудников НИИАиГ — профессор Г. Ищенко, доцент Г. Астафьева, кандидаты наук В. Зигизмунд и Г. Хаджибаева — написали «Обращение» к секретарю ЦК КП Узбекистана о «крайне нездоровой ситуации, сложившейся в НИИАиГ». Дальше события развивались так.

Астафьева уволилась сама — «съели». Хаджибаеву и Зигизмунд наказал Ученый совет. Вероятно, не избежал бы расправы и замечательный врач — профессор Г. Ищенко. Но Георгий Тарасович неожиданно умер. Болезнь скрутила его как-то странно быстро. Отношение к лучшему акушеру республики, нет, скажем — к одному из лучших (тщетная попытка избежать очередных упреков в необъективности) — проявилось вполне. За гробом человека, спасшего жизнь сотням женщин, шло всего несколько сотрудников. Последнее слово над могилой говорила Г. Хаджибаева...

ПРОТОКОЛ

Галину Хаджибаеву все сотрудники НИИАиГ единодушно осудили. В своем письме они обвинили и меня, автора, в тенденциозности, несправедливости, клевете и т. п. «по отношению к многочисленному коллективу». Но ведь в очерке ни единого слова не говорилось о коллективе. Критиковались только два человека: директрисса НИИАиГ Р. Ходжаева и ее заместитель Р. Степанянц. К моменту выхода статьи обе уже были бывшие. Первую убрали, вторую понизили. Их возмущение естественно. Но при чем здесь коллектив?..

(Кстати замечу, что в слове «директриса», так «оскорбившем» Ходжаеву, ничего обидного нет. По-латыни «директриса» — направляющая. И это ничуть не оскорбительнее слов «поэтесса» или «стюардесса».)

15 апреля состоялось открытое партийное собрание института. Повестка дня: обсуждение огоньковской статьи «Зараза убийственная». Жаль, нельзя воспроизвести весь протокол — документ характернейший, но — 17 страниц.

Вкратце: клеймят Хаджибаеву и Минкина, обвиняют в клевете, в других грехах. Досталось и покойному Ищенко — вспомнили «процент осложнений», забыв, что на профессора сваливали самые тяжелые, безнадежные случаи.

Но два-три момента придется процитировать и прокомментировать.

Старший научный сотрудник Э. Петросьянц утверждал на собрании, а потом и на Ученом совете в моем присутствии, что «исследовать влияние на людей повышенных доз пестицидов преступно». Я ушам своим не поверил. Да, преступно, подтвердил Петросьянц: «Употребление пятидесятикратных доз пестицидов — преступление, и, значит, изучение последствий — тоже преступление». Я в третий раз переспросил, он в третий раз повторил. Выходило, что Хаджибаева — прямой наследник доктора Менгеле — ставит на людях преступные опыты. Но разве она посыпает их дустом или отравляет поля? Разве она посылает женщин и детей на уборку хлопчатника? По его логике получается, что японские врачи, изучавшие последствия Хиросимы,— преступники.

Старший научный сотрудник Р. Степанянц обвинила Хаджибаеву в финансовых махинациях. И это обвинение потом вошло в письмо. Лаборатория Хаджибаевой, оказывается, «содержалась с нарушением закона — без выделения лимита фонда зарплаты». Стоп-стоп! «Финансовые нарушения» — это, как правило, воровство. А тут-то — наоборот, тут люди работали задаром. Какой закон они при этом нарушили — бог весть. А дальше Степанянц сообщает, что на просьбу о лимитах последовал отказ от «самого министра Усманова».

«Сам министр Усманов», тот самый расстрелянный «хлопковый» министр. Вот, значит, у кого просили денег для доказательства, что работать на отравленных хлопковых полях вредно...

Кончается протокол партсобрания так: «Председатель: кто за? 119. Кто против? Нет». Результат особенно впечатляет, когда знаешь, что на учете в НИИАиГ 27 коммунистов, из коих на собрании было 16.

А за что голосовали? За два предложения. Первое — убрать из НИИАиГ не только Хаджибаеву, но и всю ее лабораторию. Второе — написать письмо в ЦК КПСС о том, как коллектив оскорблен и оклеветан в материале «Зараза убийственная».

Письмо направлено не в редакцию. В ЦК КПСС! «Коллектив» не желает с журналом полемизировать, а желает журнал прихлопнуть. Для того и пишут на самый верх. Метод испытанный.

И все-таки решение Ученого совета по поводу Хаджибаевой и Зигизмунд пришлось аннулировать. Что-то там впопыхах нарушили, торопясь свести счеты. Пропустили через конкурс 40 человек за день, что вчетверо больше допустимого. Надеюсь, это больше не повторится и в следующий раз неугодных уволят по всем правилам. Да и время пройдет, а то как-то неприлично — сразу после статьи. В феврале Хаджибаевой дали характеристику: «высококвалифицированный исследователь», «большой опыт», «руководитель темы», «ответственные задания», «внедрение», «повышает», «осваивает новейшие», «обучает», «трудолюбива, добросовестна, принципиальна», «автор 59 научных работ, 51 из которых опубликована»... И венец: «В коллективе пользуется заслуженным уважением». А через два месяца записали в протокол: «Для Хаджибаевой нет места в нашем коллективе (бурные аплодисменты)». Беспринципно это, товарищи!

РЕАКЦИЯ

7 апреля «Огонек» № 13 поступил ташкентским подписчикам. В тот же день раздались телефонные звонки в редакции газеты «Литература и искусство Узбекистана». Звонили писатели. Не сговариваясь, повторяли одно и то же: мы должны это перепечатать, ибо это правда, ибо это боль нашего народа.

Отважиться было не просто, и все же члены редколлегии решили — печатать. Срочно сделали перевод, в следующем номере появилась статья «Захри котил». «Заразу убийственную» на узбекском языке читали теперь миллионы.

Кого опасалась разгневать редакция? Уж, конечно, не «трудовой коллектив НИИАиГ». Все, что связано с хлопком, подвергается самому пристальному вниманию. Для тех, кто получает служебные повышения,— это «белое золото». Для тех, кто гнет спину на отравленных полях, — это «белая смерть».

Ученые и писатели давно и прямо говорят о гибельности монокультуры. Хлопок в Узбекистане занял почти всю землю, вытеснил овощи, фрукты, скот. Исчезает вода: хлопку надо шесть поливов, винограду — один. В погоне за несбыточными рашидовскими 6 000 000 тонн шли на все.

На 1988 год план по хлопку Узбекистану наконец снизили. Ненамного. Задание осталось очень напряженным. Но все же это была попытка ввести севооборот, хоть сколько-нибудь потеснить монокультуру. Казалось, реализм берет верх...

Но 22 апреля здесь прочли сказанные в высокой республиканской инстанции слова: «... На недавнем курултае хлопкоробы решили — к сниженному плану в нынешнем году добавить до 150 тысяч тонн сырца. Мы считали и считаем хлопководство не «бременем», а воистину и своей национальной гордостью, и своим интернациональным долгом».

Толчок подействовал. Уже 1 мая какой-то бригадир обещал по радио, что возьмет в этом году по 70 центнеров с гектара...

И, наконец, еще одна реакция на материал в «Огоньке». Очень спокойный ответ получила редакция от министра здравоохранения Узбекистана С. Бахрамова. Смысл ответа: факты подтвердились, вопросы злободневны, меры принимаются. Например: «В 1986—1987 гг. объем применяемых пестицидов сократился до 36 наименований против 64 в 1984 г., в том числе высокотоксичных с 10 до 6 наименований». Это прекрасно. Замечу только, что сократился не «объем», а список ядов. Кроме того, человеку не нужно шести высокотоксичных веществ, чтобы отправиться на тот свет. Хватит и одного.

Еще в ответе сказано, что «...до конца XII пятилетки намечен ввод родовспомогательных и детских учреждений около 10 тысяч коек». Однако намечено — не введено. А если еще вспомнить данные Минздрава СССР, по которым Узбекистану недостает 87 000 детских и акушерских коек, то станет ясно, что к XIII пятилетке республика придет с дефицитом как минимум в 77 000 коек.

Единственное по-настоящему приятное в ответе — «намечена передача под учреждения здравоохранения 353 административных зданий других министерств и ведомств». Не так-то просто расстаются министерства и ведомства со своими зданиями...

ТИШИНА

Итак, тишина раскололась. Стали слышны голоса. Но говорить может лишь тот, кто имеет информацию. Гласность — это информированность. Стань протокол собрания в НИИАиГ достоянием гласности, может быть, коллектив и услышал бы голос народа.

Что сказали бы женщины, узнав о словах заведующей консультацией «Семья и брак»: «То, что Р. Степанянц не оперирует,— клевета. Я тоже (!) не оперирую в последние годы, но если надо, встану к столу и прооперирую, если не за час, так за 2 часа». Вдумайтесь в эти слова среднеазиатского гинеколога: «не за час, так за два». Это о тех операциях, где секунда больной кажется часом, а минута — вечностью. А тут: не час страданий, так два. Какое спокойствие! И это говорит врач.

Каждый год обещают не занимать на уборке хлопка детей. Но потом где-то «на очередном курултае» «хлопкоробы» решают: ладно, последний раз, в порядке исключения и в связи с неблагоприятной погодой. Детей на курултай не зовут.

На этот раз я был в Узбекистане в конце апреля. Никакой страды — ни посевной, ни уборочной. Но на полях работали дети, с мотыгами. Мы ехали вместе с Хамракулом Аскаровым — помощником председателя СП Узбекистана. 8-й класс, 6-й класс... С утра учатся. Потом в поле — с трех дня до восьми вечера...

— А в воскресенье отдыхаете?

— Да, в воскресенье уроков нет. Поэтому в поле с 8 утра до 8 вечера.

Вот оно как...

«Республику трясет от несправедливости!» — говорила на партсобрании главврач клиники НИИАиГ Е. Волобуева, имея в виду, что население оскорблено за напрасно обиженный материалом в «Огоньке» коллектив. Поверьте, Елена Андреевна, республику «трясет» по совсем другим причинам...

Георгий ФЕДОРОВ,
доктор исторических наук

ПРОЛЕТАРИАТУ НУЖНА ПРАВДА И О ЖИВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ И О МЕРТВЫХ, ИБО ТЕ, КТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАСЛУЖИВАЕТ ИМЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ, НЕ УМИРАЮТ ДЛЯ ПОЛИТИКИ, КОГДА НАСТУПАЕТ ИХ ФИЗИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

В. И. ЛЕНИН.

ПРОВОДЫ...

Официальное сообщение о смерти пенсионера союзного значения, бывшего первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева было опубликовано в газетах только в день его похорон...

...Хмурым сентябрьским утром 1971 года мы с женой отправились на Новодевичье кладбище на похороны Никиты Сергеевича Хрущева. Никакого официального объявления о дне, месте и времени похорон опубликовано не было, но мы узнали, когда и где будут похороны. Когда мы подходили к Новодевичьему кладбищу, то уже задолго до подступов к нему были поражены огромным количеством войск. Десяток грузовиков, крытых брезентом и битком набитых солдатами, которых было видно со стороны заднего борта, стояли вокруг Новодевичьего кладбища. Бегали офицеры, по рации кричали: «Тринадцатый, ты слышишь? Говорит первый! Прием» и так далее. Было такое ощущение, что этот район Москвы не то оккупирован какими-то воинскими частями, не то какие-то войска собираются выступить в поход. А дальше располагались кольцом вокруг кладбища как бы несколько цепей. Тут были различные милицейские чины, а ближе всего к кладбищу стояли люди в штатском. Среди них было и некоторое количество офицеров в военных формах Министерства внутренних дел с голубыми кантами. На внешнем кольце милицейской цепи жались кучки людей, которых не пропускали к кладбищу. Время от времени кто-нибудь из этих людей тщетно пытался пройти, но их довольно грубо отбрасывали назад. Я подошел к этой цепи и спросил у ближайшего милицейского офицера: «Кто у вас здесь главный?» Он показал мне на немолодого уже полковника милиции. Я подошел к этому полковнику и сказал ему: «Товарищ, мы с моей женой знакомы с дочерью покойного Радой Никитичной, и было бы странно, чтобы в такой день мы не были бы там, возле нее. Пропустите нас, пожалуйста». Он спросил меня: «Вы действительно с ней знакомы?» Я ответил: «Да, действительно». Он махнул рукой и сказал: «Ну, что ж, проходите!» Мы прошли, причем — неожиданная удача — миновали сразу несколько кордонов. Я решил использовать этот уже оправдавший себя прием и в последней заставе. Обратился к ближайшему человеку, который в этой цепи стоял. Он был в плаще типа «болонья», лет тридцати, и я сказал ему: «Пропустите меня, пожалуйста...» Он тут же прервал меня и отрезал: «Нет, не пропущу». Я рассердился: «Ну, как же так, вы не знаете, кто я и почему мне нужно пройти. Вы даже не выслушали меня», на что он мне ответил: «Мне это безразлично. Я все равно вас не пропущу». Я сказал: «Ну вот, вы не знаете, кто я, а я теперь уже имею отчетливое представление о том, кто вы такой». Неожиданно он улыбнулся и пробурчал: «Ну, что ж, проходите». Мы прошли и оказались перед наглухо закрытыми железными воротами кладбища, закрыты были не только ворота, но и калитка. Оказалось, что и там стоит заграждение. Справа на стене висела бумажка, на которой красным карандашом было написано: «Кладбище закрыто. Санитарный день». Время от времени кто-нибудь из иностранных корреспондентов стучал в железную калитку, кричал, от какой он газеты или журнала. Калитка приоткрывалась, его пропускали, и калитка снова захлопывалась. Перед воротами оказалось человек пятнадцать таких же, как мы с женой, прошедших через все кордоны. Стражи же все находились по другую сторону ворот. Я предложил: «Давайте не будем пропускать этих корреспондентов. Что им больше нашего, что ли, надо там быть?» Мы действительно перестали их пропускать, даже подпускать к калитке. Они кричали, шумели, но мы их не пускали. Вдруг прибежал какой-то генерал, который спросил, в чем дело, что за шум. Кто-то из нас сказал: «Как в чем дело? Мы на похороны пришли, а нас не пропускают». Генерал постучал в калитку и назвался. Калитка открылась, и он приказал: «Немедленно всех пропустить».

Мы прошли. Народу было не очень много. Человек 60 корреспондентов, кажется, только иностранных. Как все корреспонденты в мире, они были озабочены только тем, чтобы раздобыть побольше информации, побольше заснять своими кинокамерами, фотоаппаратами и записать на магнитофоны. Стрекотали камеры, щелкали затворы фотоаппаратов, раздавался разноязыкий и разноголосый, странный для кладбища гул. Кроме того, было еще человек двести, среди которых немало людей с сединами. В толпе оказалось и несколько наших друзей и знакомых. Немало было и людей, на лицах которых видно было, что они перенесли много страданий. Полагаю, что это были бывшие репрессированные. Среди них мы заметили, например, сестру командарма Якира — Бэллу Эммануиловну.

Семидесятисемилетний Никита Сергеевич лежал в гробу на возвышении, окруженном венками и цветами. В ногах у него находились красные подушечки с тремя звездами Героя Социалистического Труда и орденами. Лицо его было значительным, таким значительным и спокойным, каким мне не доводилось видеть его на страницах газет и журналов, на экранах кино и телевидения. Высокий мощный лоб, волевые скулы. Казалось, на лице его запечатлелась какая-то важная дума, которой так и суждено было остаться тайной. Рядом стояли члены его семьи, жена Хрущева, Нина Петровна. Она была в сером пальто, с черной кружевной накидкой. Лицо ее, очень простое, открытое, бесхитростное, чем-то очень привлекательное, было залито слезами. Тут же стояла Рада Никитична с каким-то отрешенным взором. Казалось, что ей очень холодно. Рядом находился высокий мужчина. Он был очень похож и на отца, и на мать, и ясно было, что это Сергей Никитович Хрущев. Тут же стоял Алексей Аджубей с красивым, несколько припухшим и замкнутым лицом.

Выступил какой-то человек. Из-за стрекотания кинокамер, которые репортеры поднимали над головами, из-за их бесцеремонных разговоров, слов его я не расслышал и постарался пробраться поближе, что мне в какой-то мере и удалось. Потом выступил Сергей Никитович. Его речь из-за общего шума (а говорил он без микрофона) я слышал только обрывками. Он сказал, что отец его в течение длительного времени занимал ответственные партийные и государственные посты. Оценка его деятельности принадлежит суду истории. Он же может сказать, что Никита Сергеевич желал добра людям и был очень хорошим, любящим мужем и отцом. Затем заговорила старая уже женщина, и хотя она говорила очень тихо, слова ее почему-то были отчетливо слышны. Она сказала: «Я работала с Никитой Сергеевичем с 1926 года, и мне очень хорошо с ним работалось. В 1937 году я была арестована и заключена сперва в тюрьму, а потом в лагерь и только после двадцатого съезда освобождена и реабилитирована. От имени миллионов людей, замученных безвинно в лагерях и тюрьмах, которым ты, Никита Сергеевич, вернул доброе имя, от имени их близких и друзей, от сотен тысяч, которых ты освободил из страшных мест заключения, прими нашу благодарность и низкий тебе поклон. Я понимаю, сколько мужества, смелости и желания восстановления справедливости для этого понадобилось. Мы будем помнить об этом до конца жизни, расскажем нашим детям и внукам». После этого распоряжавшийся похоронами человек в штатском, но с явной военной выправкой сказал: «Прошу прощаться с покойным. Только быстро, товарищи, не задерживайтесь». Присутствующие прошли вокруг гроба, подгоняемые замечаниями штатских стражей порядка, выстроившихся вокруг. Я увидел среди венков и цветов венок с надписью «Никите Сергеевичу Хрущеву от А. И. Микояна». Тут нас снова оттеснили корреспонденты. Через короткое время

я все же увидел, что гроб поспешно опускают в заранее вырытую могилу и засыпают. Не успели еще даже могилу закидать землей, как оркестр сыграл Гимн Советского Союза и распорядитель не то предложил, не то приказал: «А теперь расходитесь, товарищи».

Но никто не уходил.

Мы продолжали стоять под моросящим дождем. Через некоторое время Нине Петровне, видимо, стало дурно. Она пошатнулась. Сергей подхватил ее. Вызвали машину, которая подошла почти к самой могиле. Нину Петровну усадили в машину, и она вместе с Сергеем уехала. Мы подошли к Раде Никитичне. Выразили ей свое глубокое сочувствие, я поцеловал ей руку. Она как-то отрешенно поблагодарила нас и пошла совсем одна.

После того как увезли Нину Петровну, напряжение, которое было среди собравшихся на кладбище, спало. Мы пошли к выходу. Когда вышли за ворота, то увидели, что все заграждения и все кордоны на месте, а толпа на внешнем их обводе еще увеличилась. На месте оставались и грузовики с солдатами. Уж очень кто-то, видно, боялся каких-то возможных, уж не знаю, беспорядков, что ли, эксцессов в связи с похоронами персонального пенсионера союзного значения.

...В соответствии с занимаемыми постами Н. С. Хрущев должен был быть похоронен в кремлевской стене или возле нее. Но те, кто распоряжался его судьбой и после смерти, решили, что он сего не достоин, что нужно это наглядно показать и потому похоронить его на одном из городских кладбищ, правда, одном их самых престижных. Но результат-то получился прямо противоположный тому, что было задумано. Ведь у кремлевской стены, охраняемой и вполне официальной, редко кто бывает, а вот могилу Н. С. Хрущева оставили народу, для которого он так много сделал. Тут спорили и вспоминали. Случалось, и поругивали, но чаще вспоминали с благодарностью. На пасху клали на могилу крашеные яйца, другую традиционную пасхальную снедь.

А потом над могилой установили памятник, созданный Эрнстом Неизвестным. Это было в пору, когда всеми способами пели бесстыдную хвалу Л. И. Брежневу, превозносили его до небес, а Хрущева если поминали, то только с негативными оценками и эпитетами. Э. Неизвестный, с которым Н. С. Хрущев имел в свое время столкновение на выставке в Манеже, принял заказ на памятник от семьи Никиты Сергеевича, с которым он уже давно помирился. Эрнст говорил мне в пору работы над памятником: «Покойный при жизни испортил мне несколько лет, теперь сделает это и после смерти, но заказ я выполню, я сам этого хочу. Он сто́ит того».

Довольно скоро новые властители поняли, что дали маху, похоронив Н. С. Хрущева в доступном для народа месте. Думаю, что не в последнюю очередь и поэтому было принято типичное для эпохи застоя решение: взять да и закрыть кладбище для посетителей, для всех, кроме имеющих специальные пропуска.

Электричка прочно вошла в их быт, стала чем-то вроде городского троллейбуса для нас, москвичей. И люди привыкли, и все едут, едут, едут... Берут отгулы, отпуска. Они не ропщут, они снимаются с места и даже подбадривают себя: «А что, мы привыкли! Подумаешь: день потратил — на две недели обеспечен!» Только вот лица у сходящих с «колбасных» поездов почему-то не веселые, а усталые, сосредоточенные. Они уже готовятся внутренне к очередям, к грубым окрикам: «Вот, понаехала деревня, объедают нас, москвичей!» И возразить-то им особенно нечего, и отчего-то стыдятся они возражать, суетливо запихивают в баулы колбасу, словно уворовали ее, и молча, чтоб не дай бог не приметила их продавщица, отходят. Отходят, чтобы снова занять ту же очередь.

Мы, москвичи, давно привыкли к подобной картине. Мы редко задумываемся о причинах, ее порождающих. Мы так же покорно стоим в очередях, берем нужное количество и молча спешим по домам.

ЕДУТ В МОСКВУ ЭЛЕКТРИЧКИ. ДЛИННЫЕ, ПО ДВЕНАДЦАТЬ ВАГОНОВ. ЕДУТ ИЗ КАЛУГИ, РЯЗАНИ, ДМИТРОВА, СЕРПУХОВА, ЗВЕНИГОРОДА... ЕДУТ КАЖДОДНЕВНО, И КАЖДОДНЕВНО НА ВСЕХ ВОКЗАЛАХ СХОДЯТ С НИХ ЛЮДИ, ОЗАБОЧЕННЫЕ ОДНИМ ВОПРОСОМ: «ГДЕ БЫ КУПИТЬ КОЛБАСЫ?»

И я, кабы не история, в которой волей случая пришлось поучаствовать, верно бы, не задумался... Нет, не о «колбасных электричках», не о дефиците, а о более общем, глобальном, о нашей смиренной покорности, о привычке плыть по течению, о неверии в собственные силы и о страшной, порожденной им усталости.

Но сперва к делу.

Владимир Шахгельдянц позвонил в редакцию 19 февраля во второй половине дня. Он не просто просил о помощи, он настаивал: «Я только хочу, чтобы вы взглянули на мою колбасу. Она хорошая, слово даю, а ее губят, губят намеренно, потому что Москве она не нужна!»

Настораживало в этой истории одно — неужели в Москве появилась ненужная колбаса? Мы договорились о встрече, и я поспешил в магазин.

— Зря вы за это дело взялись, все

равно концов не распутаете,— посочувствовал мне директор, но все же принялся объяснять.— Торговать коопторговской варено-копченой колбасой по 9 руб. 50 коп. за килограмм стало очень сложно. Ее берут в основном иногородние, кому надо хранить мясо долго. Москвичи на нее и глядеть не хотят — дорого, да и качество не соответствует цене. Раскупают же вмиг сырокопченую, не глядя на ценник! Дошло до того, что мне варено-копченую навязывать стали — привезут, допустим, тонну, а к ней за то, что взял, прикладывают дефицитный товар, кстати, и так причитающийся мне по фондам. И мне, чтобы выполнить план и не загубить продукцию, приходится снимать продавцов, заставлять их торговать с лотков запрещенными наборами. Еще, правда, в заказы подкладываем — предприятиям, ветеранам, учителям — стонут, но берут...— Он осекся, вспомнив, что разговаривает с корреспондентом, но потом махнул рукой.— По мне, так здесь проблемы нет — торговать разучились. Взять бы, допустим, и оперативно уценить, и покупали бы, да еще просили —

Петр АЛЕШКОВСКИЙ
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

ПРО КОЛБАСУ

РЕПОРТЕР ПРОВОДИТ РАССЛЕДОВАНИЕ

расхватывали же ее, когда она 4 рубля стоила.

Пессимизм директора вызывал сочувствие. Неужели выгодно так «продавать»? Кому? И почему вдруг вздорожала колбаса? На эти вопросы я пока не знал ответа. Но история простого производственного конфликта, как я сперва подумал, начала приобретать совсем иную окраску.

Вот как все начиналось.

23 января сего года автомобиль 39-50 ВДР мясоконсервного комбината «Урюпинский» доставил в столицу и отгрузил на 14-м хладокомбинате 6,9 тонны варено-копченой колбасы. Над кабиной «КамАЗа» на модном теперь железном обтекателе красовался сидящий на бочке лихой казачок, словно намекал: «Эх, ребята, и не то видали — проживем!» К слову сказать, позднее, разглядывая фуры, сгрудившиеся на площадке около холодильника, я навидался всяких рисунков-плакатов, но по душе пришелся один — оранжевый Кот Леопольд и его знаменитый призыв: «Ребята, давайте жить дружно!» К кому обращался герой мультфильма, пока было мне не ясно, но юмор водителей — сдатчиков продукции я оценил.

Итак, 23 января хладокомбинату, казалось бы, оставалось только направить колбасу в магазин к покупателю, но... не тут-то было. Анализ, проведенный лабораторией холодильника, показал в колбасе наличие 39,4 процента влаги, что на 1,4 процента больше предусмотренной ГОСТом нормы. Естественно, что усыхание колбасы, хранящейся в морозильных камерах, грозило обернуться хладокомбинату потерей почти тысячи рублей. В Урюпинск полетела грозная телеграмма: «Колбаса забракована...»

— Поймите,— как объяснит мне потом представитель Урюпинска В. Шахгельдянц,— дальше так нельзя. Мы поставлены в условия пролетариата, и терять нам нечего, кроме своих цепей, да только цепи больно крепкие. Ведь «Росмясомолторг» — главный, и единственный в стране, оптовый покупатель, монополизировавший право доставлять и распределять пищевые продукты, заставляет нас производить дорогую колбасу для Москвы. Он шлет наряды, и мы их выполняем, но он же, то есть подведомственные ему предприятия, как холодильник, бракует нам партию за партией. Загубить всегда легче, чем пересмотреть свои планы. А дали бы нам свободу... Я б эту колбасу продал в самом Урюпинске — у нас ведь она не часто на прилавках появляется.

Выйдя тогда в феврале из московского магазина, я уже знал все перипетии урюпинской истории. Знал, как обманули приехавших по телеграмме химика и санврача на 14-м хладокомбинате, не допустив их поучаствовать в повторном анализе на влагу, о котором всего-то они и просили. Знал и об арбитражном анализе Бюро товарных экспертиз, проведенном в подведомственной «Росмясомолторгу» лаборатории. Знал, убедился своими глазами, что варено-копченая колбаса, словно в насмешку названная «Московская» и поступающая в столицу со всего Союза по нарядам оптового покупателя, нужна, кажется, здесь только ему одному. Удивительно, если качество товара, за который так горячо ручался В. Шахгельдянц, было хорошее, то выходило, что на холодильнике, с ходу бракуя хороший товар, тем самым восставали против системы, их же породившей. Восставали, правда, пассивно и действовали старыми, этой же системой разработанными приемами, но все же восставали. Похоже, получалось, что чудовище, как в сказке, увлекшись, заглотало собственный хвост!

При первой же встрече Владимир заявил мне твердо: «Здесь дело нечисто, не знаю, кому и почему выгодно «гробить» хороший продукт...» Он считал, что здесь действует торговая мафия, я же был склонен видеть в его случае типичное разгильдяйство. Но спорить нам было не о чем — мы решили действовать.

И мы пошли. Сперва — в Народный контроль Москвы. И там сразу же попали на прием к зав. отделом легкой и пищевой промышленности Г. И. Водовозовой. Я своих карт не раскрывал, сказавшись урюпинцем, мне хотелось взглянуть на дело «изнутри». Тем не менее Галина Ивановна отнеслась к нам не просто внимательно, но, я бы сказал, человечно, что дороже.

— Если факты подтвердятся, то это — преступление, — сказала она и пообещала устроить нейтральный анализ.

Заручившись поддержкой, мы начали обход: «Росмясомолторг», Госторгинспекция, Бюро товарных экспертиз, 14-й холодильник, Агропром РСФСР... И, что удивительно, везде нас понимали, везде сочувствовали, везде говорили о «затоваре» Москвы варено-копченой колбасой, везде (кроме, разумеется, «Росмясомолторга») готовы были заглазно поверить, что качество колбасы соответствует ГОСТу. У меня создалось впечатление, что подобная ситуация никому не в новинку.

В Агропроме РСФСР в чисто конфиденциальной беседе (вот где сработало мое «урюпинское» происхождение) один чиновник откровенно признался: «С этой колбасой сложности начались сразу после ее подорожания. Ведь она раньше стоила 4 рубля, и вдруг взлетела до 9 руб. 50 коп. Сам же знаешь, что не из коопторговского мяса ее производите».

— А кто и когда распорядился ее «удорожить»? — спросил я, не скрывая интереса.

Чиновник сделал серьезное лицо и ткнул пальцем в небо. «И цена-то осталась прежняя и для вас, и для холодильника, а разница идет прямиком в бюджет, покрывая недобранное на продаже водки. Но сие от нас не зависит,— подмигнул он мне.— Вообще-то я не понимаю, чего бы проще — не продается по 9-50, уцени до семи, а на сырокопченую набрось, но нет, будут держаться раз избранного, а потому ваше дело — труба».— Он опять подмигнул мне, но уже сочувственно.

Что это за «секретный приказ», мне не удалось выяснить. В других местах люди были менее сговорчивые, нас просто с извиняющейся улыбочкой передавали с рук на руки, и если бы не поддержка НК, и не железная уверенность в своей правоте Шахгельдянца...

— Колбаса забракована, везите домой, и скорее, пока не испортилась,— советовал нам директор хладокомбината В. П. Егоров. Ему, честно говоря, очень не хотелось заниматься нашей историей. Он досиживал тут последние деньки — уходил на повышение. Теперь он работает зам. начальника московской областной конторы «Росмясомолторга», тогда же он всячески старался поскорей замять дело. Даже дал однажды дружественный совет: «Да продайте вы ее в своем Урюпинске, небось купят?» Тем самым негласно признавал, что колбаса съедобна, вполне годится для реализации.

И здесь можно бы было ему посочувствовать, ведь до сих пор не существует постановления, разрешающего быстро переоценить продукцию, пускать ее в реализацию низшим сортом. Казалось бы, вот он, случай,— остается только создать прецедент, выйти в соответствующие инстанции, добиться такого разрешения, как когда-то однажды добились для рыбы, которую позволено уценивать на 30 процентов, если она, конечно, съедобна и лишь товарный вид ее не соответствует высшему сорту. Выходило, что «осетрина второй свежести» все-таки бывает, тогда как менее подверженная порче колбаса...

Но знал, хорошо знал В. П. Егоров, что без спецнаряда от «Росмясомолторга» продавать на месте нельзя — дело подсудное! Знал, что там, где производят колбасу, зачастую на прилавках и дорогой-то не увидишь. Знал и то, что «Росмясомолторг» ни за что не снимет фонды, не позволит официально торговать даже «забракованной» колбасой на местах. Знал и советовал, потому как торопился сбыть с рук, сам, видно, был не рад заварившейся каше. Ведь кто бы мог подумать, что «поставленный в условия пролетариата» Урюпинск вдруг станет упорствовать, доказывать свое исконное право?

— Что ж вы меня в петлю толкаете? — спросил тогда предлагавшего «разойтись миром» директора В. Шахгельдянц.

— А вы — меня? — вопросом на вопрос ответил директор. Он и не мог иначе, ему уже звонили из НК! А потому любыми способами старался спасти честь своей фирмы.

Нет, дело тут явно было не в торговой мафии, дело было в косности самой бюрократической системы, тяжелой, неповоротливой, готовой лишь исполнять чье-то непродуманное, недемократическое решение, но только не торговать; системы в условиях идущей перестройки вредной, отжившей, но усиленно цепляющейся за свое прошлое, не желающей сдавать завоеванных позиций.

А время шло, уже и март перевалил за середину. В моей квартире начался ремонт, и делала его симпатичная девушка Валя, уроженка переславской деревни. Как-то я рассказал ей о своей колбасной эпопее.

— А я здесь и не беру — дорогая. Вот когда она четыре-то рубля стоила, тогда покупала,— призналась Валентина.

— А в деревне купили бы?

Конечно, всяк бы батончик-другой взял, у нас ведь вообще колбаса редко бывает. У нас там и котлеты, что в Москве 12 копеек,— 24 стоят, и пельмени еще дороже продаются, да все слипшиеся — пока их довезут...

Мне было стыдно ее слушать.

И вот 23 марта на последнем заседании, что собрал уже заместитель начальника Народного контроля г. Москвы Ю. В. Ребров, я поделился «народным мнением» с сидевшим напротив меня начальником «Росмясомолторга» Павлом Анатольевичем Кузнецовым.

— Зачем в Переславль? — удивился товарищ Кузнецов.— Я вообще не понимаю, из-за чего сыр-бор. Раньше надо было ко мне идти, я б эту колбасу и в Московской области продал, перекинули бы фонды.

Он действительно был изумлен — проблемы-то, оказывается, не существовало. Даже с неприкасаемыми фондами можно бы было разобраться...

Заседание меж тем продолжалось. Начальница БТЭ долго и обстоятельно оправдывала действия своей организации. Она зачитывала параграфы, уставы, выдержки из постановлений...

— Товарищи! О чем мы тут говорим, слышали бы нас уральские рабочие! — не выдержав бюрократических словопрений, вскричала возмущенная Г. И. Водовозова.

Тут не выдержал и товарищ Кузнецов, тихим голосом он подал реплику с места: «На Урале дела с колбасой обстоят нормально, талонов там нет».

Он был абсолютно прав — что кричать об Урале, когда в Московской области, тут, под боком, ждут не дождутся, чтоб к ужину...

Не стану тяготить читателя долгим пересказом дальнейших наших мытарств — лишь седьмая (!) экспертиза признала колбасу годной к реализации. Анализ нейтральной лаборатории на влагу всех поразил — 34 процента, то есть на 4 процента меньше нормы!..

Первого апреля я провожал Владимира Шахгельдянца на Казанском вокзале. Он выглядел усталым, осунувшимся.

— Знаешь,— сказал он мне,— если так каждый раз придется пробивать, мы мясо погубим, а его в этом году много больше стало. Да,— добавил он напоследок,— позвони, пожалуйста, в НК, извинись, поблагодари, я тут закрутился, не успел, колбасу же до сих пор не продали — ищут покупателя. Но это теперь трудности холодильника и «Росмясомолторга» — мы делаем, что нам приказали. А дали б нам волю...

Мы победили, но я вспомнил Валентину из переславской деревни, и директора московского магазина, что завален ненужной здесь, нераскупаемой колбасой, и чиновника из Агропрома, разводящего руками, бессильного перед «секретным приказом», и удивленное лицо товарища Кузнецова из «Росмясомолторга», что по-прежнему шлет и шлет разнарядки на Москву, и вопрос: «Почему «гробили» хорошую колбасу?», долго мучивший меня, показался ничтожным и мизерным. Неужели, думал я, мы еще долго будем воевать из-за каждой тонны, центнера, состава, вагона продуктов, бегать в Народный контроль, искать хороших, радеющих о деле людей и пробивать, пробивать, пробивать ватную стену бессердечных, расчетливых и только мешающих работе чиновников? Да и у всех ли хватит сил и мужества, принципиальности и времени воевать, как хватило их у простого санврача Владимира Шахгельдянца? И хватит ли их на второй раз?

Ведь я знаю многих, кто перестал бороться, не вынес бесконечной нервотрепки, пустой суеты, перегорел.

Есть у меня друг. Вместе, в один год поступали с ним в вузы, вместе, в один год их окончили. Он мечтал стать геологом, поисковиком. И он стал им. Восемь лет прожил за Полярным кругом, всегда на перекладных, в балках, на холоде. Он приезжал в отпуск, потрясая тугой пачкой денег, он был горд — он сам пробивал дорогу в жизнь.

— Даем стране угля, не то, что вы тут!

Он, конечно, шутил, но было что-то в его шутках неестественное, надрывное. Что-то его угнетало.

— Слушай, переезжай сюда, в Москву, тебя же здесь с твоим опытом с руками оторвут,— уговаривал я его. Но он отшучивался и снова уезжал. Потом он женился, родил сына, перебрался в Москву. Нашел работу, не столь, конечно, высокооплачиваемую, как прежде, но все же интересную, как ему показалось поначалу. Но только поначалу...

Через год он разительно переменился. Он был еще молод, энергичен, горяч, но всякий раз при встрече жаловался:

— Бумаги, бумаги, бумаги, им нет конца. Инициативы — ноль. Как вы здесь работаете? Там, в поле, хоть не мешали, а здесь...

Ему, привыкшему к свободе там, где специалист ценится на вес золота, здесь, в Москве, стало скучно. Проработав три года, он сбежал. Забросил диплом, ушел в такси и долго не появлялся. Потом я встретил его. Он был счастлив.

— Единственное место, где я чувствую себя независимо: что потопаешь — то и полопаешь. Я рад, что приношу ощутимую пользу. Каждый день. Каждый час.

Он выжидательно смотрел на меня — как-то я отнесусь к его перерождению? Он не понимал, что мне, как другу, важнее всего было его собственное спокойствие. Больше того, я радовался вместе с ним, радовался, и все же мне было жаль. Жаль науки, что потеряла моего друга, потеряла навсегда. Я знал, что как специалист он был не чета многим. Но бумаги, бумаги, бумаги...

— Работать в корзину? Лепить панельные коробки? Увольте...

Сколько приходилось слышать таких едких, горестных речей... И люди покорялись, шли на работу, как на каторгу, лишь бы отсидеть, провести время — они тяжело переживали свое безделье, они пасовали, не находя в себе сил бороться с необоримым.

Из числа моих товарищей, десять — двенадцать лет назад окончивших вузы, сегодня ни один не работает по прямой инженерной специальности — они стали редакторами, техническими переводчиками... И разве можно их винить за это? Мой друг-таксист поступил, я считаю, честнее, он всегда был совестлив, всегда действовал прямолинейно, открыто. Он хотел принести пользу — он и приносит ее. Ощутимую. Зримую. Реальную.

Что ж, каждый поступает как может, в меру своих сил...

Помню и другого шофера — случайного попутчика в дороге. Он подобрал меня на выезде из Пскова и довез до Ленинграда. Большой, тяжелый «КамАЗ» был гружен бетонными трубами. Я поинтересовался, почему возникла необходимость в подобной сверхдорогой перевозке. Неужели ленинградцы сами не могут наладить производство бетонных труб?

Он ухмыльнулся: «Почему не могут? Делают. Вот сгружу эти и точно такие же повезу назад, только из другой организации, в другую, псковскую. Усекаешь, парень? Работаем!» Он благодушно рассмеялся.

Я попробовал было возражать, но он гневно меня перебил: «Что ты волнуешься? Побереги нервы! А в Ереван возить пустую тару автопоездами не хочешь? А я хочу — мне за такие рейсы надбавку платят плюс командировочные. Я не поеду — другие желающие найдутся. Заботится о нас государство, следит, чтоб безработицы не было».

Нет, возить пустую тару в Ереван из Пскова я не хотел. Я ужаснулся, но, видя его спокойное, привычное ко всему на свете лицо дальнобойщика, както успокоился. Что мне оставалось делать?

И сейчас, вспоминая того шофера, молодого, веселого, бодрого, да и себя самого, лишь посмеявшегося над обычной, привычной бестолковщиной, я подумал о тысячах людей, загубленных бессмысленной «дураковкой», как метко окрестил явление мой тогдашний попутчик, «дураковкой», порожденной и пестуемой всей бюрократической управленческой системой. И правда, зачем ломать голову, зачем стараться — выше головы не прыгнешь...

...Я стоял на Казанском вокзале, глядел на уходящий волгоградский поезд. Мы победили, мы, вместе... Но разве убедили в чем-то тех, с кем боролись? Только напугали, заставили затаиться до поры до времени.

На соседний перрон подошла рязанская электричка. Люди, выходившие из нее, несли большие, но пока пустые сумки, рюкзаки... Они приехали за колбасой. Их мясокомбинат тоже, как и Урюпинский, как и многие другие, работает на Москву по нарядам «Росмясомолторга», старательно производит продукцию, которую одна рука приказывает привозить, а другая — бракует, губит, ибо так спокойнее, удобнее, наконец.

И, глядя на хмурых, целеустремленных рязанцев, я вспомнил случившийся под конец разговор на 14-м хладокомбинате. Я тогда уже «рассекретился» — встречали меня поэтому вежливо и чересчур дружелюбно. Я спросил, есть ли у комбината сложности в работе.

— Конечно, и еще какие,— признался мне юрист холодильника.— В январе, феврале, марте у нас всегда большие перепоставки мяса. Составы простаивают, а разгружать некому — рабсилы мало. Судите сами — по плану Госагропром БССР должен был поставить нам в январе 160 тонн охлажденного мяса, тогда как поступило 642 тонны! А ведь срок реализации — 72 часа! Хочешь не хочешь — разгружай, и срочно в магазины. Мы, конечно, готовим им штраф за перепоставку, и немалый — около 48 тысяч рублей, но они звонят и просят принять еще.

— Из каких городов? — поинтересовался я.

— Из Слуцка, Полоцка, Витебска, Могилева...

— Да и не только из Белоруссии,— вмешалась сотрудница хладокомбината.— Недавно из Рязани звонили: «Возьмете мясо? Девать некуда!» Но мы отказали — они по плану уже норму сдали.

— Откуда же столько мяса взялось? — недоуменно вопрошал я. Юрист лишь развел руками: «Может быть, корма кончились и идет срочный забой, а может быть, и скота вырастили больше...»

Я так и не узнал, отчего в Рязани стало много лишнего мяса,— это тема особой статьи, но тогда на Казанском вокзале, следя за сходившим с электрички народом, я понял, что у них там, в Рязани, как-то исхитрились «пристроить» мясо, ведь продать своим горожанам они не имели права — наряда «Росмясомолторга» у них не было. Но куда?

Люди все шли, и всплыло в памяти доверчивое и немного несчастное лицо Кота Леопольда с подъезжающей к холодильнику машины, и громадная, задабривающая надпись-мольба: «Ребята, давайте жить дружно!»

И надо-то всего немного, подумал я, заменить в том лозунге одно-единственное слово, чтоб звучал так: «Ребята, давайте жить по-новому!» Пора кончать с губительной монополией «Росмясомолторга», идущей вразрез с требованиями перестройки, пора отменить «коопторговские» цены там, где продукция не соответствует реальным затратам, пора, наконец, дать свободу производителям на местах, разрешить им торговать для своих граждан. Пора покончить с бессмысленной «дураковкой», отменить позорные «колбасные электрички», лишь увеличивающие колбасный дефицит в стране. Давно пора, и дело это наше, кровное, и решать его надо сегодня, сейчас, всем вместе, стоит только сделать один шаг и сбросить с глаз пелену неверия, неверия в собственные силы. Шаг этот дастся нелегко, но он проблема первоочередная, без него нечего и думать о подлинной всенародной демократии.

ПОБЕСЕДУЕМ В ДУХЕ ГЛАСНОСТИ...

Начало см. на стр. 6.

Я мог бы привести еще много примеров некомплексности обеих моделей экономической реформы.

В то же время на конференции был выдвинут и обоснован ряд исключительно важных идей — об арендном подряде, о правах хозрасчетного звена, о его взаимоотношениях с министерством и местными Советами... По существу, эти идеи не вмещаются в схему «дополнений» ни к первой, ни ко второй модели. Напрашивался заключительный шаг — сложить из них взаимосвязанную новую систему.

Самое главное, базисное изменение должно состоять в том, чтобы на деле превратить трудовые коллективы в подлинных хозяев предприятий. Чтобы не было принципиальных различий в этом отношении у кооператива или машиностроительного завода, совхоза или семейной фермы.

Мы ведем реформу уже три года. Но очереди в магазинах прежние. В кассах вокзалов — тоже. Дефицит не сократился. Качество изменилось мало. Если в стране есть природные ресурсы, есть руки и есть мозги, но нет нужных результатов, то причину надо искать в той системе, которая все связывает. Реализуемым вариантам экономической реформы явно чего-то решающего недостает. Чего?

Вот в городе Загорске под Москвой много лет был убыточный завод. Сдали его в аренду его же коллективу. Коллектив уволил каждого третьего рабочего и каждого второго управленца. Начали обновлять технику производства, стали использовать отходы. Выполнили госзаказ. Получили доходы. Средний заработок к концу года выйдет по 500 рублей в месяц. Люди перестали быть наемной рабочей силой. Стали хозяевами. И сразу же навели порядок.

Если мы найдем хозяев для общественной собственности, то создадим новую, третью модель кардинальной экономической перестройки — модель хозяина. Что будет характерно для этой модели?

Наряду с Законом о государственном предприятии, Законом о кооперации, Уставом колхоза надо иметь главный закон — Закон о социалистическом предприятии. В нем на деле надо воплотить идею о том, что и госпредприятия, и кооперативы, и колхозы являются социалистическими по природе и потому равноправными по отношению к государству. Поэтому все налоги (отчисления) должны быть одинаковыми. Желательно вообще все отчисления объединить в один налог, определяемый с учетом суммы взятых из общественных ресурсов размеров валового или чистого дохода, количества занятых и т. д. Точно так же все граждане, где бы они ни работали, должны со своих доходов платить единый прогрессивный налог. И с учетом этого базисного Закона следует, мне кажется, пересмотреть все частные Законы.

В новую, третью модель логически вписывается только остаточный подход к определению дохода. Здесь логична

идея ограничения госзаказа твердой долей — пусть 70 процентов, но для всех без исключения. Оставшиеся 30 процентов позволят создать цельный свободный рынок, на котором будет все, разумеется, по договорным ценам.

Далее. Все предприятия делятся на три категории: областного, республиканского и союзного подчинения. Местные создаются и подчиняются местным (областным) Советам, республиканские — органам республики, союзные — органам Союза.

Единый налог у всех категорий предприятий везде делится на три части: отчисления в госбюджет Союза, республики и местного Совета. Но пропорции деления будут разными: одни — у предприятия местного подчинения, другие — у союзного, третьи — у республиканского.

В новой модели министерства из органов, управляющих всем, станут тем, что им под силу,— органами научно-технического прогресса. Они должны работать на основе добровольных отчислений предприятий или за счет средств госбюджета, а также кредита. Прямые поборы с предприятий полностью упраздняются.

Вместе с министерствами полностью реорганизуются и экономические ведомства. За итоги отвечают сами хозрасчетные звенья. Поэтому за суммарные итоги экономики центральные органы могут отвечать только по-новому. Если выяснилось, что в стране недостает сахара, то ты должен действовать, но прав прямо кого-то заставить производить сахар у тебя нет. Это будет принципиально иной, более высокий класс ответственности. Нечто вроде положения тренера во время игры футболистов — руководи по правилам, выбегать на поле нельзя...

Эффект третьей модели перестройки, помимо чисто экономического, будет иметь и другие последствия.

Во-первых, она окончательно разрешит спор между аппаратным и демократическим вариантами перестройки. Не останется самой возможности сохранить руководство за аппаратом. Получив реальную экономическую самостоятельность, трудящиеся станут главной силой перестройки.

Во-вторых, именно такая модель способна создать экономический механизм регионального управления.

В-третьих, такая экономическая модель наиболее соответствует демократической модели политической и партийной жизни. И, наоборот, подлинная демократизация партийно-государственной сферы возможна только при такой экономической модели.

КОМУ ВЫГОДНО ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН

Если есть такой участок, на примере вариантов перестройки которого становится наглядным безусловная необходимость перехода к новой модели экономического механизма, то этот участок — проблема розничных цен.

Для всякого мало-мальски экономически грамотного человека ясно, что цены, сформировавшиеся в период господства административных методов, к общественно необходимым затратам имеют отношение довольно условное. Поэтому, с экономической точки зрения, чем быстрее мы перейдем к ценам, соответствующим стоимости, тем быстрее будет идти вся экономическая реформа. Именно поэтому известные ученые-экономисты такое внимание уделяют проблеме пересмотра цен.

Но даже самые прогрессивные руководители хозяйства склоняются явно или неявно к повышению цен. По существу, беспокойство в отношении роста цен на конференции выразил лишь тов. Шалаев, как и положено лидеру массовой организации трудящихся. И не только о ценах на сельхозпродукцию он говорил — о всех розничных ценах.

Не секрет, что во многих социалистических странах новый экономический механизм обернулся ростом розничных цен. Этот феномен мы по-настоящему не изучили. А он является одним из тех опасных подводных камней, на которые обязательно натолкнется корабль и нашей перестройки.

Прежде чем перейти к волнующей меня (и всех, я думаю) проблеме розничных цен, хочу сделать три замечания о проблеме реформы цен вообще.

Все, что мы слышали об официальной реформе — все ее варианты,— не означает появления цен, соответствующих общественно необходимым затратам, отражающих структуру экономики, спрос и предложение. Речь идет о разовом пересмотре цен сверху по сверху же установленной методике. Это вариант нормативного подхода. Нет сомнения, что при таком аппаратном пересмотре грамотные руководители постараются по максимуму учесть экономические факторы. Аппаратное установление цен и методик их исчисления может преодолеть очевидные безобразия, устранить накопившиеся несоответствия, но ничего не гарантирует на будущее, так как не выведет нас в сферу объективного механизма определения цен. Почему-то это обстоятельство не смущает даже активных сторонников перестройки.

Второе. Если исходить из идеи сокращения госзаказа, выхода производителя на рынок и свободного установления там цен по соглашению продавца с потребителем, то реформа цен теряет свое значение ровно в той мере, в какой сокращается госзаказ.

Поэтому те, кто поднимает на щит реформу цен, или явно исходят из идеи сохранения госзаказа как главного по удельному весу, или хотят заставить свободно общающиеся хозрасчетные звенья пользоваться государственно установленными ценами, или «повязать» их утвержденной методикой установления цен. В итоге смысл самостоятельности и рынка во многом пропадает, их возможности не будут использованы. Этого тоже не хотят видеть многие сторонники перестройки.

И третье. Нельзя смешивать оптовые цены, дотацию государства и розничные цены. Многие государства дают фермерам, регионам, областям дотации и вообще никак не трогают розничные цены. И ничего, получается даже неплохо.

С учетом этих соображений посмотрим на проблему розничных цен. Все справедливо говорят об их росте.

Чем вызван рост розничных цен? Есть ряд объективных факторов, о них обычно только и говорят. Дело, конечно, и в гигантских массах накопленных населением денег, выплаченных в прошлом, но ничем не обеспеченных. Дело порой и в том, что цены у нас когде настолько высоки или низки, что вообще ни под какие стандарты экономики не подходят. Есть проблема дефицита, чисто абсолютной нехватки тех или иных продуктов, изделий, услуг.

Один из факторов роста цен — значительные расходы государства в областях, не создающих продукции и услуг. В самом деле, если денег на рынке много и цены растут, то кто-то эти деньги передает в руки покупателей. Этот «кто-то» — наше государство. Пока оно за все отвечало, оно пыталось увязывать цены, выплаты денег, товарооборот. Теперь ситуация меняется. Деньги оно будет тратить, уже прямо не отвечая за сбалансированность. Иного не может быть при реальной самостоятельности хозрасчетных ячеек. Поэтому надо взять под всенародный контроль и кардинально пересмотреть все каналы расходов и выплат денег государством.

Рост цен на кооперативные пироги неизбежен, если на одного кооператора будут приходиться десятки государственных служащих, получающих зарплату в министерствах, в исполкомах за что угодно, кроме как за создание изделий.

Программа экономии госрасходов, пресечения попыток печатать деньги для покрытия прорех вместо упразднения склонных к прорехам участков — первая область борьбы с ростом цен.

Создание кооперативов сегодня означает обычно рост цен. Но цены растут и на государственные изделия даже при нынешнем хозрасчете. А если будет введен остаточный и тем более арендный? Если госзаказ уменьшится до 70, до 50 процентов и остальное будет реализовываться по ценам договоренности, по свободным ценам? Что удержит самостоятельные организации от повышения цен?

Получается своеобразная картина. В истории человечества рынок, товарное производство побеждали натуральное хозяйство низкими ценами. А у нас выходит, что чем больше рынок, тем выше цена. Проблема тут не в рынке как таковом. Дело в ненормальной структуре экономики, создающей в одном месте дефициты, а в другом — избытки.

А главное — в монополизме наших производителей. Дело не в хозрасчете или рынке, дело в монопольном положении наших предприятий на этом рынке. Они не имеют конкурентов. Монополистом при капитализме становится тот, кто побеждает благодаря эффективности. Но наш монополист — итог административных усилий. Наш монополист — не победитель соревнования. Нередко это предприятие, представляющее собой вчерашний день мирового производства. И оно диктует цены.

Возьмем наш Интурист. Не секрет: повышает цены для иностранцев. Не секрет: вздувает цены на загранпутевки и для нас. А что существенно улучшилось в работе? А вот если вместо Интуриста иметь 10—15 самостоятельных республиканских объединений, имеющих право организовывать туры по всей стране? Возникнет соревнование за клиента. И почему не провести сходную демонополизацию в системе Аэрофлота или, скажем, в программах телевидения? Разве станет хуже?

Чтобы предотвратить рост цен, помимо беспощадной экономии госрасходов, надо разработать и реализовать в стране программу демонополизации. Демонополизация — обязательное условие третьей модели — модели реального рынка. В ней следует предусмотреть разукрупнение объединений. Создание в ближайшие же годы предприятий-конкурентов. Привлечение конкурентов — кооперативов. Создание совместных предприятий. И, наконец, просто форсирование импорта. И не сокращать госзаказ, не переводить на остаточный или арендный хозрасчет предприятия, пока они остаются монополистами. Если этого не сделать, реформа вместо роста эффективности приведет к росту цен.

Особенно острой среди всех проблем розничных цен считается проблема розничных государственных цен на мясо и молоко. Здесь якобы нужны чуть ли не срочные меры, иначе нет стимулов производить мясо и молоко.

Ну, вопрос о стимулах связан не с розничной ценой, а с дотацией от государства. И мне непонятно, почему наступит рай для производителей, если в магазине покупатель начнет платить больше на такую-то сумму и получать эту же сумму от государства в виде компенсации? Эффект от сокращения операций по перекладыванию денег, конечно, будет. Но этот эффект сопряжен с рядом более серьезных проблем.

Говорят, что у нас велики издержки при производстве мяса и молока и они несопоставимы с розничными ценами. И эти розничные цены у нас ниже мировых. Но откуда у нас высокие издержки, если заработок жителя нашего села несопоставим с доходом фермера? Конечно, и производительность труда ниже, но главное все же в другом. Главное — не в самих высоких издержках, а в их типе, их природе.

Смотрите, цены в вагоне СВ повысили, а что изменилось? Плату в гостиницах повысили — что изменилось? Аэрофлот лишил студентов льготных тарифов: вот вам, знайте, что такое хозрасчет. Может, очередь за авиабилетами уменьшилась? Почему же нам можно предполагать, что наш Агропром станет исключением и рост цен на мясо будет квитанцией доплаты на плохое ведение дел в прошлом и векселем доплаты на плохое ведение дел в будущем?

Разве непосильными были нынешние цены для казахстанца Худенко? Разве пугают нынешние цены архангельского мужика, арендаторов Подмосковья? Нет, не пугают.

Для кого же звучат похоронным звоном нынешние цены? Для большинства созданных Сталиным, сохраненных Хрущевым, подкармливаемых все годы торможения бесперспективных колхозов и совхозов, а также всей партийно-государственной надстройки над ними. Для тех, кто не умеет вести перестройку. Кто тормозит семейный подряд, справедливо слыша в нем весть о том, что пора ликвидировать Агропром и сотни тысяч кресел в других ведомствах.

У этой проблемы есть еще один аспект. Почему надо в дискуссию о ценах на мясо обязательно втягивать правительство, ЦК? Почему они должны прикрывать собой бюрократов-неумех?

А как же иначе? — могут сказать. Ведь все мясо-то идет государству! Но не проще ли снизить величину госзаказа наполовину? Тогда наполовину снизится и госдотация? Тогда каждый арендатор охотно сделает больше, чем предписано госзаказом, так как все это он повезет и продаст сам или через другого кооператора.

Цены в этом варианте вырастут, но не по усмотрению начальства, а как итог прямого взаимодействия на рынке. Одни цены будут в Эстонии, другие — в области, где мало что делается для семейного подряда. Одни — весной, другие — зимой. Но это ведь цены рынка, за них ЦК и правительство не должны и не могут отвечать.

А те цены, которые являются государственными, могут остаться на прежнем уровне — пока на рынке не возникнет избыток и цены там не начнут снижаться.

Очень важно не трогать государственные розничные цены. Ведь это яркий показатель того, чем для народа обернется перестройка. Конечно, изобилие при высоких ценах предпочтительнее пустых прилавков. И все же лучше, чтобы этот процесс шел на рынке, без «вклада» государства. Если растет цена на рынке, деньги достаются производителю. Если растет государственная розничная цена, деньги достаются бюрократу.

Я уже не говорю о том, что никто и никогда не поверит, что реформа с перекладыванием денег из кармана в карман, проводимая теми, кто довел сельское хозяйство до ручки, проводимая чиновниками, неминуемо обернется залезанием в карман народа.

Уместно напомнить, что уступка Н. С. Хрущева давлению аппарата в вопросе о росте цен на мясо дорого нам обошлась. Экономику новые цены тогда не подняли, мяса не прибавили, а вот веру народа в реформы Н. С. Хрущева и в него самого подорвали. Неумение своего аппарата эффективно руководить Никита Сергеевич оплатил. Но в итоге он потерял поддержку масс, остался один на один с бюрократами, и вопрос о его устранении через два года стал делом не политики, а закулисной техники.

Чтобы защитить народ от роста цен, надо как минимум исчислять в конце года коэффициент изменения цен, утверждать его на сессии Верховного Совета, автоматически изменять пенсии, стипендии, все твердые оклады. Цены должны стать орудием чистки экономики от ненужных органов и от неэффективных предприятий.

●

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Город в Чехословакии. 9. Соревнования, посвященные памяти выдающихся спортсменов. 10. Советский тяжелоатлет, двукратный чемпион Олимпийских игр. 11. Скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 13. Действующее лицо оперы Д. Россини «Севильский цирюльник». 14. Приток Енисея. 17. Возникновение в процессе развития; формирование. 18. Американский страус. 19. Химический элемент, металл. 20. Порт в Северной Ирландии. 21. Способ спортивного плавания. 23. Предложение граждан по вопросам работы Советов народных депутатов. 26. Физкультурница. 28. Ученый в области механики, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 31. Телевизионная передающая трубка. 32. Общественное объединение, государственное учреждение. 33. Советский грузинский поэт. 34. Рулонный кровельный материал. 35. Название некоторых периодических изданий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Герой Куликовской битвы. 2. Процесс соединения конструкций сооружений, деталей машин. 3. Главный маршал авиации. 4. Герой романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 6. Советский баскетболист, чемпион Олимпийских игр 1972 года. 7. Ударный музыкальный инструмент. 8. Планета. 11. Дипломатическое представительство. 12. Наука о болезнях животных и их лечении. 15. Река на территории Чукотского автономного округа. 16. Птица семейства фазановых. 21. Искусственный заполнитель для легких бетонов. 22. Советский физик, академик. 24. Политический руководитель воинской части в годы гражданской войны. 25. Горнорабочий. 27. Соль кремниевой кислоты. 29. Сказка Андерсена. 30. Приспособление для присоединения к трактору нескольких сельскохозяйственных машин.

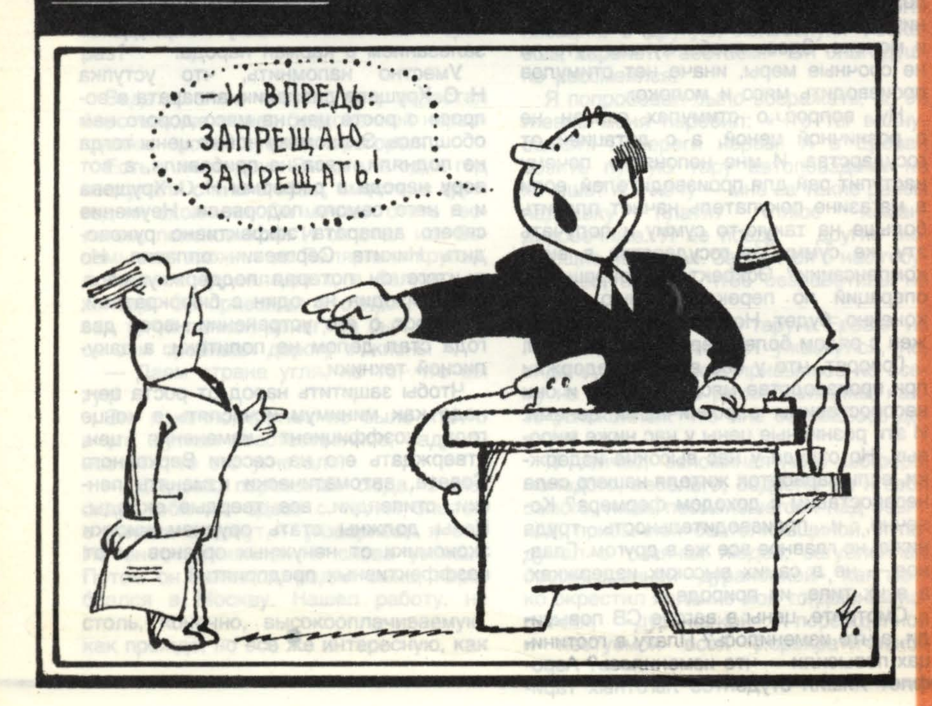
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Аспирант. 8. Образцов. 10. Лобанок. 11. Панама. 13. Опатия. 15. Агентство. 16. Навага. 18. Асидол. 20. «Парус». 22. Выгон. 24. Компас. 27. Студия. 29. «Локомотив». 30. Стильб. 32. Ломбок. 34. Известь. 35. Вероника. 36. Глиссада.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Эстрада. 2. Диета. 3. Баклага. 4. Крюкова. 5. Язьва. 6. Топливо. 9. Мастер. 12. Магистраль. 14. Посольство. 17. Веризм. 19. Доклад. 20. Плов. 21. Стен. 23. «Гамлет». 25. Остужев. 26. Собинин. 27. Сильвин. 28. Иноходь. 31. Ленок. 33. Мерси.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Самуила ВАЙСБРОДА.

Александр ЛЕВИНСОН   Анатолий БОЧИНИН (фото)

ПОБЕДЫ... ВСЕМУ ВОПРЕКИ

О НАШЕМ ТЕННИСЕ ВНОВЬ ЗАГОВОРИЛИ. СОВЕТСКИЕ МАСТЕРА В ЭТОМ СЕЗОНЕ ОДЕРЖАЛИ РЯД СЕНСАЦИОННЫХ ПОБЕД НАД ВЕДУЩИМИ ТЕННИСИСТАМИ МИРА. ЗНАЧИТ ЛИ ЭТО, ЧТО УСПЕХИ СПОРТСМЕНОВ СБОРНОЙ СССР, КОТОРЫХ ОНИ ДОБИЛИСЬ, ЗАКОНОМЕРНЫ? НЕТ, СКОРЕЕ НАОБОРОТ...

Гостей собралось так много, что даже места, предназначенные в гостинице «Юрмала» для журналистов, оказались занятыми какими-то людьми в безупречно модной теннисной экипировке...

Но, несмотря на наш унылый сервис и на капризы погоды, теннисный праздник удался: и для зрителей, увидевших острые поединки, и для участников турнира, особенно советских теннисистов, выигравших матч у голландцев «всухую» — 5:0.

Успех наших спортсменов А. Волкова, А. Чеснокова, А. Ольховского, А. Черкасова вновь вернул советских теннисистов в группу шестнадцати сильнейших команд мира, ведущих непосредственную борьбу за «Серебряную салатницу». Эта победа как бы подтвердила заметный прогресс нашего тенниса на международной арене.

Отрадно, что тренеры сборной СССР располагают сейчас достаточно большой группой игроков международного класса. Но, заметьте, все одержанные теннисистами победы — на чужих «полях». Если бы речь шла о футболе — это было бы достижением уникальным. Но наши теннисисты не могут сказать, что дома им стены помогают: таковых «стен» у советских мастеров ракетки попросту нет. Дома им играть практически негде, да и не с кем. Уже много лет продолжаются разговоры о необходимости построить хотя бы один (!) на всю страну современный стадион с открытыми и закрытыми кортами, с восстановительным центром. Только те, от кого зависит решение вопроса, не торопятся. Может, считают этот вид спорта второстепенным, для нашего общества необязательным? Нет, наверное,— ведь сами-то они, как правило, любят теннис, играют с большим удовольствием. И для них, я думаю, не существует проблем — где найти свободный корт, как купить хорошую ракетку, раздобыть баночку «свежих» мячей... Стоит ли удивляться, что дело остается на мертвой точке?

Правда, благодаря усилиям энтузиастов в ближайшее время что-то должно измениться. Тренер сборной СССР Ш. Тарпищев говорил мне, что в Саратове строится теннисный центр, а в Адлере создается стадион, где скоро можно будет на высоком уровне проводить матчи, например, на Кубок Дэвиса. Наверное, порадует любителей тенниса сообщение и о том, что в Сочи с помощью американской фирмы «Маккормик» намечено соорудить большой спортивный комплекс для любителей этой игры. Известно, что другие зарубежные фирмы тоже не прочь вложить свои капиталы в строительство советских теннисных центров. Может, стоит воспользоваться предложениями? Дватри стадиона положения не спасут, а наша собственная спортивная индустрия, судя по всему, еще долго будет топтаться на месте.

Конечно, в последние годы большой теннис гораздо чаще приходит на наши телеэкраны, но наивно полагать, что вот так, у телевизоров, можно вырастить чемпионов. Вспомним: в тридцатые годы легендарный французский спортсмен Анри Кошэ был приглашен в Москву и несколько недель проводил показательные игры, тренировал молодых теннисистов. Уроки маэстро не прошли даром: у нас появилась целая плеяда прекрасных игроков. Наверное, стоит эту форму учебы возродить. Тем более что несколько зарубежных знаменитостей — например, прославленный американский мастер ракетки Артур Эш — предлагают совершить у нас в стране подобные турне.

Мне могут возразить: «звезды» потребуют солидного гонорара, конечно, в валюте. Из каких источников платить? Проблема эта не столь уж сложна, поскольку сейчас наши ведущие мастера неплохо зарабатывают, играя в различных зарубежных турнирах. Например, Зверева, Савченко и Чесноков принесли Госкомспорту СССР в этом сезоне уже несколько сот тысяч долларов!

Современный теннис — это не просто состязание на корте двух или четырех спортсменов: теперь турниры привлекают тысячи и тысячи зрителей, крупнейшие фирмы заботятся о рекламе, телевизионные магнаты борются за право трансляции. В большой игре — большие деньги. И наши спортсмены вошли в эту игру равными партнерами. Раньше, правда, у нас о финансовой стороне теннисных турниров даже и не писали, словно советские мастера играют лишь ради собственного удовольствия. Но уже если мы попали на эту орбиту, то надо прочно на ней держаться, а без должного порядка в своем теннисном хозяйстве достичь такой цели будет вряд ли возможно.

Хозяйственные, финансовые вопросы — это лишь часть дела. Нам нужны свои теннисные школы, которые могли бы воспитать плеяды мастеров! Можно назвать немало наставников, которые добивались в те или иные годы значительных результатов, но сейчас время требует гораздо больших усилий. И ведь есть у нас хорошие теннисные традиции, есть отдельные примеры — теперь бы укрепить, оснастить материально наше наставничество! Тренер Татьяна Наумко воспитала Андрея Чеснокова, тренер Валерий Шкляр подготовил Александра Волкова, у Натальи Роговой только-только заявил о себе Андрей Черкасов, у Виктора Янчука вырос Андрей Ольховский, у Тийу Нейланд — Андрис Высанд... А где, скажем, теннисные школы Константина Пугаева, Александра Зверева, Сергея Леонюка?..

Никто не сомневается, что в нашей стране сколько угодно спортивных талантов, в том числе и теннисных. Это только за рубежом подчас не могут понять: почему вдруг никому не известный мальчишка из московских Сокольников или девчонка из Минска начинают обыгрывать знаменитостей, с детства познавших все блага лучших теннисных школ? Там вложены огромные деньги в этот доходный и престижный спорт, там чемпионов растят и пестуют, как дорогие экзотические цветки. И все же наши ребята научились обыгрывать самых лучших. К сожалению, не благодаря уровню развития нашего тенниса, а вопреки ему. Так не пора ли уравнять, наконец, условия?

DAVIS CUP by NEC

В церкви Святого Амвросия Новодевичьего монастыря разместилась уникальная выставка русского оружия XIII—XIX веков. Экспозиция создана из фондов Государственного исторического музея, отдел оружия которого насчитывает около 16 тысяч экспонатов.

Работники музея воссоздали полные доспехи русского воина к 800-летию «Слова о полку Игореве»: копья и стрелы, кольчужные нагрудники, кирасы, пики, латы, росписные деревянные щиты... В залах с русским оружием на нас взирают со стен лики святых — покровителей воинства российского — Георгия Победоносца, Федора Стратилата, Дмитрия Солунского...

Тут можно увидеть и работы известных русских мастеров — искусников Оружейной палаты Московского Кремля, оружейников Тулы, Златоуста. Есть в коллекции и сабля Наполеона. Как она попала в Россию? Оказывается, это личный подарок императора графу Шувалову, который сопровождал его в ссылку. Здесь же сабля князя Пожарского и сабля албанских мастеров — награда Суворова офицеру Ежову за взятие Измаила... Многое на выставке можно увидеть впервые — печать Петра Первого, золотые монеты, которые нашивались как награды на мундиры воинов в XVI веке, а рядом — звезда и лента первой степени ордена Георгия Победоносца, принадлежавшие Суворову...

Старинные книги, гравюры из военной истории России, знамена полков, покрывших себя неувядаемой славой, портреты знаменитых полководцев... Все это память. Память о делах бранных и славных, память о русских воинах, солдатах.

Зоя КРЯКВИНА

Фото Михаила САВИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663